

МЕЖГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина
ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ЯЗЫКОВ

ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

**Сборник статей Международной
научно-практической конференции
(г. Бишкек, 25 апреля 2025 г.)**

Бишкек 2025

УДК 81'27

ББК 81

Я 41

Ответственный редактор

Л.С. Сулайманова, канд. филол. наук, доцент, директор

Института мировых цивилизаций и языков КРСУ им. Б.Н. Ельцина

Редакционная коллегия:

З.К. Дербишева, д-р филол. наук, профессор, заместитель директора
Института мировых цивилизаций и языков КРСУ им. Б.Н. Ельцина;

М.С. Чинлода, канд. филол. наук, главный научный
сотрудник Института мировых цивилизаций и языков КРСУ им. Б.Н. Ельцина

Рецензенты:

С.В. Балакин, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры германской
филологии Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина, заведующий
кафедрой «Иностранные языки и межкультурные коммуникации» ФГБОУ ВО
«Уральский государственный университет путей сообщения»,

П.К. Кадырбекова, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры лингвистики
Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына,

О.Ю. Шубина, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики
английского языка и межкультурной коммуникации КРСУ им. Б.Н. Ельцина

Рекомендовано к изданию

Научно-техническим советом КРСУ им. Б.Н. Ельцина

Я 41 ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР: сб. ст. Междун.
науч.-практ. конф. (г. Бишкек, 25 апреля 2025 г.) / отв. ред. Л.С. Сулайманова.
– Бишкек: Издательский дом КРСУ, 2025. – 252 с.

ISBN 978-9967-36-100-3

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Языковое разнообразие и диалог культур», посвященные актуальным вопросам взаимодействия языков и культур в условиях глобализации. Статьи охватывают широкий спектр проблем – от лингвокультурологических и социолингвистических аспектов до методики преподавания иностранных языков и применения цифровых технологий в образовательной среде. Издание представляет интерес для филологов, педагогов, лингвистов и всех, кто занимается вопросами языковой политики, межкультурной коммуникации и сохранения языкового многообразия.

УДК 81'27

ББК 81

ISBN 978-9967-36-100-3

© МОО ВО КРСУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Приветственное слово проректора по науке и инновационным технологиям КРСУ им. Б.Н. Ельцина Е.В. Шекунова	8
Приветственное слово председателя Совета Ассамблеи народа Кыргызстана К.А. Матубраимова	10
Дербишева З.К. Тренды в языковой ситуации Кыргызстана как факторы укрепления витальности русского языка в поликультурном обществе.....	13
Гусейнова И.А. Естественные языки как инструмент межкультурного взаимодействия в институциональной сфере.....	23
Ибраев А.О. Языковое разнообразие как фактор межкультурного диалога: пример Кыргызской Республики.....	36
Тагаев М.Дж. Место и роли кыргызского и русского языков в социокультурном пространстве Кыргызстана	45
Абдуллаев С.Н., Канатбек кызы Айсулуу. Транслингвальность и культурно-языковое взаимодействие этносов Прииссыккулья.....	50
Джаманкулова К.Т. Межкультурная коммуникация как важный фактор во взаимоотношениях между представителями различных культур.....	56
Джумабаева О.К. Инновационные технологии в обучении киргызскому языку иностранных студентов.....	66
Джумаза М.В. «Теория инкорпораций» Е.Д. Поливанова как модель грамматического описания слоговых языков	68
Еникеев И.А. Транслингвальный автор в контексте этнической жанровой традиции	77

Ибрагимов М.И. Концепт «миллэт» (нация) в стихотворениях Г. Тукая и их русскоязычных переводах	85
Кадырбекова П.К. Тенденции развития межкультурной коммуникации и лингвокультурологии в Кыргызстане.....	89
Кадыркулова У.К. Космический код в кыргызской и русской лингвокультурах	96
Казакбаева А.С. Особенности перевода на английский язык реалий, отражающих национальный и исторический колорит, на примере произведений Чингиза Айтматова.....	107
Калиева К.А., Темирбекова З.И., Ибраимова К.С. Linguocultural analysis of english phraseological units related to female image (based on english short stories).....	112
Лазари迪 М.И. От Руставели к Осмонову – через пространство и время	121
Молдомамбетова А.С. Кодовые переключения в кыргызском кинодискурсе.....	130
Нарозя А.Г. Филологический анализ художественного текста как средство развития русской речи в тюркоязычной аудитории	136
Оторчиева А.Т. Кыргыз жана араб тилдериндеги «баш» лексемасы менен түзүлгөн эки компоненттүү фразеологизмдер	144
Рахимов Д.М., Дурдыева О.М. Основные этапы и проблемы исследования туркменского языка	157
Сатыбалдиева Г.А., Темиркулова Б.М. Коммуникативно- прагматические особенности стилистических средств в лингвопоэтике	163
Середина Ю.Е. Teaching translation criticism using a comparative model of P. Newmark	176

Федянина А.А. Диалог культур в переводе: стратегии передачи этнокультурных реалий в испанских версиях произведений Чингиза Айтматова	187
Хаваза Ф.Н. Семантика и символика числовых компонентов в дунганских пословицах и поговорках	192
Циленко Л.П., Закирова Е.С., Медведева Е.П., Неделько И.А. Modeling universal language competence of future experts in economics	201
Циленко Л.П., Циленко К.С. Language, Identity, and National Narratives	206
Чарыкулыев Р.Р. A Comparative Study of Dog-related Idioms in Turkmen and Chinese: Linguistic Forms and Cultural Connotations	211
Чинлода М.С. Роль тенгрианских символов и смыслов в творчестве Ч.Т. Айтматова	217
Янкин Н.В. Прагматическое содержание и способы выражения речевого акта «пожелание» в русском и турецком языках	222
Тилекматова А.Т., С. Данияр кызы. Наукометрический ракурс публикационной активности лингвистов Кыргызстана по данным РИНЦ	229
Билкис С. Диалог языков и культур в Индии	237
Доолотбекова Э.Т. Methodological Techniques for Using Fairy Tales in English Lessons	241
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	247

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный мир отличается глубокой взаимосвязанностью культур и языков, стремительно развивающимся межкультурным взаимодействием и необходимостью устойчивого диалога в многоязычном сообществе. В этих условиях особое значение приобретает исследование языкового многообразия, роли языка как носителя национальной идентичности, а также механизмов межкультурной коммуникации.

Научная конференция *«Языковое разнообразие и диалог культур»*, организованная Институтом мировых цивилизаций и языков КРСУ, которая состоялась 25 апреля 2025 года на базе Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина, стала площадкой для плодотворного обмена мнениями между исследователями, преподавателями, аспирантами и студентами, занимающимися вопросами лингвистики, культурологии, филологии, перевода, социолингвистики и смежных дисциплин.

Конференция была открыта **выступлением проректора по науке и инновационным технологиям КРСУ им. Б.Н. Ельцина Е.В. Шекунова** и **председателя Совета Ассамблеи народа Кыргызстана А. Матубраимова**, подчеркнувшего значимость сохранения языкового и культурного многообразия как ключевого ресурса устойчивого развития общества и укрепления гражданского мира.

В рамках работы конференции были представлены доклады, охватывающие широкий круг тем, затрагивающие проблемы транслингвальности и перевода реалий, вопросы национальной идентичности, лингвокультурологии и межэтнической коммуникации.

В качестве докладчиков на конференции выступили ученые и преподаватели из разных регионов Кыргызстана и зарубежных стран. Доклады З.К. Дербишевой, А.О. Ибраева, М.Дж. Та-гаева, С.Н. Абдуллаева, Д. Рахимова и А.С. Молдомамбетовой раскрывают актуальные вопросы социолингвистики. Проблемы

межкультурной коммуникации и лингвокультурологии отражены в работах П.К. Кадырбековой, К.Т. Джаманкуловой, У.К. Кадыркуловой, А.Г. Нарозя, М.С. Чинлода и К.А. Калиевой. Вопросы структурной лингвистики описаны в работе М.В. Джумаза. Доклады Л.П. Циленко, К.С. Циленко, А.С. Казакбаевой, А.А. Федяниной, Ю.Е. Середины осветили основные вопросы переводоведения и транскультурации. Кроме того, участникам конференции выдалась возможность ознакомиться с вопросами лексикологии, семантики и грамматики, которые были отражены в докладах Ф.Н. Хаваза, Н.В. Янкын, Г.А. Сатыбалдиевой и Б.М. Темиркуловой. Лингвистический и сравнительный анализ художественных произведений были проведены в докладах М.И. Лазариди, И.А. Еникеева и Р.Р. Чарыкулыева. Особый интерес среди научно-педагогических работников вызвали работы Л.П. Циленко, Е.С. Закирова, Е.П. Медведева, И.А. Неделько, О.К. Джумабаевой, Э.Т. Доолотбековой, посвященные обучению языкам и методике преподавания.

Материалы, вошедшие в настоящий сборник, отражают не только научный интерес к теме языкового многообразия и диалога культур, но и вклад исследователей в развитие гуманитарных наук, укрепление международных и межэтнических связей. Мы уверены, что представленные работы будут полезны для научного сообщества, студентов, преподавателей и всех, кто интересуется проблемами языка и культуры в современном мире.

Оргкомитет конференции.
Бишкек, 2025

**Приветственное слово проректора по науке
и инновационным технологиям КРСУ им. Б.Н. Ельцина
Евгения Владимировича Шекунова**

**Уважаемые участники конференции, гости, коллеги,
дорогие студенты!**

Я рад приветствовать вас в Кыргызско-Российском Славянском университете на Международной научно-практической конференции «Языковое разнообразие и диалог культур», приуроченной ко **Дню науки и инноваций в КРСУ**.

Благодарю всех за внимание и интерес к нашей конференции, которая позволила собрать представителей 20 вузов стран ближнего и дальнего зарубежья. Было подано заявок на участие в конференции более 60 ученых-лингвистов и преподавателей из разных стран мира. Среди участников представители разных регионов Кыргызстана, а также из России, Китая, Испании и Туркменистана. Участие в мероприятии кыргызских и зарубежных исследователей обеспечит широкое международное сотрудничество и обмен научным опытом.

Я хотел бы выразить личную благодарность нашим почетным гостям **Алманбету Матубраимовичу Матубраимову**, председателю Совета Ассамблеи народа Кыргызстана; **Ибраеву Алмазу Ороказуновичу**, первому проректору Кыргызско-Турецкого университета «Манас», а также видным ученым-лингвистам с мировыми именами **Гусейновой Иннаре Алиевне**, **Рафаэлю Гузману**, **Дербишевой Замире Касымбековне**, **Тагаеву Мамеду Джакыповичу** и другим присутствующим участникам.

Одной из основных целей конференции является объединение усилий филологической общественности для изучения вопросов взаимодействия и сохранения различных языков в полиглоссическом сообществе на современном этапе. Я уверен, что сегодня на дискуссионной площадке нам удастся обсудить вопросы взаимодействия

различных культур через язык и его роли в культурном обмене и взаимопонимании.

Уважаемые коллеги, проведение конференции является важным событием и, несомненно, внесет вклад в улучшение процесса научных исследований в области лингвистики, создаст стимулы для дальнейшей плодотворной работы.

Желаю всем участникам конференции плодотворных дискуссий, конструктивного диалога и эффективного взаимодействия!

Благодарю за внимание!

Приветственное слово председателя Совета Ассамблеи народа Кыргызстана К.А. Матубраимова

Уважаемые друзья, гости, студенты и участники конференции!

Сегодня мы собрались здесь, чтобы отметить то, что делает наш мир в целом таким уникальным и богатым, – языковое разнообразие и культуру в ее самых разных проявлениях. Я, как руководитель Ассамблеи народа Кыргызстана – организации, которая работает во имя сохранения культурного наследия и единства народа страны, рад приветствовать вас на этой важной площадке диалога, где пересекаются идеи, традиции и голоса со всего мира.

Язык – не просто инструмент общения. Это мост между поколениями, ключ к пониманию чужой истории, искусства, философии, интеллекта. Каждый язык несет в себе уникальную картину мира, а университет, как пространство знаний и инноваций, призван стать местом, где эти картины сливаются в единую мозаику взаимного уважения и сотрудничества. Необходимо отметить, что Конституция нашей страны (ст. 13) гарантирует представителям всех этнических групп, образующих народ Кыргызстана, право на сохранение, изучение и развитие родного языка и культуры.

На международном уровне основы фундамента культурного и языкового многообразия заложены в статье 55 Устава ООН, как необходимые условия обеспечения всеобщего благополучия и дружественных отношений между нациями. А четвертая цель в области устойчивого развития (ЦУР), касающаяся всеохватного и справедливого качественного образования, ориентирует нас на обеспечение устойчивого развития в сфере воспитания глобальной гражданственности и уважения к культурному многообразию.

Великий писатель кыргызского народа Чынгыз Айтматов понимал, что язык – это душа народа. В одном из своих выступлений он подчеркивал, что: **«Язык – это память народа. Он хранит его радости и боли, мудрость и надежды. Лишиться языка – значит**

лишиться корней». Эти слова – набат для всех нас, призыв беречь не только родную речь, но и уважать языки других народов.

Но язык – лишь часть огромного культурного наследия, которое хранит память народов: обычаи, ритуалы, музыку, ремесла, устные сказания. Каждая традиция – это живой код, передающий ценности, мудрость и идентичность целых поколений.

Все это жизненно важные вопросы сегодняшнего и, без сомнения, завтрашнего дня, и мы должны понимать, что по-настоящему устойчивое развитие возможно лишь при условии усиленного внимания к языку и культуре, – только так можно обеспечить две ключевые предпосылки устойчивого развития.

Хотелось бы отметить, что образовательная сфера и учебные заведения играют большую роль в поддержке многоязычия и сохранении культурного наследия. Ведь здесь учатся студенты из разных стран, ведутся исследования, проходят фестивали культур, а в аудиториях звучат дискуссии на разных языках. Но сохранить традиции – значит не только изучать их, но и дать им новую жизнь. Как сделать так, чтобы молодежь, впитывая современные технологии, не теряла связь с корнями? Как превратить древние обряды в источник вдохновения для искусства, науки, образования?

Сегодня эти вопросы актуальны как никогда. Сегодня мир вступил в новую эпоху, глобализация привела к мировому кризису, поразившему важнейшие сферы духовной жизни, к фактическому расколу единого материально-духовного пространства общества, породила разрыв между знанием и историко-культурными и традиционными ценностями отдельных стран и народов. Изменения происходят в иерархии смыслов – в самом главном основании жизни. Уничтожаются государства, страны, искусство, культура, традиции и языки.

В эпоху глобализации культурное наследие может стать не религией прошлого, а фундаментом для будущего. Оно учит нас толерантности, напоминает, что за каждым словом, жестом, символом стоит тысячелетний опыт человечества и уважение к обществу и друг другу. Университет, как пространство знаний, призван стать

лабораторией, где традиции и инновации, дополнив друг друга, приведут к развитию и процветанию нашего будущего.

И наша конференция – это шаг к такому будущему. Сегодня у нас есть уникальная возможность услышать экспертов, педагогов, студентов и активистов, которые делятся опытом, проектами и идеями. Пусть эти дни станут импульсом для новых совместных программ, исследований и инициатив! Ведь, сохранив культурное наследие, мы не просто защищаем прошлое – мы создаем основу для диалога, где каждая культура обретает голос, а различия становятся поводом для взаимного обогащения.

Хочу поблагодарить всех, кто приложил усилия для организации этого события, и каждого из вас – за готовность внести свой вклад в наше общее дело. Пусть эта конференция вдохновит нас на смелые шаги, укрепит межкультурные связи и напомнит, что в многообразии – наша сила!

Желаю всем плодотворной работы, ярких дискуссий и новых открытий!

УДК 81'27(575.2)

3.K. Дербишева

**ТRENДЫ В ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ
КЫРГЫЗСТАНА КАК ФАКТОРЫ
УКРЕПЛЕНИЯ ВИТАЛЬНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация. В статье представлены результаты социолингвистического исследования, проведенного в КТУ «Манас», направленного на выявление языковых предпочтений участников – студентов кыргызской национальности в зависимости от сферы применения, – трудоустройство, образование, бизнес и межгосударственное общение. Анализ показал, что русский язык воспринимается как более значимый в контексте заработка денег (62,4 % против 33,9 % за кыргызский), получения среднего и высшего образования, ведения бизнеса и труда, особенно среди респондентов, выросших в городах и поселках. В то же время респонденты из сельской местности чаще склоняются к использованию кыргызского языка в локальных сферах. Также был выявлен разрыв в восприятии международного значения языков: русский язык получил значительно более высокую оценку (81,2 %), чем кыргызский (59,5 %). Несмотря на это, оба языка активно используются в государственных учреждениях, с незначительным преимуществом кыргызского языка. Полученные данные подчеркивают продолжающееся доминирование русского языка в стратегически важных социальных и экономических сферах.

Ключевые слова: языковая политика; языковая ситуация; кыргызский язык; русский язык; билингвизм.

Z.K. Derbisheva

**TRENDS IN THE LANGUAGE SITUATION
OF KYRGYZSTAN AS FACTORS STRENGTHENING
THE VITALITY OF THE RUSSIAN LANGUAGE
IN A MULTICULTURAL SOCIETY**

Abstract. The article presents the results of a sociolinguistic study conducted at the Kyrgyz-Turkish Manas University, aimed at identifying

the language preferences of participants – students of Kyrgyz nationality across various domains such as employment, education, business, and international communication. The analysis shows that the Russian language is perceived as more important for earning income (62,4 % compared to 33,9 % for Kyrgyz), as well as for receiving secondary and higher education, conducting business, and securing employment – especially among respondents who grew up in urban and semi-urban areas. In contrast, respondents from rural areas tend to prefer Kyrgyz in more localized contexts. A notable gap was identified in the perceived international significance of the languages: Russian received a considerably higher average rating (81,2 %) than Kyrgyz (59,5 %). Nevertheless, both languages are actively used in government institutions, with Kyrgyz having a slight advantage. The findings highlight the continuing dominance of the Russian language in strategically important social and economic spheres.

Keywords: language policy; language situation; Kyrgyz language; Russian language; bilingualism.

Президент Кыргызской Республики Садыр Жапаров в рамках общенационального форума «Единый народ – сильная страна» (13 ноября 2023 года) в своем обращении отметил важность развития государственного и других языков. «Стремясь к достижению единства нашего народа, мы должны четко заявить: развитие государственного языка, сохранение многоязычия – это веление времени» [1].

Наряду с этим в речи Президента было подчеркнуто, что наше государство непременно будет улучшать условия для изучения и развития родных языков всех этнических групп, проживающих на территории Кыргызской Республики.

При этом Президент особо отметил, что русский язык сохранит важную роль в жизни нашего народа в статусе официального языка.

В своей речи Президент призвал активно работать над тем, чтобы каждый кыргызстанец свободно владел, кроме государственного кыргызского языка, своим родным языком, а также официальным русским и одним из иностранных языков. И такое заявление целиком и полностью вписывается в логику современного жизненного уклада человечества. Установлено, что весь мир живет в полилиязычном мире. Фактически не существует народов, владеющих

только одним языком. Почти каждый житель Земли владеет, кроме родного, еще двумя и тремя языками.

Очевидно, языки по уровню развития не могут быть одинаковыми. В мире насчитывается около 7 тысяч языков. Но почти у всех языков – своя жизнь, своя судьба. Есть языки *здоровые, больные, исчезающие, мертвые*. Более 90 % населения Земли говорит на одном из 25 самых распространенных языков. К ним относятся: китайский язык – 1 млрд 213 млн; испанский – 329 млн, английский – 328 млн; арабский – 221 млн; хинди – 182 млн;ベンгальский – 181 млн; португальский – 178 млн, русский – 169 млн, японский – 122 млн.

Количество языков убывает: каждый год исчезает 10 языков. Они исчезают сами по себе. Старшее поколение пытается сохранить язык, а молодое более pragматично, оно стремится овладеть языком более развитым, более престижным для улучшения качества своей жизни [2, с. 201].

Особенность русского языка в Кыргызстане заключается в том, что он является родным языком не только для русского населения в Кыргызстане, но и для представителей других этносов и национальностей; большинство людей, говорящих по-русски в современном Кыргызстане, этническими русскими не являются. Чаще всего это двуязычные кыргызы – билингвы, зачастую владеющие русским как родным языком, а также представители других народов, проживающих преимущественно в Чуйской области и некоторых городах северных областей (узбеки, дунгане, украинцы, корейцы, татары, калмыки, таджики, турки-месхетинцы, курды, ингуши и др.).

Также жители республики русским языком пользуются и в Интернете, так, согласно статистическим данным, русскоязычный раздел является самым популярным разделом «Википедии» в Кыргызстане: с 2009 по 2013 год ее доля среди разделов на других языках возросла с 69,2 % до 80,7 % [3].

В Казахстане 19 января 2023 года состоялся Международный экспертный брифинг «Год русского языка в Центральной Азии», в котором приняли участие представители общественных организаций и академического сообщества России, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана [4].

Витальность русского языка для всех государств Центральной Азии выражается во множестве факторов:

1. Уже больше века русский язык в СССР и ныне на территории постсоветских государств выполняет функции языка науки, культуры и межнациональных коммуникаций. Зачастую даже тюркоязычные народы Центральноазиатского региона предпред- читают использовать русский в общении с представителями другого, пусть и родственного, тюркского этноса.
2. Важными являются и факторы экономического взаимодействия как между соседями по региону, так и с Россией и другими государствами евразийского блока. Всем известно, сегодня на русском языке «общается» и бизнес.
3. Кроме того, для стран Центральной Азии все еще актуальны вопросы трудовой миграции – знание русского дает конкурентное преимущество и материальные преференции и для мигрантов. «В настоящее время мигранты, приезжающие в Россию с целью заработка, сдают экзамены по русскому языку, истории и российскому законодательству в письменной форме. Тем не менее подобный формат тестирования не является всеобъемлющим. В этой связи планируется внедрение ряда комплексных изменений порядка проведения экзаменов. Так, экзамен по русскому языку будет проводиться в устной форме с полной видеофиксацией процедуры проведения экзамена. Ведь именно навыки устного владения русским языком позволяют мигрантам социально и культурно адаптироваться в России как можно быстрее» [5].
4. Сегодня русский язык в СНГ – язык науки и образования. Свидетельством того является реальная практика: множество наших ученых из числа всех стран Центральной Азии публикует свои статьи на русском языке в российских журналах, индексируемых в РИНЦ и ВАК. Благодаря русскому языку исследования, открытия наших ученых становятся известными за пределами нашей республики, во многих странах мира, поскольку русский язык признан одним из языков мировой науки.

Все наши ученые выступают на крупных международных конференциях и форумах, где русский язык наряду с английским языком является основным языком научной дискуссии.

5. Еще один интересный факт – русский язык занимает второе место по распространенности в Интернете. На нем издаются колоссальные объемы гуманитарной, научно-технической, популярной, художественной, детской литературы. И в плане перевода (как с русского языка, так и на него) он также является одним из востребованных на сегодняшний день.

С уверенностью можем констатировать, что в последнее время языковая политика государства достигла значительных успехов в продвижении государственного языка. Вместе с тем можно наблюдать, что складывается определенный дисбаланс в функционировании кыргызского и русского языков. И подтверждением этому могут быть не только приведенные выше факты, но и экспериментальное исследование реальной языковой ситуации путем опроса самих носителей языка. В 2019 году филологами КТУ «Манас» был реализован социолингвистический проект по проблеме языковой ситуации в Кыргызстане. В нем участвовали наши кыргызские языковеды, турецкие ученые. Руководителем проекта был профессор из Турции Мехмет Айдын. Для сбора информации использовали анкетирование. Было составлено несколько анкет, первая из которых включала демографические данные студентов (возраст, пол, профессия, уровень образования, уровень образования родителей, этническая идентичность респондента). Надо отметить, что респондентами были этнические кыргызы – студенты 12 кыргызских вузов.

Две другие анкеты, использованные в исследовании, имели исследовательский характер, а именно: анкета «Использование языка – Языковой выбор» (Language Use-Choice Questionnaire). И следующая анкета – это «Субъективный аспект этнолингвистической витальности» (Subjective Ethnolinguistic Vitality) [6].

В общей сложности данные анкеты состояли из 35 вопросов. Для этого исследования было напечатано и распространено 2 500 анкет, из которых около 2 000 были обработаны.

Конституционно кыргызский язык является государственным, а русский – официальным. Хотя роли этих языков определены в кыргызских законах, эта ситуация не была понята носителями языка. Участникам были заданы вопросы о том, какой из языков – кыргызский или русский – они считают более важным в определенных сферах. Затем полученные на основе их ответов данные были представлены с помощью графиков и таблиц. Приводим часть анкетных вопросов [6]:

График 24. На каком языке вы думаете? (с. 100).

График 25. На каком языке вы мечтаете? (с. 100).

Диаграмма 26. На каком языке вы считаете? (с. 101).

Диаграмма 27. На каком языке вы читаете книги? (с. 101).

Диаграмма 28. На каком языке вы смотрите телевизор? (с. 103).

Диаграмма 29. На каком языке вы пользуетесь Интернетом? (с. 104).

График 30. На каком языке вы читаете газеты/журналы? (с. 105).

График 43. Какой язык вы предпочитаете использовать при разговоре по академическим вопросам?

График 44. Какой язык вы предпочитаете использовать, когда говорите на тему культуры?

График 45. Какой язык вы предпочитаете использовать, когда говорите на общественно-политические темы?

График 42. Какой язык вы предпочитаете использовать, когда говорите на актуальные темы?

Диаграмма 32. На каком языке вы предпочитаете писать? (с. 106).

Диаграмма 33. На каком языке вы чаще разговариваете по телефону? (с. 106).

Диаграмма 34. Какой язык вы чаще используете, когда устали, при стрессе, волнении, гневе, споре, ссоре?

Диаграмма 39. На каком языке вы чаще говорите, когда счастливы? (с. 109).

Для наглядности предлагаем несколько диаграмм и графиков по результатам исследования. Участникам был задан вопрос о том, какой язык – кыргызский или русский – они считают более важным для общения с друзьями.

В этом контексте:

- 31 % (612 человек) указали, что **kyргызский язык всегда важен** для общения с друзьями;
- 12,7 % (250 человек) считают, что **русский язык всегда важен**;
- 28,6 % (564 человека) отметили, что **kyргызский язык в основном важен**;
- 26,5 % (524 человека) считают, что **русский язык в основном важен**;
- 1,3 % (25 человек) указали, что **другие языки важны** для этой цели.

Из этих ответов на вопрос о том, какой язык – кыргызский или русский – участники считают более важным для зарабатывания денег, видно, что участники в вопросе зарабатывания денег приоритетным считают русский язык (62,4 %) по сравнению с кыргызским (33,9 %).

Когда речь заходит о «зарабатывании денег», данные показывают следующие предпочтения в зависимости от места проживания участников:

- среди тех, кто вырос в городе, 22,6 % предпочитают (для карьеры) на госслужбе) кыргызский, а 72,7 % – русский язык;
- среди выросших в поселках/малых городах 27,5 % отдают предпочтение кыргызскому, а 69,6 % – русскому языку;
- среди тех, кто вырос в деревне, 45,9 % выбирают кыргызский и 50,9 % – русский язык.

Среднее значение по Кыргызстану при выборе языка для зарабатывания денег следующее:

- 34 % – кыргызский;
- 62,4 % – русский;
- 3,7 % – другие языки.

Полученные данные показывают, что при учете места проживания до начала учебы в университете большинство студентов

предпочитали и будут предпочитать русский язык для заработка. Также видно, что жители городов и поселков в большей степени отдают предпочтение русскому, чем те, кто вырос в деревне.

На основании изложенного можно сделать вывод:

- те, кто рассматривает «зарабатывание денег» в локальном масштабе, склонны выбирать кыргызский язык;
- а те, кто смотрит на вопрос в более широком, глобальном контексте, чаще предпочитают русский язык.

Предпочтительный язык для получения среднего образования.

На вопрос о предпочтительном языке обучения **21** % участников, выросших в городе, выбрали кыргызский язык, а **71,1** % – русский. Среди тех, кто вырос в поселке, **21,7** % выбрали кыргызский, а **74** % – русский язык. Среди выросших в деревне **43,4** % выбрали кыргызский, а **51,9** % – русский язык.

Средние показатели по Кыргызстану показывают, что **31,3** % респондентов предпочитают кыргызский язык, **63,2** % – русский, а **5,6** % – другие языки.

Эти результаты свидетельствуют о том, что большинство учащихся предпочитают получать образование на русском языке. Также видно, что **8** % учащихся, живущих в городе, и **5,6** % по всей стране не выбирают ни кыргызский, ни русский язык в качестве языка обучения.

Подавляющее большинство участников пришли к выводу, что русский язык является более важным для трудоустройства.

Когда речь идет о поиске работы, **18,7** % тех, кто вырос в городе, предпочитают кыргызский язык, а **76,3** % – русский. Среди тех, кто вырос в поселке, **23,1** % предпочитают кыргызский, а **73,4** % – русский. Среди выросших в селе **39,4** % отдают предпочтение кыргызскому, а **67,5** % – русскому языку.

Средние показатели по Кыргызстану по предпочтению языка для трудоустройства:

28,7 % – кыргызский язык;

67,5 % – русский язык;

3,7 % – другие языки.

Полученные данные показывают, что большинство участников считают знание русского языка необходимым для трудоустройства, если учитывать место проживания до поступления в университет.

Участники указали, что более половины из них считают русский язык необходимым для ведения бизнеса. На вопрос «*Какой язык предпочтительнее для ведения бизнеса?*» с учетом места проживания ответили следующим образом:

- среди тех, кто вырос в городе, **30,2 %** предпочитают кыргызский язык, а 62,3 % – русский;
- среди тех, кто вырос в поселке, **29,5 %** предпочитают кыргызский, а **63,1 %** – русский;
- среди тех, кто вырос в селе, **53,4 %** предпочитают кыргызский, а **41,7 %** – русский.

Средние показатели по Кыргызстану по предпочтению языка для ведения бизнеса:

40,3 % – кыргызский язык;

53,4 % – русский язык;

6,3 % – другие языки.

Согласно этим результатам, можно сказать, что студенты, выросшие в городе и поселке, в основном предпочитают русский язык, а те, кто вырос в деревне, чаще выбирают кыргызский язык.

На вопрос, *какой язык – кыргызский или русский – они считают более важным для получения высшего образования*, были получены следующие ответы:

- **14,5 %** (287 человек) считают, что кыргызский язык всегда важен для получения высшего образования;
- **22,9 %** (452 человека) считают, что русский язык всегда важен для получения высшего образования;

12,7 % (250 человек) считают, что кыргызский язык в большинстве случаев важен;

42,1 % (832 человека) считают, что русский язык в большинстве случаев важен;

7,8 % (154 человека) указали, что важны другие языки.

Большинство участников отмечают, что для получения высшего образования русский язык (65 %) важнее, чем кыргызский (27,2 %).

Ответы на вопрос о том, *в какой степени кыргызский и русский языки имеют международное значение в их регионах*:

- средний показатель для кыргызского языка на международном уровне составил **2,97**, что соответствует **59,5 %**;
- средний показатель для русского языка на международном уровне составил **4,06**, что соответствует **81,2 %**.

Участники ответили на вопрос о том, *какие языки используются в государственных учреждениях в их регионах*:

- средние показатели для кыргызского языка в государственных учреждениях составили **4,03**, что соответствует **80,6 %**;
- средние показатели для русского языка – **3,90**, что соответствует **78 %**;
- средние показатели для других языков – **3,31**, что соответствует **66,4 %**.

Заключение

На основании представленных данных можно сделать вывод, что русский язык воспринимается участниками опроса как более важный и полезный в социально-экономическом контексте. Большинство респондентов считают его приоритетным для заработка денег, трудоустройства, ведения бизнеса и получения высшего образования. Особенно это выражено среди жителей городов и поселков. В то же время кыргызский язык сохраняет значимость в государственных учреждениях и в контексте локального трудоустройства, особенно среди сельского населения. Таким образом, наблюдается двойственная языковая ситуация: кыргызский язык важен в национально-государственном контексте, тогда как русский язык рассматривается как инструмент для более широких, включая международные, возможностей в образовании и экономике.

Литература

1. Из выступления Президента КР С.Н. Жапарова на общенациональном форуме «Единый народ – сильная страна». Бишкек, 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19268499>
2. Плунгян В.А. Почему языки такие разные. М., 2010. 272 с.

3. Статистические переписи (НПА и публикации) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/statisticheskie-perepisi/> (дата обращения: 08.08.2023).
4. Международный экспертный брифинг «Год русского языка в Центральной Азии» / Русский язык в Центральной Азии – между родным и иностранным. Источник: berlek-nkp.com
5. Чехляева С.С., Павлов А.С. Русский язык в Киргизии: реалии и перспективы // Международные отношения. 2023. № 4. С. 95–111. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43557
6. Социолингвистический проект «Практика языкового планирования и языковая политика в Кыргызстане. Kirgizistan'da dil planlaması uygulamaları ve dil politikaları». Руководитель проекта проф. Мехмед Айдын, КТУ «Манас». Бишкек, 2019.

УДК 81:316.77

И.А. Гусейнова

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Аннотация. В современном коммуникативно-дискурсивном пространстве актуальны следующие проблемы: статус языков международного общения, роль межнациональных языков, лингвистический статус жестовых и визуально-жестовых языков, а также состояние эритажных языков. Решение этих задач требует консолидации усилий образовательных и научных институтов, СМИ и межконфессиональных организаций для создания сетевых отношений и социокультурного взаимодействия с учетом социолингвистических особенностей представителей различных лингвокультур.

Ключевые слова: естественные языки; институциональный статус языка; институциональный дискурс; эритажные языки; языковой номадизм.

I.A. Guseynova

NATURAL LANGUAGES AS A TOOL OF INTERCULTURAL INTERACTION IN THE INSTITUTIONAL SPHERE

Abstract. Nowadays there are some current issues in the modern communicative and discursive space: the status of languages of international communication, the role of interethnic languages, the linguistic status of sign and visual sign languages, as well as the status of non-native languages. Solving these problems requires consolidating the efforts of educational and scientific institutions, the media and interfaith organizations to create network relations and socio-cultural interaction, taking into account the sociolinguistic characteristics of representatives of various linguistic cultures.

Keywords: natural languages; institutional status of language; institutional discourse; heritage languages; linguistic nomadism.

Введение. В настоящее время ведутся дискуссии о роли языка и культуры и их способности оказывать влияние на различные институциональные сферы. Все более очевидным становится тот факт, что язык как неотъемлемая часть культуры пронизывает все сферы человеческой деятельности, независимо от профессионального компонента и специфики профессиональной деятельности индивида, неразрывно связан с мышлением, участвует в формировании языковой картины мира и способствует ценностной ориентации человека как внутри этносоциума, так и за его пределами. Понимание языка как универсального инструмента приводит неизбежно к пониманию и того обстоятельства, что язык выступает инструментом социального управления, при помощи которого решаются различные практические задачи. При этом язык в роли инструмента социального управления может применяться в конструктивных и деструктивных целях. В нашем случае мы остановимся на использовании ресурсов языка **в созидательных целях** для преодоления конфликтогенных факторов межкультурной коммуникации.

Наиболее назревшими выступают вопросы современной языковой ситуации в мире, обуславливающие миграционные процессы, которые способны оказать влияние на ценностные системы и ориентации, быт, социокультурные и институциональные отношения. В ряде случаев естественные языки мигрируют вместе с их носителями. В результате такого естественного языкового «номадизма» роль языков и их функции меняются, что нередко приводит к смене лингвистического статуса языка за пределами автохтонной территории [1].

Сегодня мы видим в институциональном коммуникативно-дискурсивном пространстве несколько социально значимых проблем: 1) необходимость уточнения институционального статуса языков международного общения; 2) уточнение роли, места и функций языков межнационального общения; 3) определение лингвистического статуса жестовых и визуально-жестовых языков; 4) уточнение лингвистического состояния эритажных языков. Вышеозначенные проблемы требуют комплексных решений и применения полноценного подхода, что предполагает консолидацию усилий различных социальных институтов: в том числе образования, СМИ, научных, юридических и межконфессиональных институтов и т. д. Данное обстоятельство включает ряд телеологических действий, направленных на выстраивание сетевых отношений между разными социальными институтами и одновременное выстраивание социокультурного взаимодействия с различными социокоммуникативными группами с учетом их социолингвистических параметров и специфики использования коммуникационных каналов распространения и получения информации. Иными словами, для успешного профессионального взаимодействия между представителями различных лингвокультур необходимо как минимум: а) наладить институциональные связи; б) определить социолингвистические параметры целевых аудиторий; в) определить коммуникационные каналы общения; г) установить экономическую, политическую, социальную целесообразность использования того или иного языка в межкультурной коммуникации.

Теоретико-методологическая база: опыт и направления исследования естественных языков в межкультурной коммуникации с учетом институционального аспекта

Не секрет, что уровень владения языком (родным, иностранным, неродным и т. п.) тесно увязан с рынками труда. Все имеющиеся дескрипторы, необходимые для определения уровня сформированности межкультурной коммуникации, коррелируют именно со сферой будущей занятости и профессионального карьерного развития. Для наглядности приведем известную всем схему: А1,2 – начальный (пороговый уровень) владения ИЯ; В1,2 – профессиональный уровень владения ИЯ; С 1,2 – уровень вторичной (дискурсивной) языковой личности. При сопряжении с рынком труда возникает следующее соответствие: А1,2 – рабочие кадры/кадры низшей квалификации и сервисного обслуживания; В1,2 – специалисты в предметной области/специалисты с владением отраслевым компонентом; С1,2 – высококвалифицированные кадры/управленческий персонал/топ-менеджмент. Однако, если исходить из западной концепции филологического/лингвистического образования, что уровень носителя языка не достижим, то одновременно становится понятной невозможность занять руководящую должность тем, кто даже владеет ИЯ на уровне С1,2.

В российском лингвистическом образовании мы по-прежнему полагаем существование возможности выработки лингвистической компетентности на уровне носителя языка и формирования дискурсивной личности, владеющей наряду с родным языком также одним, двумя и более иностранными языками. Иными словами, искусственной преграды для подготовки кадров высшей квалификации с возможностью занять со временем руководящую позицию при таком понимании нет.

Обратимся ниже к теоретико-практическим изысканиям российских исследователей, касающихся изучения институциональных аспектов естественных языков [2].

Перепись и мониторинги – необходимый инструмент для измерения состояния языка

Для решения вышеуказанных социолингвистических проблем требуется осуществление целого ряда мероприятий, направленных на уточнение состояния и статуса языков. Одними из первых институциональных шагов являются организация и проведение переписи и мониторинга для уточнения количественных и качественных показателей (носители языка, уровень владения языком, уточнение национальной идентичности и др.).

Перепись и мониторинги: итак, применительно к России и постсоветскому пространству в контексте языковых переписей **методом социолингвистического опроса** термин «язык» уточняется прилагательным «родной» и используется в виде словосочетания «родной язык». Объектами изучения на материале языковых переписей и мониторингов выступают 1) языки, усвоенные с детства; 2) языки, используемые наиболее часто в разных видах деятельности; 3) степень владения языком институционального взаимодействия. Вопросы в анкетах варьируют и зависят от конкретных культурно-исторических условий, интерпретируются в соответствии с заданным идеологическим вектором. В различных странах сбор и анализ результатов о знании резидентами той или иной страны иностранных языков и об общественном мнении касательно различных языковых проблем осуществляются на регулярной основе и информация публикуется в специализированных изданиях.

Формы осуществления языковых переписей и мониторингов весьма разнообразны. Выделяются устные интервью, интервью по телефону, по почте, по Интернету [2, с. 20]. При анализе формулировок вопросов о языке многие ученые выделяют следующую тенденцию: использование термина материнского языка при одновременном подразумевании его когнитивной функции и наличия факта многоглашания, т. е. владения индивидуумом одним или несколькими языками. Отметим, что примерно до 1980-х гг. XX века вопрос о языке формулировался следующим образом: «Язык, на котором человек думает, который знает лучше всего» [2, с. 21]. Позднее словосочетание «материнский язык» было заменено на термин

«язык», хотя формулировка вопроса осталась без изменений. Проблемой также оказались формулировки, нацеленные на отделение главного языка от диалектов. Исследователи приводят иллюстративный пример, когда в ходе языковой переписи в Швейцарии респонденты отвечали на вопросы на французском языке, но не рассматривали его для себя в качестве главного [2, с. 22]. В США и различных странах Европы, а также в Канаде, Индии, России переписи и мониторинги проводятся с целью получения достоверной информации об этнической, о расовой и языковой структуре населения. Результаты переписей используются как минимум в двух целях: а) реализации языковой политики и б) защиты интересов этнических групп. В ходе анализа языковых переписей и мониторингов установлено наличие в современных условиях четырех языковых ситуаций, обусловленных диглоссией: 1) социальное двуязычие, которое характеризуется тем, что в одном сообществе используются два языка; 2) использование индивидуумами в рамках сообщества по их выбору диалекта или стандартного языка; 3) использование диалекта или стандартного языка, когда выбор обусловлен не идентичностью носителей, а самой ситуацией; 4) дилалия, которая является частным случаем диглоссии, когда большинство отдает предпочтение стандартному языку, приводя тем самым к миноризации диалекта [2, с. 105]. На примере Швейцарии демонстрируются случаи «институционального двуязычия» [2, с. 106], которое заключается в праве самостоятельного выбора гражданами институционализированного языка общения – немецкого или французского. Это является особенно важным по отношению к детям и развитию их «двуязычного языкового капитала» [2, с. 106] – дети выбирают язык независимо от языка родителей.

Применительно к языковым переписям и мониторингам, осуществлявшимся в Российской империи, СССР и Российской Федерации, в источниках указывается, что переписями до 1918 года занималось духовенство. В дальнейшем переписи проводились для создания языковой, этнической и религиозной карт для последующей выработки шагов по использованию русского языка как языка межнационального общения. Важно, что

вопрос о языке был сформулирован с опорой на языковое сознание, т. е. с учетом того, «какой язык человек считает своим родным» [2, с. 111]. Из этого вопроса, по мнению авторов книги, следуют выводы о том, что у человека обязательно должен быть один родной язык, нормой считается совпадение языка и национальности, отклонением от нормы считаются несовпадения родного языка и национальности, а также невладение родным языком [2, с. 111]. В современной России переписи проходили в 2002-м, в 2008 году была проведена пробная перепись населения для отработки технологии ее организации, а в 2010 году состоялась очередная Всероссийская перепись населения на русском языке по месту фактического проживания людей. Владение русским языком отметили 138 миллионов человек, что составляет 99,4 % из числа ответивших на данный вопрос [2, с. 118].

Двуязычная и многоязычная ситуация на постсоветском пространстве

Во всем мире отмечается рост двуязычных и многоязычных ситуаций. Одновременно утверждается, что изменение институционального статуса языка в ряде случаев приводит к смене языка (language shift), т. е. намечаются переходы с миноритарного языка на мажоритарный и наоборот. При этом указывается тот факт, что ситуация диглоссии может привести к смене языка: «Даже если на данный момент баланс силы между двумя языками кажется стабильным, он является переходным состоянием отношений между мажоритарным и миноритарным языками» [2, с. 123]. При этом языковой капитал рассматривается как интегративная часть человеческого капитала, который определяется как «интеллект, здоровье, знания, качественный и производительный труд и качество жизни» [2, с. 126]. Иными словами, «человеческий капитал является доминирующим фактором возможного стабильного роста экономики» [2, с. 127]. Объединяющим фактором коллектива является язык. По этой причине языковая компетенция приобретает особую значимость внутри каждого социума. Язык осваивается, по мнению разных российских ученых, двумя путями – через длительный контакт с языком и через специальное обучение [2, с. 132]. Таким образом,

языковую компетенцию производят два института – семья и школа. В этом случае школа становится участником рыночных отношений. Применительно к языкам это означает, что предоставление конкурентоспособного образования на одном из языков национальных меньшинств представляется экономически невыгодным. Экономика знаний свидетельствует о том, что в языковом сообществе предпочтение отдается тому языку, который требует наименьших затрат. Это обстоятельство ставит вопрос о «этноязыковой жизнеспособности» [2, с. 137], т. е. когда язык подвергается ассимиляции, со временем исчезает под влиянием других более жизнестойких языков или, наоборот, приобретает значимость, способствуя сохранению культурно-исторического наследия, доказывая тем самым свою витальность. По этой причине предпочтение отдается тем языкам, при помощи которых возможно увеличение стоимости языкового капитала: «Люди инвестируют в другой язык в надежде на получение широкого спектра материальных и символических ресурсов» [2, с. 141].

Анализируя языковую ситуацию в России на основе переписей и мониторингов, ученые выделяют **четыре основные тенденции**, характеризующие ее, а именно: 1) уменьшение численности многих этносов, населяющих Российскую Федерацию; 2) уменьшение численности носителей языков народов России; 3) увеличение мигрантов из государств – участников СНГ; 4) **рост людей, изучающих иностранные языки** [2, с. 150]. Применительно к языковой ситуации на постсоветском пространстве осмелимся предположить **почти зеркальную** ситуацию: 1) увеличение этносов и рост этноцентрической мотивации; 2) увеличение численности носителей разных этногрупп; 3) уменьшение мигрантов из стран Содружества; 4) **рост людей, изучающих иностранные языки**. Последнее представляется чрезвычайно важным, так как владение несколькими языками открывает возможности карьерного развития и роста, служит конкурентным преимуществом и открывает перспективы для институционально обусловленной мобильности (участие в совместных международных проектных группах, работа в международных союзах и организациях, обеспечение государственных интересов).

Отметим, что для сохранения стабильной языковой ситуации в России последовательно реализуется языковая образовательная политика, которая осуществляется по направлениям: обучение родному (материнскому) языку; обучение второму языку, языку народов РФ; выбор языка обучения; выбор иностранного языка для изучения; обучение нациальному языку за рубежом [2, с. 159–160]. Таким образом, языковая модель россиянина XXI века является **поливариантной**. В России языки, на которых осуществляется обучение в школах, имеют жесткую «привязку» к субъекту. Так, например, в Республике Бурятия в системе общего образования обучение проходит не только на русском языке, но и на бурятском, эвенкийском, сойотском языках. В Ханты-Мансийском автономном округе – на хантыйском, мансиjsком и ненецком и т. д. [2, с. 310–311].

В публичных источниках отмечается, что эритажный язык – это унаследованный или наследуемый язык (англ. *heritage language*). Термин служит обозначению языка, используемого в бытовом общении в кругу семьи. Эритажный язык используется наряду с доминирующим языком, но имеет ограничения по функциональному употреблению. Эритажные языки нередко встречаются в контексте билингвизма, по этой причине в лингвистике используется также термин эритажного билингвизма – использование в бытовой и институциональной сферах разных языков с учетом их институциональной значимости. Эритажный язык, используемый преимущественно в бытовой сфере, отличается жизнестойкостью, которая появляется благодаря его повсеместному употреблению всеми членами этносоциума. Одновременное использование двух языков – доминирующего в институциональной сфере и эритажного в бытовой коммуникации – обусловливает устойчивость эритажного билингвизма. Проникновение эритажных языков во многом способствует внедрению их элементов в доминирующий язык, употребляемый в институциональной сфере. Эритажные языки в виртуальной среде способствуют сохранению национально-культурной, региональной, политической идентичности, что выгодно отличает их от носителей и пользователей *lingua franca*, а также консолидации этносоциумов как

внутри страны, так и за ее пределами, особенно в случаях географической разрозненности, присущей, например, франкоязычному или испаноязычному регионам.

Эритажные языки способствуют сохранению национально-культурной и профессиональной идентичности коммуниканта, а также придают общению национально-специфический колорит и служат сохранению национально-культурной идентичности коммуниканта. Такой подход содействует сохранению культурно-языкового многообразия и дает право выбора языка общения на бытовой и институциональном уровнях.

Институциональное общение на постсоветском пространстве в разных типах среды

В ходе институционального общения, реализуемого без использования информационных технологий, языковые пары варьируют в зависимости от социокультурных параметров участников межкультурного и/или межъязыкового взаимодействия. Нами отмечены случаи одновременного использования разного количества языков. В процессе осуществления прямой коммуникации в институциональной сфере приветствуется одновременное использование нескольких языков, что создает межкультурную среду, необходимую для эффективного решения практических задач. Языки рассматриваются в данном случае как равноправные, что свидетельствует о социальном равенстве институциональных партнеров. И это достигается только за счет одновременного использования разных языков. Ситуация резко меняется при переводе общения в компьютерно-опосредованное русло. Участники социокоммуникативной группы принимают решение об использовании ограниченного числа языков в целях экономии времени и материально-технических, человеческих и других ресурсов. В этом контексте цифровизация как основной результат глобализационных процессов реализует «принцип оптимальности», который диктует перевод множества процессов в виртуальное пространство с целью упорядочения различных видов человеческой деятельности.

В связи с этим возникает вопрос о сохранении языков, прежде всего эритажных, нередко являющихся культурно-историческим

наследием в регионах, в которых распространены ситуации билингвизма.

Напомним, что билингвизм является достаточно распространенным явлением, он также применим и к языковой ситуации в России. В открытых источниках упоминается, что билингвизм представлен в ряде субъектов РФ, а именно: на Алтае, в Башкортостане и Татарстане, Чувашии и Республике Саха (Якутия), в республиках Северного Кавказа и др. Применительно к эритажным языкам билингвизм может быть представлен неравномерно. В одних случаях он присутствует на разных ступенях образования, в других – только в быту. Однако глобализационные процессы привели не только к использованию доминирующего языка на определенных территориях, но и одновременно к употреблению эритажных языков в институциональной и профессионально ориентированной среде. Безусловно, в профессиональной сфере в России предпочтение отдается русскому языку. Это обусловлено не только институциональным регулированием, но и развитием терминологии и единиц специальной лексики в русском языке. По этой причине острой необходимости в развитии терминосистем и специальной лексики в эритажных языках нет, что приводит к их интенсивному употреблению в других сферах и типах среды. Подобная ситуация наблюдается во франкофонном мире, в испаноязычном пространстве, в арабском мире и многих других.

Ситуация билингвизма может быть также и создана, например, на постсоветском пространстве. Известно, что в ряде государств – участников СНГ сегодня практикуется политика полиязычия, позволяющая одновременное использование нескольких языков. Так, в Казахстане в настоящее время наблюдается использование трех языков (казахского, русского, английского), что, однако, не исключает обращения к политике двуязычия путем ограничения сфер использования одного из языков. В ряде стран Содружества русский язык имеет статус иностранного языка, что позволяет его изучение как в школах, так и в вузах. Вопросы языкового обеспечения в связи с глобальным поворотом к цифре приобретают особое значение. Под лингвистическим (языковым)

обеспечением понимается «совокупность языковых средств, необходимых для адекватного функционирования языка в определенной сфере социального общения» [3, с. 269]. Наиболее уязвимой с точки зрения лингвистической безопасности выступает институциональная сфера, для которой характерно использование отраслевого компонента, что требует наличия разработанной терминологии и единиц специальной лексики. Очевидно, что ресурсы эритажных языков таким потенциалом не обладают ввиду отсутствия институциональных оснований, предполагающих взаимодействие разных учреждений и ведомств. Жизнестойкость эритажных языков и желание их носителей сохранить свое национально-культурное своеобразие выражается в виртуальной среде и сетевом взаимодействии, где использование ключевых слов, способствующих манифестации определенного этносоциума, выполняет парольную функцию и определяет этнокультурную принадлежность носителя эритажного языка. При изучении институциональных аспектов постсоветского дискурса, в частности театрального и кинодискурса, ранее мы наблюдали явную тенденцию эритажных языков внедриться в профессиональную среду, то есть за пределы рамок бытовой коммуникации, но не обладая достаточной витальностью и невозможностью противостоять доминирующему языку общения, возникла иная тенденция, а именно применение и употребление эритажных языков в целях демонстрации своей национально-культурной идентичности. Наиболее наглядно данные тенденции иллюстрируют процессы гибридизации. Возникающая в результате гибридность способствует усилению влияния на целевую аудиторию с учетом ее социолингвистических параметров – пола, возраста, социального статуса и др. Смешение элементов эритажных языков с доминирующим языком позволяет устанавливать прочный контакт с адресатом, заинтересованным в сохранении в своем окружении представителей близкого ему этносоциума. Такие языковые контакты способствуют консолидации этносов, проживающих на географически разрозненных пространствах. Именно элементы эритажных языков выполняют «парольную» функцию, по которой

представители одного и того же этносоциума узнают друг друга и вступают в коммуникативное взаимодействие. Это обстоятельство порождает полисубъектный дискурс, в котором представители лингвокультуры, проживающие на разных территориях, тем не менее имеют возможность для формирования единого коммуникативного пространства. В свете вышесказанного эритажные языки создают общее пространство коммуникации, в котором представители этносоциумов узнают друг друга [4, 6].

Заключение. В актуальной предметно-специальной литературе представлено современное состояние различных естественных языков, которые функционируют в географически разрозненных пространствах. Анализу подвергаются языковые факты преимущественно из английского, французского, китайского, немецкого, испанского, португальского, венгерского языков. Особое внимание уделяется социокультурным аспектам, проблемам сохранения миноритарных языков, а также лингвистическому анализу эритажных и наиболее распространенных языков.

Литература

1. Естественные языки на автохтонных территориях и за их пределами: коллективная монография. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2024. 223 с. ISBN 978-5-248-01105-6. EDN EAORCV.
2. Богданов С.И. Языковые переписи и мониторинги как инструмент национальной и языковой политики: монография / С.И. Богданов, М.А. Марусенко, Н.М. Марусенко. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. 344 с.
3. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. д-р филол. наук В.Ю. Михальченко. М.: ИЯ РАН, 2006. 312 с.
4. Писанова Т.В. Пространства коммуникации Испании и Латинской Америки: Многоязычие, литература, традиции перевода / Т.В. Писанова, А.А. Альварес-Солер. М.: Московский гос. лингвистич. ун-т, 2019. 214 с. ISBN 978-5-00120-060-4. EDN НОКРJC.

ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА: ПРИМЕР КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В современном мире языковое разнообразие играет ключевую роль в поддержании межкультурного диалога и сохранении культурной идентичности. Данная статья рассматривает значение языкового разнообразия, особенно на примере Кыргызской Республики, где существует множество языков и культур. В статье анализируются роль русского языка как средства межнационального общения, вызовы, связанные с глобализацией и цифровой трансформацией, а также перспективы сохранения языкового многообразия. Особое внимание уделено проблемам доминирования мировых языков, угрозам исчезновения малых языков и возможностям, которые предоставляет развитие информационных технологий для их сохранения. В заключение предлагаются рекомендации по укреплению многоязычия в образовательной системе, развитию цифровых технологий для изучения малых языков и интеграции языков в государственное управление и культуру. Результаты исследования подчеркивают важность государственной поддержки многоязычия для устойчивого межкультурного взаимодействия и сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: языковое разнообразие; межкультурный диалог; Кыргызская Республика; русский язык; глобализация; культурная идентичность; технологии; развитие.

O. Ibraev

LANGUAGE DIVERSITY AS A FACTOR OF INTERCULTURAL DIALOGUE: EXAMPLE OF KYRGYZ REPUBLIC

Abstract. In today's world, linguistic diversity plays a key role in maintaining intercultural dialogue and preserving cultural identity. This article examines the importance of linguistic diversity, especially on the example of the Kyrgyz Republic, where many languages and cultures coexist. The article analyses

the role of the Russian language as a means of interethnic communication, the challenges of globalization and digital transformation, and the prospects for preserving linguistic diversity. Particular attention is paid to the problems of world language dominance, the threats to the extinction of small languages and the opportunities offered by the development of information technologies for their preservation. Finally, recommendations are offered to strengthen multilingualism in the educational system, to develop digital technologies for learning small languages and to integrate languages into public administration and culture. The results of the study emphasize the importance of state support for multilingualism for sustainable intercultural interaction and preservation of cultural heritage.

Keywords: linguistic diversity; intercultural dialogue; Kyrgyz Republic; Russian language; globalization; cultural identity; technology; development.

Языковое разнообразие является неотъемлемой частью культурного наследия человечества. Каждый язык уникален и отражает историю, традиции и мировоззрение определенного народа, являясь основным средством передачи знаний, ценностей и опыта. В языках заключена неповторимая информация о народах, их менталитете, традициях, социально-культурных практиках и мировоззрении. С развитием цивилизации, торговли, науки и технологий языки служат не только для общения, но и для формирования культурной идентичности и самоощущения народа.

Однако в условиях глобализации и стремительного распространения мировых языков, таких как английский, испанский и китайский, языковое разнообразие оказалось под угрозой исчезновения. С каждым годом уменьшается количество носителей малых и региональных языков, что ведет к утрате уникальных культурных элементов и традиций. Глобализация, развитие информационных технологий и международные миграции требуют новой подходящей политики, направленной на сохранение и поддержку языкового разнообразия в мире.

Таким образом, проблемами и вызовами можно обозначить: снижение количества носителей малых языков, доминирование мировых языков в медиа и образовании, недостаточное развитие цифровых инструментов для поддержки малых языков.

В то же время вопросы языкового многообразия становятся важной частью межкультурного диалога. Разнообразие языков служит важным механизмом для взаимопонимания и взаимодействия между различными культурами, а также способствует сохранению и развитию глобального культурного богатства. В этом контексте особенно актуальным становится изучение ситуации с языковым многообразием в разных странах, где пересекаются различные этнические и языковые группы.

Одним из таких примеров является Кыргызская Республика – страна с богатым языковым и этническим составом, где на протяжении многих лет существуют различные языки и культуры.

Данная статья посвящена анализу роли языкового разнообразия в межкультурном диалоге с акцентом на ситуацию в Кыргызской Республике. В рамках статьи рассматриваются как возможности, так и вызовы, связанные с языковой политикой страны, роль каждого языка в общественной жизни, а также влияние многоязычия на стабильность и развитие межэтнических отношений. Мы рассмотрим значимость сохранения языков и поддержку многоязычия как важного элемента культурной и социальной интеграции, а также предложения по усилению государственной поддержки в этой области.

Вопросы сохранения языкового разнообразия и его роли в построении межкультурного диалога и коммуникации привлекают внимание множества ученых и специалистов в области социолингвистики, культурологии и межкультурной коммуникации. Языковое разнообразие и его поддержание в условиях глобализации становятся важными аспектами не только культурной, но и социальной политики, так как языки не только служат средствами коммуникации, но и являются важнейшими инструментами для передачи ценностей и укрепления связей между различными этническими и культурными группами.

Одним из ведущих направлений в исследовании роли языков в межкультурной коммуникации является теоретическое осмысление этого процесса. Российские ученые М.О. Гузикова и П.Ю. Фофанова в своем труде по основам теории коммуникаций утверждают,

что межкультурная коммуникация – это обмен информацией, осуществляемый носителями разных культур, причем сам факт, что коммуниканты являются носителями различных культур, оказывает значительное влияние на процесс коммуникации, порой определяя его ход. Они подчеркивают, что культура, наряду с языком, определяет контекст и восприятие информации, что делает коммуникацию между людьми из разных культур более сложной, но в то же время более значимой для взаимопонимания и интеграции [1].

Вопросы языкового многообразия активно исследуются также и в контексте глобализации. В этом плане работы О.М. Сметанина играют важную роль. Она отмечает, что процессы глобализации могут угрожать сохранению языков меньшинств, что, в свою очередь, приводит к ослаблению культурной идентичности и исторической памяти народов. О.М. Сметанина в своей работе подчеркивает, что сохранение языков малых народов является важной составляющей культурного многообразия, что способствует не только сохранению традиций, но и развитию культурного диалога [2].

С другой стороны, отдельные ученые утверждают, что языковое многообразие может стать основой для более тесного и продуктивного межкультурного общения. Они рассматривают многокультурные общества как площадки для обмена не только языковыми, но и культурными ценностями, что способствует укреплению взаимного уважения и толерантности между различными этническими и социальными группами. Согласно их мнению, в условиях многоязычных обществ важно развивать навыки межкультурной коммуникации, направленные на установление гармоничных отношений и минимизацию межкультурных конфликтов [3].

В контексте Кыргызстана в Концепции развития гражданской идентичности – Кыргыз жараны – на период 2021–2026 годы подчеркивается важность государственной поддержки многоязычия для сохранения культурной идентичности разных этнических групп, проживающих в стране [4].

Таким образом, исследования в области языкового разнообразия и межкультурной коммуникации подчеркивают актуальность сохранения языков для укрепления культурных и социальных

связей в многоязычных обществах. На сегодняшний день роль языка в межкультурном диалоге и коммуникации выходит за рамки простого средства общения и становится важным элементом интеграции и развития стран, поддерживающих многоязычие, и подобные исследования вносят вклад в изучение языкового разнообразия путем анализа языковой политики.

Для анализа роли языкового разнообразия в межкультурном диалоге в контексте Кыргызской Республики в данной статье применен комплексный подход, включающий теоретические методы исследования, где применены частично эмпирические подходы. Теоретическая основа исследования строится на анализе существующих научных работ, посвященных социолингвистике, языковой политике и межкультурной коммуникации. Это позволяет выявить ключевые тенденции и проблемы, связанные с сохранением языкового разнообразия и его ролью в социально-культурной интеграции. Основными методами теоретического анализа стали контент-анализ публикаций, документов и законодательных актов, касающихся языковой политики Кыргызстана, а также сравнительный анализ литературных источников, что позволяет сопоставить подходы различных стран к решению вопросов многоязычия и межкультурной коммуникации.

Эмпирическая часть исследования базируется на качественном анализе интервью, проведенного среди представителей разных этнических и языковых групп в Кыргызстане по инициативе Центра исследований в области опросов Международного республиканского института (International Republican Institute) компанией SIAR Research and Consulting [5].

Данные из открытых источников этого исследования позволяют получить представление о реальной ситуации в области межкультурного диалога и роли языков в повседневной жизни. В дополнение к этому исследование опирается на данные официальной статистики, включая показатели по численности населения, использованию языков в различных сферах жизни и образовательной практике. Такой мультиметодный подход позволяет более полно охарактеризовать существующие проблемы и возможности,

а также предложить конкретные рекомендации для улучшения языковой политики в Кыргызстане.

Кыргызская Республика является примером страны с богатым языковым разнообразием. В соответствии со статьей 13 Конституции Кыргызской Республики кыргызский язык является государственным, а русский – официальным [6]. Представителям всех этнических групп, образующих народ Кыргызской Республики, гарантируется право на создание условий для сохранения, изучения и развития родного языка.

Русский язык играет важную роль в общественной и политической жизни Кыргызстана. Он используется в делопроизводстве, образовании, бизнесе и средствах массовой информации. Русский язык обеспечивает тесные связи Кыргызстана с Россией и другими странами постсоветского пространства, способствуя экономическому и культурному развитию.

Важным аспектом изучения языкового разнообразия и межкультурной коммуникации является роль русского языка как связующего звена в постсоветских странах. Например, русский язык в странах Центральной Азии выполняет роль важного инструмента для поддержания политических, экономических и культурных связей, а также для обеспечения взаимодействия между различными этническими и языковыми группами. В этих странах, где, помимо русского, существуют другие национальные языки, русский язык продолжает играть важную роль в межэтническом общении, а также в формировании единого информационного пространства [7].

В мире насчитывается более 7 000 языков, каждый из которых является носителем уникальной культуры. Языки не только служат средством коммуникации, но и формируют культурную идентичность. Утрата любого языка ведет к потере части культурного наследия. Сохранение языкового разнообразия способствует распространению знаний, развитию креативного мышления и созданию условий для межкультурного диалога.

В Кыргызстане проживают представители более 90 этнических групп [8], каждая из которых сохраняет свои языковые

и культурные традиции. Сохранение языкового разнообразия является важной задачей государства. Правительство Кыргызской Республики и международные организации поддерживают инициативы по защите исчезающих языков.

Многоязычие способствует укреплению межэтнических связей, взаимопониманию и толерантности. Проведение фестивалей народов Кыргызстана является примером успешного диалога культур. Развитие дистанционного обучения на разных языках также способствует сохранению и популяризации языков.

Фестивали, которые проводятся в Кыргызской Республике, отражают богатую историю и кочевые традиции кыргызского народа. Это чествование многовековой культуры с традиционными спортивными соревнованиями, различными ярмарками и представлениями.

Сегодня фестивали Кыргызстана – это лучший способ сохранения древних традиций, праздники, на которые собираются не только люди со всей страны, но и гости со всего мира. Самыми популярными являются фестивали, посвященные ремеслам, кухне, фольклору, войлоку, охоте с птицами, а также конные игры. Многие кыргызские фестивали проводятся на летних пастбищах (джайлоо), где разбиваются целые юрточные лагеря.

И в то же время в Кыргызстане широко празднуют и международные фестивали, такие как «Язык – ключ к дружбе народов», «Культура народов Северного Кавказа», «Кыргызстан – Россия: общее культурное наследие», «Фестиваль национальных блюд Азии», фестиваль «Дружба народов», и др.

Тем самым, несмотря на все усилия правительства, важно понимать, что процессы глобализации и цифровая трансформация создают вызовы для сохранения языкового разнообразия. Доминирование мировых языков и необходимость адаптации малых языков к современным технологиям требуют принятия мер по поддержке языкового разнообразия. Развитие информационных технологий и автоматического перевода открывают новые возможности для изучения и сохранения языков.

Поэтому языковое разнообразие – важный фактор межкультурного диалога и сохранения культурной идентичности. В Кыргызской Республике языковая политика направлена на поддержку многоязычия и создание условий для мирного сосуществования различных культур. В рамках данной статьи можно выделить следующие рекомендации:

- поддержка многоязычия в образовательной системе, здесь необходимо укреплять многоязычие на уровне школьного и высшего образования, интегрируя современные методики преподавания нескольких языков, включая обучение на кыргызском, русском и других языках, что позволит сохранить языковое многообразие и обеспечить доступность образования для всех этнических групп, изучение английского языка может принести перспективу для будущих поколений;
- развитие цифровых технологий для языков малых народов, создание платформ для автоматического перевода с кыргызского языка, а также онлайн-курсов и мобильных приложений для изучения и практического использования малых языков позволит сделать эти языки доступными и актуальными в условиях цифровой эпохи;
- интеграция языков в государственное управление и культуру. Важно продолжать развивать и внедрять государственные программы, направленные на сохранение и развитие языков. Это включает в себя поддержку культурных инициатив, проведение фестивалей, создание культурных центров, которые способствуют сохранению языков и укреплению межкультурных связей;
- международное сотрудничество и обмен опытом. Кыргызстану следует развивать сотрудничество с международными организациями, специализирующимися на языковой политике и культурном обмене, чтобы заимствовать успешные практики в сохранении языков и адаптации их к современным условиям.

В заключение хочется констатировать, что сохранение языкового разнообразия требует комплексного подхода, включающего активное участие государства, образовательных учреждений

и общественных организаций, а также использование современных технологий и международного опыта для создания устойчивой языковой среды в стране.

Литература

1. Основы теории межкультурной коммуникации: учебн. пособие / М. О. Гузикова, П.Ю. Фофанова; Мин-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 124 с.
2. Сметанина О.М. Изучение иностранного языка в эпоху глобализации // ИТС. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-inostrannogo-yazyka-v-epohu-globalizatsii> (дата обращения: 21.03.2025).
3. Воробьева Г.В., Птицына Е.А., Ингеманссон А.Р. Многоязычие как основа межкультурной коммуникации в работе интернациональных студенческих объединений // Известия ВГПУ. 2019. № 7 (140). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogoyazychie-kak-osnova-mezhkulturnoy-kommunikatsii-v-rabote-internatsionalnyh-studencheskih-obedineniy> (дата обращения: 21.03.2025).
4. Концепция развития гражданской идентичности – Кыргыз жараны в Кыргызской Республике на период 2021–2026 годы. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/30-158/edition/1253187/ru>
5. Национальный опрос Кыргызстана. Декабрь 2023 г. – январь 2024 г. SIAR Research and Consulting. URL: <chromeextension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.iri.org/wp-content/uploads/2024/02/KGZ-23-NS-02-PT-Public-only-Russian-version.pdf> (дата обращения: 22.03.2025).
6. Конституция Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru> (дата обращения: 22.03.2025).
7. Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций: коллективная монография / отв. ред. и сост. А.К. Аликберов. М.: ИВ РАН, 2020. 264 с.
8. О Кыргызской Республике. URL: <https://invest.gov.kg/ru/> (дата обращения: 22.03.2025).
9. Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Кн. I. М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. 400 с.

УДК 81'27(575.2)

М.Дж. Тагаев

МЕСТО И РОЛИ КЫРГЫЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КЫРГЫЗСТАНА

Аннотация. В статье анализируется взаимодействие кыргызского и русского языков как ключевых компонентов современной языковой ситуации в Кыргызстане. Показано, что задачи государственно-языкового строительства, ориентированные на приоритет исключительно государственного (кыргызского) языка, нередко расходятся с индивидуальными стратегиями граждан, для которых владение языком широкой межкультурной коммуникации выступает ресурсом образовательной и профессиональной мобильности. Исторически эту функцию в Кыргызстане выполняет русский язык, закрепившийся в общественном и индивидуальном сознании со времен союзного государства. Обосновывается необходимость взвешенной языковой политики, согласующей интересы государства и запросы общества и опирающейся на ценность устойчивого билингвизма.

Ключевые слова: языковая политика; Кыргызстан; билингвизм; русский язык; кыргызский язык; языковая мобильность; социальные стратегии.

M.J. Tagaev

THE PLACE AND ROLES OF THE KYRGYZ AND RUSSIAN LANGUAGES IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF KYRGYZSTAN

Abstract. The article examines the interaction between Kyrgyz and Russian as the core elements of Kyrgyzstan's current linguistic landscape. It shows that state-building agendas prioritizing the exclusive promotion of the state (Kyrgyz) language often diverge from individual strategies, in which mastery of a language of wider communication serves as a resource for educational and professional mobility. Historically, Russian has fulfilled this function in Kyrgyzstan and remains entrenched in both public and individual consciousness since the Soviet period. The paper argues for a balanced language policy that

aligns state interests with social demand and is grounded in the value of stable societal bilingualism.

Keywords: language policy; Kyrgyzstan; bilingualism; Russian; Kyrgyz; mobility; social strategies.

1. Введение. Страны Центральной Азии, в том числе Кыргызстан, за три десятилетия суворенного развития выстраивают собственные траектории культурно-цивилизационной самоидентификации. В этом процессе язык выступает одной из ключевых мер цивилизационного уровня: через него закрепляются знания, транслируются ценности и формируются практики общественной и индивидуальной коммуникации.

По данным Национального статистического комитета за 2024 год, численность населения Кыргызстана составляет 7 161,9 тыс. человек; в 2022 году крупнейшие группы распределялись так: кыргызы – 74 %, русские – 5 %, узбеки – 15 %, дунгане – 1 %, уйгуры – 0,8 % [1]. Несмотря на сравнительно невысокую долю русских, русский язык сохраняет высокую востребованность в науке и образовании, экономике и гуманитарной сфере, то есть практически во всех ведущих сферах общественной жизни.

2. Историко-культурные предпосылки двуязычия

В советский период сложилось общее культурно-языковое пространство, где русский язык обеспечивал интенсивный обмен знаниями и технологиями между регионами. Для носителей кыргызского языка и других местных языков русский выступал «окном» в мир современной науки и техники, что особенно заметно в переломную эпоху 1920–1930-х годов, когда происходила трансформация традиционной культуры [2]. Лексико-фразеологические ресурсы кыргызского языка,形成的авшиеся в рамках патриархально-родового уклада, объективно не могли быстро охватить и обработать лавинообразный поток новых понятий о современном мире, значительная часть которых поступала через русский.

В результате в сознании значительной части общества существуют два взаимодополняющих смысловых мира: знания о мире,

культурные образы, архетипы сознания и ценности, выраженные средствами родного языка, и комплекс научно-технологических достижений и гуманитарных ценностей современного мира, усвоенный через русскоязычное научно-образовательное пространство. Их длительное взаимодействие сформировало основу ментальной близости и облегчило культурную адаптацию, что фиксировалось и в философской, и социокультурной рефлексии эпохи [3]. На этой базе укреплялась «евразийская перспектива» – идея синтеза культурно-цивилизационных влияний [4].

3. Русский и кыргызский языки: функциональное распределение

Русский язык в Кыргызстане продолжает выполнять роль ресурсоемкого рабочего кода в академической, технологической и управленческой сферах. Это во многом связано с тем, что терминологические и понятийные системы ряда областей знаний, почерпнутые из русского языка, оказывали и оказывают огромное влияние на формирование и развитие концептуального пространства науки и образования, экономики и культуры на кыргызском языке.

Одновременно укрепление государственного статуса кыргызского языка остается стратегической задачей – как символа государственности и ядра национально-культурной идентичности. В Конституции КР (11.04.2021 г.; вступила в силу 05.05.2021 г.) закреплено: кыргызский – государственный, русский – официальный язык [5]. Такая модель уменьшает конкуренцию «символического» и «рабочего» уровней и создает условия для комплементарности функций этих языков.

Различие статусов «государственный» и «официальный», часто трактуемых как тождественные, в международной практике описывается так: государственный – интеграционная, символическая и культурная функция; официальный – язык управления, законодательства и судопроизводства. В кыргызстанских условиях государственный язык совмещает символическую и институциональную роли, тогда как официальный (русский) выполняет функцию высокоресурсного рабочего кода, поддерживающего полноценное

функционирование государственного языка в условиях глобальной экономики и науки.

4. Проблемные узлы и объективные ограничения

Несмотря на принятые законы и политические меры, институциональное закрепление кыргызского языка идет неравномерно, особенно в сферах высоких технологий, точных и естественных наук. Еще в советский период отмечалось, что для ряда союзных республик родные языки были ограничены в «официальной» сфере, что затрудняло формирование полнофункциональных терминологических систем [6]. В 1990–2000-е годы сложившаяся инерция закрепилась: в условиях глобализации и цифровизации малые языки испытывают давление в научно-технологической сфере, где доминируют разработанные десятилетиями метаязыки крупных языков.

В бытовой и образовательной практике, в частности в школах с русским языком обучения (значительную долю контингента составляют дети титульной нации), сохраняется устойчивая мотивация к овладению русским языком как инструментом социального продвижения. Вместе с тем общественная дискуссия иногда радикализируется, превращая языковую повестку в объект политической манипуляции, тогда как стратегической целью должно оставаться гармоничное сопряжение функций двух языков.

5. Нормативно-правовая рамка и общественные ожидания

Конституционная модель «государственный + официальный» создает баланс между символической консолидацией и функциональной эффективностью. При этом ее устойчивость зависит от:

- наращивания корпуса современных терминов, учебных и научных материалов на кыргызском языке;
- адаптации русскоязычных ресурсов к национальному контексту и развитию двуязычных образовательных траекторий;
- признания ценности многоязычия в качестве нормы (а не исключения) современного мира.

Идея поддержки русского языка как «средства общения с остальным миром» и «культурного достояния» регулярно обсуждается в общественном дискурсе и воспринимается как прагматический тезис, а не политическая декларация [8].

6. Политика развития: принципы и меры

Для долгосрочной устойчивости языковой системы целесообразна политика, исходящая из принципа комплементарности:

- 1. Двуязычное образование по вертикали:** последовательные траектории от дошкольного до вузовского уровня с целевым распределением сфер применения (естественно-технические дисциплины – преимущественно двуязычные форматы; гуманитарные – расширение корпуса на кыргызском).
- 2. Терминологическая экосистема на кыргызском языке:** отраслевые глоссарии, стандартизированные переводческие решения, поддержка научного письма; механизмы «обратной трансференции» (созданные на кыргызском языке термины и модели – в русскоязычный оборот при наличии оригинального вклада).
- 3. Институциональные стимулы:** поддержка исследовательских и образовательных проектов на кыргызском языке при одновременном доступе к русскоязычным и иноязычным ресурсам.
- 4. Коммуникативная pragmatika:** свобода выбора языка общения в сферах, где это повышает качество услуг, безопасность и эффективность (медицина, правосудие, образование, технологические отрасли).
- 5. Общественная консолидация:** недопущение использования языковой повестки в качестве инструмента политической конфронтации; разъяснительные программы, подчеркивающие, что многоязычие – ресурс развития, а не угроза идентичности.

7. Заключение

Опыт последних десятилетий демонстрирует: устойчивое кыргызско-русское двуязычие является не отклонением, а нормой современной коммуникации. В условиях суверенного развития главной целью языковой политики выступает гармонизация ролей: при ведущем символическом статусе кыргызского языка и расширении его функционала официальный русский сохраняет роль высокоресурсного рабочего кода, обеспечивающего доступ к глобальным знаниям и технологиям. Такое распределение повышает конкурентоспособность общества и укрепляет национальную целостность, не противопоставляя идентичность и открытость миру.

Литература

1. Национальный состав населения Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/opendata/category/312/>; Кыргызстан. Краткий статистический сборник. Национальный статистический комитет КР. Бишкек, 2024. 48 с.
2. *Кармышева Б.Х., Губаева С.С.* Ф.А. Фиельstrup и его исследования среди кыргызов // Ф.А. Фиельstrup. Из обрядовой жизни кыргызов начала XX века. М.: Наука, 2002.
3. *Брудный А.А.* О культуре, цивилизации и языке // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. Бишкек, 2003. № 4.
4. Евразийство. URL: <http://ihet-mait.ru/index.php/ru/bystryj-poisk?id=176>
5. Конституция Кыргызской Республики (введена в действие 05.05.2021). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru>
6. *Аворорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975. С. 204.
7. *Дербишева З.К.* Особенности билингвизма в Кыргызстане // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 144–155.
8. *Айтматов Ч.Т.* Все, что я вижу и переживаю... URL: <https://greylib.align.ru/752/chingiz-ajtmatov-vse-chto-ya-vizhu-i-perezhivayu.html>

УДК 81'367

С.Н. Абдуллаев, Канатбек кызы Айсулуу

ТРАНСЛИНГВАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНОСОВ ПРИИССЫККУЛЬЯ

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние языковой жизни этнических групп Иссык-Кульской области Кыргызстана. Ситуация описывается в контексте идей транслингвальности. Различия и сходства между этносами выявляются сквозь призму проблематики родного языка. Авторы уделяют особенное внимание феномену переключения и смешения кодов.

Ключевые слова: Прииссыккулье; транслингвальность; этнос; родной язык; взаимодействие; код-свитчинг; код-миксинг.

S.N. Abdullaev, Kanatbek kyzы Aisuluu

TRANSLINGUALITY AND CULTURAL-LINGUISTIC INTERACTION OF ETHNIC GROUPS OF THE ISSYK-KUL REGION

Abstract. The article examines the current state of linguistic life of ethnic groups of the Issyk-Kul region of Kyrgyzstan. The situation is described in the context of translanguaging ideas. Differences and similarities between ethnic groups are revealed through the prism of the problems of the native language. The authors pay special attention to the phenomenon of code switching and mixing.

Keywords: Issyk-Kul region; translanguaging; ethnic group; native language; interaction; code switching; code mixing.

Целью предлагаемой статьи является изучение языковой жизни этнических групп Иссык-Кульской области Кыргызстана. Остановимся на нашем понимании трансъязычия, или транслингвальности. Для нас это практическая языковая действительность билингвов или полилингвов. В ситуации трансъязычия человек пользуется языковыми единицами для реализации коммуникативных задач, находясь в пространстве нескольких языков. Другими словами, его коммуникативный репертуар представляет из себя реализацию возможностей плавного перехода из языка в язык. Транслингвальность – это взаимовлияние языков [10]. Забегая вперед, сразу же отметим, что не всегда транслингвы причисляют себя к некоторым идентичностям, хотя отдельные авторы полагают, что при транскультуральности индивид существует в роли сразу нескольких идентичностей в разных культурах [10].

Сохранение или потеря родного языка является важным признаком для характеристики бытия того или иного этноса. В кыргызском языке даже есть крылатое выражение, часто употребляемое при обсуждении лингвистических проблем: *Улут болсоң, тилин менен улутсуң* – «Если ты причисляешь себя к этносу, то ты можешь быть этносом только со своим языком». Конечно, родной язык является важным этнообразующим признаком, но между понятиями

«этнос» и «родной язык» ставить полный знак равенства, очевидно, не совсем правомерно. Это не абсолютные синонимы. Существует множество примеров этносов, которые утеряли и даже потом восстанавливали свой язык. Следовательно, утеря языка или его слабое функциональное развитие еще не означают полного отсутствия транскультуральности и, другими словами, потери идентичности. Также в реальной действительности можно наблюдать ситуации функционирования одного языка между несколькими культурами [2]. В данном случае в лингвистическом плане можно сопоставить наши целевые этнические группы, а именно калмыков, татар, уйгуров и дунган. Интересна морфемная структура данных этнонимов. *Татарин*, *дунганин*, но уйгур, калмык, казах и т. д (Ср.: *уйгурин, *узбекин). Может быть, для единообразия будет правильнее говорить татар, дунган; татарский, дунганская, уйгурский, узбекский?

Калмыки Прииссыккулья практически утеряли калмыцкий язык. Они пользуются кыргызским и русским языками. Более того, жители трех сел близ Каракола, считающихся калмыцкими, не стремятся поддерживать калмыцкий язык и не чувствуют какого-либо психологического дискомфорта от того, что не владеют родным языком. В 90-х годах была предпринята попытка ввести в местной школе преподавание калмыцкого языка. Сюда прибыли учителя из Элисты административного центра Республики Калмыкия, но попытка не увенчалась успехом. Напрашивается вопрос, заслуживающий специального исследования: почему так происходит?

Уйгуры Иссык-Кульского региона также не могут похвальиться превосходной ситуацией с родным языком. Правда, старшее поколение владеет всеми нормами родного языка [4]. Письменная речь функционирует на основе кириллицы и арабской графики. Однако молодое поколение, отрываясь от эритажного языка, часто переходит на русский язык, в чем мы склонны усматривать проявление транслингвизма. При этом уйгуры в случае слабого владения родным языком психологически ощущают определенную вину и стараются предпринимать какие-то действия для того, чтобы исправить ситуацию. Газета «Иттипак» публикует свои материалы

как на уйгурском (на основе нескольких графических систем), так и на русском языках.

Татары, проживающие в Прииссыккулье, имеют сложную языковую ситуацию [1]. Являются ли они транслингвами или смирились с утерей языка? Наш ответ предполагает скорее подтверждение первой части поставленного вопроса. Татары живут в пространстве между родным и русским языком, а также владеют кыргызским языком на уровне аудирования и говорения, особенно старшее поколение. Это объясняется, как и в случае с уйгурским языком, тем, что эти языки являются родственными. Татарский и кыргызский языки входят в кыпчакскую подгруппу тюркских языков, а уйгурский – в карлукскую вместе с современным узбекским языком. Татары стремятся знать язык, используют форму воскресных школ, а также возможности онлайн-обучения родному языку, которые предоставляют лингвисты из Казанского (Приволжского) федерального университета [7].

Дунгане проживают в селах возле г. Каракола и в самом городе. С языком у них дело обстоит относительно нормально. Дунгандский язык преподается в средней школе с. Дейшин. Для этих целей привлекались даже волонтеры китайского языка – носители языка. Дело в том, что дунгандский и китайский языки попадают в одну классификационную группу как типологически родственные. Издается газета на дунгандском языке. Но тем не менее представители этнокультурного центра «Тэпин» утверждают, что молодое поколение постепенно утрачивает язык и переходит в сферу трансъязычия.

Межъязыковое взаимовлияние показательно в отношении уйгурской и узбекской этногрупп. Близкие по культуре, они настолько смешались, что сформировался особый подговор, который отмечают как уйгуры, так и узбеки, проживающие в других регионах. В результате каких факторов это произошло?

Феномен транслингвальности в Прииссыккулье сопровождается регулярным переключением и смешением кодов. Эти сложные речевые процессы отражают активное взаимодействие языков и культур в многоязычном обществе [6; 9]. Переключение

и смешение кодов преследуют коммуникативную функцию, а именно помогают адаптировать речь к собеседнику, сделать ее более доступной и понятной. На наш взгляд, возможно говорить и о когнитивной функции код-свитчинга и код-миксинга в смысле облегчения запоминания информации и выражения мысли наиболее удобным способом. Переключение кодов может нести эмоциональную функцию и использоваться для выражения чувств, усиления экспрессивности речи. Идентификационная функция переключения кодов помогает говорящим выражать свою этническую, культурную и социальную принадлежность. Дискурсивная функция код-свитчинга выражается в том, что он может сигнализировать о смене темы, маркировать начало или конец высказывания.

Код-свитчинг и код-миксинг повсеместно распространены в многоязычных обществах по всему миру [8]. Например, в Канаде франкоговорящие жители могут переключаться между французским и английским языком, в Индии распространено смешение английского с хинди (Hinglish). В постсоветских странах, таких как Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан, наблюдается активное взаимодействие русского и местных языков. В частности, в контексте уйгурского языка код-свитчинг и код-миксинг особенно актуальны среди молодого поколения, проживающего в многонациональной среде. Влияние русского языка приводит к интеграции заимствованных элементов в повседневную речь [3]. Порождение речи происходит на основе уникальных для каждого языка систем инвариантных элементарных простых предложений, или синтаксем, находящихся в подсознании носителей языков [5]. Это единицы языка, аналогичные фонемам и морфемам. В случае с уйгуро-узбекским подговором, очевидно, функционирует скорее одна система, а не две. В результате кодовые смешения наблюдаются в пределах одной фразы [11].

Наблюдения показывают, что код-свитчинг имеет место в речевой деятельности этногрупп Прииссыккулья в ситуации использования двух систем инвариантных синтаксем, а когда языки привлекаются в рамках одной системы синтаксем, находящейся в языковом

подсознании, то следует говорить о код-миксинге. Вместе с тем эти сложные проявления транслингвальности требуют специального углубленного изучения и анализа. Особенного внимания заслуживают психолингвистические методы исследования проблемы.

Таким образом, привлеченные к рассмотрению калмыцкая, уйгурская, татарская и дунганская этногруппы выглядят по-разному в отношении использования эритажных языков. Языком межнационального общения служит русский язык, активно взаимодействующий с родными языками. Изучение код-свитчинга и код-миксинга в речевой практике на примере языков Прииссыккулья, в частности в уйгурском языке, позволяет глубже понять процессы языкового взаимодействия в многоязычных сообществах, а также выявить тенденции языковых изменений в современных условиях.

Литература

1. *Абдуллаев С.Н.* Вопросы языковой жизни татар города Каракола // Тез. и матер. Международной научно-практической конференции по филологическим наукам, посвященной 1000-летию эпоса «Манас» и памяти профессора К. Тыныстанова. Каракол: Изд-во ИГУ, 1996. С. 53–56.
2. *Абдуллаев С.Н., Ногоева Ч.А.* Язык на перекрестке культур // Лингвокультурологический аспект изучения и преподавания русского языка в условиях отсутствия языковой среды: сб. статей и тезисов Международной научно-практической конференции. Российский университет дружбы народов. М., 2018. С. 71–74.
3. *Абдуллаев С., Карагулова А.К.* Вопросы идентичности этносов Прииссыккулья и функционирование русского языка как lingua franca // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. М., 2023. С. 17–23.
4. *Баскаков Н. А.* Язык прииссыккульских уйголов. Алма-Ата: Наука, 1978. 49 с.
5. *Зурабова Л.Р.* Грамматический аспект изучения переключения кодов: модели и подходы // Вопросы современной лингвистики. 2019. № 4. С. 24–34.
6. *Килханова Э.В., Патинова Ж.Б.* К вопросу о терминах: переключение кодов, смешение кодов, вкрапления и критерии их разграничения // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 667–671.

7. *Лили Герберт, Набиуллина Г.А.* Татарстанда икетеллелек мәсьәләсе: Америкадагы тел ситуациясе белән чагыштыру // Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия (мировой опыт реализации языковой политики в федеративном государстве): материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 25–27 ноября 2015 г.). Казань: Изд-во КФУ, 2015. С. 198–200. URL: https://repository.kpfu.ru/?p_id=1195173
8. *Перехвальская Е.В.* Этнолингвистика. М.: Юрайт, 2017. 352 с.
9. *Проценко Е.А.* Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (Краткий обзор литературы за последнее десятилетие) // Вестник Воронежск. гос. ун-та: Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 123–127.
10. *Прошина З.Г.* Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник РУДН. Сер.: Вопросы образования: язык и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155–170.
11. *MacSwan J.* A minimalist approach to intrasentential code switching. New York: Routledge, 2014. 306 p.

УДК 81.1

К.Т. Джаманкулова

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР**

Аннотация. В данной статье анализируется межкультурная коммуникация как одно из направлений коммуникативной лингвистики. Рассматриваются возникновение и становление межкультурной коммуникации как самостоятельной дисциплины со своим предметом и методом. Упоминаются основатели межкультурной коммуникации, исследователи важнейших аспектов данной проблемы. Исследователи особо выделяли национальную или этническую культуру. В настоящее время на первый план выдвигается динамическое понимание культуры как образа жизни, системы поведения, норм, ценностей и т. д. любой социальной группы.

В статье излагаются основные цели исследований в области межкультурной коммуникации, а также ее задачи в pragматическом аспекте. Анализируются макро- и микроуровни межкультурной коммуникации, а также ее типы на микроуровне. Подвергаются анализу межкультурная компетентность, ее структура, а также рассматриваются типы коммуникаций.

Ключевые слова: коммуникативная лингвистика; межкультурная коммуникация; макро- и микроуровни; межкультурная компетентность; структура; типы коммуникаций.

K.T. Dzhmankulova

INTERCULTURAL AS AN IMPORTANT FACTOR IN RELATIONS BETWEEN REPRESENTATIVES OF DIFFERENT CULTURES

Abstract. this article analyzes intercultural communication as one of the branches of communicative linguistics. it examines the emergence and development of intercultural communication as an independent discipline with its own subject and method. the founders of intercultural communication and researchers of the most significant aspects of this issue are mentioned. particular attention was paid by scholars to national or ethnic culture. currently, a dynamic understanding of culture as a way of life, a system of behavior, norms, values, etc., of any social group comes to the forefront. the article outlines the main research goals in the field of intercultural communication, as well as its tasks from a pragmatic perspective. the macro- and micro-levels of intercultural communication are analyzed, along with its types at the micro-level. intercultural competence, its structure, and various types of communication are also examined.

Keywords: communicative linguistics; intercultural communication; macro- and micro-levels; intercultural competence; structure; types of communication.

Коммуникативная лингвистика изучает язык прежде всего как средство взаимодействия и передачи информации между людьми. В рамках этого подхода важное место занимает межкультурная коммуникация, объектом которой являются контакты между представителями различных культурных сообществ. Межкультурная коммуникация включает не только передачу информации,

но и достижение взаимопонимания, преодоление барьеров восприятия и учет ценностей другой культуры.

Термин „межкультурная коммуникация“ был введен Д. Трейгером и Э. Холлом в их работе 1954 года, в которой общение трактовалось как важный механизм адаптации человека к окружающему миру [1; 2]. Их исследование стало фундаментом новой области, которая быстро превратилась в самостоятельное направление гуманитарных наук. В последующих трудах, таких как книга Э. Холла *The Silent Language* («Немой язык», 1959), была четко обозначена взаимосвязь культуры и коммуникации. Э. Холл считал, что культура проявляется через коммуникацию, а сама коммуникация является ее формой выражения [3].

Ранние исследования дисциплины концентрировались на выявлении различий культурных кодов и типичных коммуникативных ошибок. Значение работ Холла связано не только с теорией, но и с их применением в образовательной сфере: в 1960-е годы межкультурная коммуникация стала преподаваться в американских университетах, а затем и в Европе [4; 5; 6]. Данный процесс способствовал созданию образовательных программ, направленных на развитие межкультурной компетентности и подготовку специалистов к международной деятельности.

В дальнейшем теорию развивали Дж. Кондон и Й. Фати, подчеркивавшие междисциплинарный характер дисциплины [7]. С самого начала она интегрировала подходы лингвистики, антропологии, психологии и философии, что обеспечило ее методологическое богатство [5; 6]. Анализ показал: для межкультурной коммуникации принципиально важны осознание различий культурных кодов и способность участников коммуникации учитывать эти различия в процессе общения.

В российской науке значительный вклад внесли С.Г. Тер-Минасова, А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая и другие исследователи. В 1970-е годы в отечественной литературе термин получил более узкое толкование, особенно в трудах Л. Самовара и Р. Портера, сосредоточенных на коммуникативных сбоях [8]. В последующем круг проблем значительно расширился: анализировались

социальные и этнические факторы (Ю.В. Бромлей, Р.Г. Подольный, Л.М. Дробижева), особенности языкового стиля (С.Г. Тер-Минасова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), а также вопросы межкультурного диалога (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман). Это свидетельствует о том, что российская традиция органично вписалась в международный научный контекст.

В.С. Библер, говоря о межкультурной коммуникации, отмечает, что она формирует «новый универсальный социум культуры», особый тип социальности, который выражается в свободном взаимодействии людей в пространстве диалога культур [9]. Данное суждение подчеркивает, что межкультурное взаимодействие – это не просто обмен информацией, но и создание новых смыслов и ценностей в пространстве диалога. В этой связи все более актуальным становится вопрос о барьерах на пути такого общения и способах их преодоления или устранения.

По мнению Т.Б. Фрик, межкультурная коммуникация – это процесс взаимодействия людей, представляющих разные культурные традиции [5]. И.В. Денисова и А.П. Еременко дают похожее определение, в котором вводят понятие „межэтническая коммуникация“, понимая под ним взаимодействие представителей разных этнических групп [10]. Эти подходы фиксируют исходное понимание межкультурной коммуникации как межличностного взаимодействия, обусловленного различиями культурных кодов.

Т.Н. Персикова рассматривает межкультурную коммуникацию как процесс, в котором все элементы определяются культурной принадлежностью участников и находятся в тесной взаимосвязи с их национальной идентичностью [11]. Таким образом, в определениях исследователей можно выделить две тенденции: первая акцентирует внимание на факте различия культурных систем, вторая – на динамическом характере взаимодействия, где значимыми становятся процессы культурного обмена и взаимного обогащения.

Сегодня в научных исследованиях культура трактуется как динамичная система – образ жизни, нормы, ценности и формы поведения, присущие различным социальным группам. Современные исследователи отказываются от идеи культуры как фиксированной и неизменной системы.

Важно отметить, что культура перестает восприниматься как раз и навсегда данная структура; напротив, она обладает изменчивостью и способностью к трансформациям в зависимости от социальной ситуации [12]. Такой подход позволяет рассматривать коммуникацию не только как обмен информацией, но и как процесс адаптации, в ходе которого участники взаимодействия пересматривают свои нормы и установки.

Основными целями исследований в области межкультурной коммуникации являются:

- 1) систематическое изложение основных проблем и тем межкультурной коммуникации, овладение понятиями и терминологией;
- 2) развитие культурной восприимчивости, способности к правильной интерпретации коммуникативного поведения в разных культурах;
- 3) формирование практических навыков и умений в общении с представителями других культур [13].

Тем самым исследовательский интерес направлен не только на теоретическое осмысление феномена, но и на формирование умений, имеющих прикладное значение.

Различают макроуровень и микроуровень межкультурного взаимодействия [14]. Культуры, выделяемые по континентальному признаку, называются макрокультурами (американская, латиноамериканская, африканская, европейская, азиатская). Между ними существуют глобальные различия, отражающиеся в формах коммуникации. При этом общение между культурами всегда происходит в «горизонтальной плоскости», что означает относительное равенство статуса участников.

Межкультурная коммуникация на макроуровне проявляется в форме культурных связей, выступающих постоянным и значимым компонентом взаимодействия народов. Эти связи ведут к созданию, сохранению и накоплению ценностей, норм, знаний и обеспечивают процесс взаимного обогащения культур [15]. На микроуровне в центре внимания оказываются микрокультуры (субкультуры), формирующиеся внутри общества и обеспечивающие вертикальное взаимодействие [16].

В научной литературе выделяют несколько типов межкультурной коммуникации на микроуровне [16]:

- межэтническая коммуникация – взаимодействие между представителями разных этнических групп, сохраняющих культурное наследие и идентичность в условиях доминирующей культуры;
- контркультурная коммуникация – выражение несогласия субкультур с ценностями господствующей культуры и формирование альтернативных норм;
- коммуникация социальных классов и групп – различия в мировоззрении и традициях, обусловленные происхождением, профессией и статусом;
- контакты демографических групп – религиозных, гендерных, возрастных;
- взаимодействие городских и сельских жителей, различающихся по стилю жизни и жизненной философии;
- региональная коммуникация, отражающая поведенческие особенности разных территориальных общностей;
- коммуникация в деловой культуре, возникающая из-за различий корпоративных правил и ценностей [16].

Все эти формы подчеркивают, что межкультурная коммуникация всегда многомерна, а ее успешность зависит от готовности участников учитывать культурные различия.

Ключевым становится термин *межкультурная компетентность*, под которой понимается способность эффективно взаимодействовать с представителями иных культур. Ее структура охватывает два ключевых аспекта: 1) способность понимать культурную идентичность партнера через язык, ценности и нормы; 2) умение добиваться результата даже при неполном знании культуры собеседника [17].

В условиях глобализации, когда «смешение народов, языков, культур достигло невиданного размаха» и остро стоит задача воспитания терпимости, межкультурная компетентность приобретает педагогическую значимость [18, с. 9]. Современная наука рассматривает ее как интегративный компонент профессиональной

подготовки специалиста, включающий умение устанавливать связи с представителями других культур, признавать их ценности и проявлять толерантность [19, с. 5]. В ее структуру входят культурологические знания, коммуникативные навыки и психологическая восприимчивость [20].

Таким образом, межкультурная коммуникация выступает не только условием, но и фактором социального развития. Ее главная цель – усвоение информации и формирование адекватного знания о другой культуре. Это знание имеет практическое воплощение в различных сферах: туризме, спорте, деловом общении, образовании, а также в личных контактах.

Социальные, политические и экономические изменения, происходящие в мировом масштабе, ведут к усилению миграционных процессов, что в свою очередь стимулирует культурные взаимодействия. В результате происходит не только смешение традиций, но и развитие новых форм коммуникации, обеспечивающих взаимопонимание.

Существуют различные типы коммуникации [4]. По количеству участников: межличностная (минимум участников, непосредственные отношения); межгрупповая/внутригрупповая; профессиональная (деловое взаимодействие); массовая (через средства массовой коммуникации), межкультурная (между разными культурами).

При функциональном подходе [4] выделяют: информативную, коммуникативную, аффективно-оценочную (чувства, мнения), ре-креативную (отдых, игровая форма), убеждающую (между людьми разных статусов, идеологические установки), ритуальную (традиции, обычаи).

По использованию языка различают вербальную и невербальную коммуникацию. Невербальные средства включают: кинесику (мимика, взгляд, жесты, поза), просодику (голос, интонация), та-кесику (прикосновения), сенсорику (ощущения), проксемику (пространственная структура общения), хронемику (организацию времени) [4].

Невербальное общение выполняет три основные функции: дополняет, противоречит или заменяет вербальное [4].

Совокупность определений, классификаций и подходов свидетельствует, что межкультурная коммуникация представляет собой многогранный процесс, объединяющий культурные, социальные и психологические факторы. Межкультурная коммуникация способствует формированию новых моделей взаимодействия, развитию толерантности и доверия и приобретает особое значение в условиях глобализации.

Современные процессы глобализации, активной миграции и культурного обмена вновь делают межкультурное взаимодействие актуальным. В научном дискурсе усиливается динамическое понимание культуры как изменяющейся системы ценностей и норм [12]. В этом контексте межкультурная коммуникация охватывает не только обучение языкам, перевод и культурологию, но и деловую сферу, спорт, туризм, межэтнические отношения.

Ключевое значение приобретает понятие «межкультурная компетентность», то есть способность эффективно взаимодействовать с людьми из других культур. Она включает знания о чужой культуре, практические навыки, а также психологическую готовность к диалогу [17; 19; 20]. Именно развитие межкультурной компетентности становится одной из главных задач современного образования, поскольку в условиях глобального мира толерантность и уважение к инаковости становятся основой профессиональной и личной успешности [18].

Важным теоретическим результатом исследований стало выделение уровней и типов межкультурной коммуникации: макро- (между крупными культурными общностями, например, континентальными) и микроуровень (межэтнические, социальные, региональные и др.) [14; 16]. Это позволяет точнее анализировать конкретные формы взаимодействия – от диалога цивилизаций до повседневного общения внутри многонациональных обществ.

Выводы:

1. Межкультурная коммуникация оформилась как самостоятельное научное направление, объединяющее достижения лингвистики, культурологии, антропологии, психологии и философии. Ее теоретический фундамент был заложен в трудах Д. Трейгера,

- Э. Холла, а также в исследованиях отечественных ученых – С.Г. Тер-Минасовой, А.П. Садохина, Т.Г. Грушевицкой и др.
2. Во второй половине XX – начале XXI в. научный интерес к межкультурной коммуникации сместился от анализа коммуникативных барьеров к изучению культуры как динамической системы норм и ценностей, что позволило шире рассматривать процессы межкультурного взаимодействия.
 3. Важным результатом теоретических исследований стало выделение макро- и микроуровней коммуникации, позволивших рассматривать глобальные и локальные формы межкультурного диалога в их взаимосвязи.
 4. Центральное место занимает концепт межкультурной компетентности, включающей знание культурных норм, развитые коммуникативные навыки и психологическую готовность к взаимодействию.
 5. Межкультурная коммуникация имеет прикладное значение в образовательной, профессиональной и социальной сферах, выступая инструментом формирования толерантности, доверия и взаимопонимания между представителями разных культур.
 6. В современном глобальном мире межкультурная коммуникация выступает как важный фактор обеспечения устойчивого развития общества, а ее дальнейшее исследование – важной задачей гуманитарных наук.

Литература

1. *Trager G.L. & Hall E.T. Culture as Communication: A Model and analysis.* New York, 1954. *Explorations. Studies in Culture and Communication*, 3. P. 137–149.
2. *Hall E.T. Hidden Differences: Studies in International Communication.* Gruner & Jahr, 1983. P. 24.
3. *Hall E. The Silent Language.* New York, Doubleday, 1959.
4. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебн. пособие. М.: ЮНИТИ, 2002. С. 352. URL: <https://studfile.net/preview/9444968/page:5/>
5. Фрик Т.Б. Основы теории межкультурной коммуникации: учебн. пособие. Томск: Томский политехн. ун-т, 2013. 100 с.

6. Лекция 1. История возникновения и развития межкультурной коммуникации. URL: <https://2dip.su/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B/22798/>
7. *Condon J., & Fathi Y. An introduction to intercultural communication.* Indianapolis: Bobbs-Merrill, New York, 1975. P. 45.
8. *Samovar L., Porter R. Intercultural Communication: a Reader.* 7th ed. Belmont, CA: Wadsworth, 1994. P. 36–45.
9. *Библер В.С. От научоучения – к логике культуры.* М.: Политиздат, 1991. С. 417. – ISBN 5-250-00739-2.
10. *Денисова И.В., Еременко А.П. Типы межкультурных коммуникаций // IV Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» 15 февраля – 31 марта 2012 года.* Архивировано 10 июля 2015 года.
11. *Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учебн. пособие.* М.: Логос, 2007. С. 71–76.
12. *Янишина М.В. Российские нейрохирургические школы как форма развития межкультурных коммуникаций.* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-neyrohirurgicheskie-shkoly-kak-forma-razvitiya-mezhkulturnyh-kommunikatsiy/viewer>
13. *Королева С.М. Межкультурная коммуникация и ее роль в современном образовании // Вестник КАСУ.* 2008. № 2.
14. *Муравлева Н.В., Муравлева Е.Н., Назарова Т.Ю. и др. Германия: Лингвострановедческий словарь.* М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 991.
15. Межкультурная коммуникация на микроуровне. URL: <https://studfile.net/preview/10871241/page:7/>
16. *Фалькова Е.Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях (методическое пособие).* СПб.: СПбГУ, 2007. С. 77.
17. *Акимова Е.А. Авякан Р.В. Подготовка студентов к межкультурной коммуникации на основе цифровых технологий // Журнал педагогических исследований.* 2019. Т. 4. № 3. Рубрика: общая педагогика, история педагогики и образования.
18. *Терминасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Терминасова.* М., 2008. EDN: <https://elibrary.ru/RBBKAF>
19. *Наролина В.И. Межкультурная коммуникативная компетентность как интегративная способность межкультурного общения специалиста // Электронный журнал «Психологическая наука и образование» www.psyedu.ru / ISSN: 2074-5885 / e-mail: box@psyedu.ru* 2010, № 2 (дата обращения: 28.04.2019).

20. Болышева Н.Н. Языковая манипуляция национальным мышлением в условиях глобализации. М.: Академия, 2005. С. 276.

УДК 81'243.42:004

O.K. Джумабаева

**ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В ОБУЧЕНИИ КЫРГЫЗСКОМУ ЯЗЫКУ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ**

Аннотация. В статье рассматриваются современные инновационные технологии, применяемые в процессе обучения кыргызскому языку иностранных студентов. Анализируются эффективные методы, такие как цифровые платформы, мобильные приложения, мультимедийные материалы и онлайн-коммуникация. Отмечены преимущества и проблемы внедрения технологий в образовательный процесс, а также представлены примеры успешной практики в вузах Кыргызстана.

Ключевые слова: кыргызский язык; иностранные студенты; инновационные технологии; языковое обучение; цифровые платформы; мультимедиа; дистанционное образование.

O.K. Dzhumabaeva

**INNOVATIVE TECHNOLOGIES
IN TEACHING KYRGYZ LANGUAGE
TO FOREIGN STUDENTS**

Abstract. The article discusses modern innovative technologies used in the process of teaching the Kyrgyz language to foreign students. Effective methods such as digital platforms, mobile applications, multimedia materials and online communication are analyzed. The advantages and problems of introducing technologies into the educational process are noted, and examples of successful practice in universities in Kyrgyzstan are presented.

Keywords: Kyrgyz language; foreign students; innovative technologies; language training; digital platforms; multimedia; distance education.

Современное образование требует новых подходов к обучению, особенно в контексте преподавания языков. Кыргызский язык как важнейший элемент культурной идентичности Кыргызстана вызывает растущий интерес среди иностранных студентов. Целью исследования является анализ эффективных методов обучения кыргызскому языку с применением цифровых технологий.

Иновационные технологии в языковом обучении включают комплекс методических и технических решений. Они способствуют интерактивности, визуализации материала и индивидуализации подходов, что особенно важно для преодоления языкового барьера.

Обучение иностранцев кыргызскому языку требует учета культурных особенностей, начального уровня владения языком и образовательных целей. Ключевыми инструментами являются: мобильные приложения (Eazy Kyrgyz, Quizlet), видеоуроки с субтитрами, интерактивные доски, мессенджеры (WhatsApp, Telegram) и виртуальные экскурсии.

Практический опыт вузов Кыргызстана демонстрирует эффективность таких решений. В Кыргызско-Российском Славянском университете успешно используется платформа Microsoft Teams и Microsoft Oulook, разговорные клубы в Zoom позволяют практиковать язык с носителями. Студенты создают мультимедийные проекты по национальной культуре.

Основные преимущества технологий:

- развитие критического мышления и креативности;
- практическое применение языковых навыков;
- повышение мотивации студентов;
- персонализация обучения;
- доступность практики вне аудитории.

Ключевые проблемы:

- дефицит квалифицированных кадров;
- недостаток локализованного цифрового контента;
- необходимость культурной адаптации материалов;
- перевод некоторых приложений на кыргызский язык.

Интеграция традиционных методов с цифровыми технологиями открывает новые перспективы в преподавании кыргызского

языка иностранцам, позволяет сделать процесс изучения языка более эффективным, увлекательным и персонализированным. Однако успех их внедрения зависит от готовности преподавателей адаптироваться к новым методам и грамотно интегрировать их в учебный процесс.

Литература

1. Арзыматова Г.К. Современные технологии в обучении кыргызскому языку. Бишкек: КНУ, 2020. 156 с.
2. Токтогулова Э.Ю. Интерактивные методы преподавания. Бишкек, 2019. 98 с.
3. Исмаилова Н. Проблемы преподавания кыргызского языка иностранцам // Наука и образование. 2021. № 3. С. 45–51.
4. Warschauer M. Technology and Second Language Teaching. Cambridge, 2000. 210 p.

УДК 811.581

M.B. Джумаза

«ТЕОРИЯ ИНКОРПОРАЦИЙ» Е.Д. ПОЛИВАНОВА КАК МОДЕЛЬ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЛОГОВЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. В статье анализируется модель грамматического описания слоговых языков, предложенная Е.Д.Поливановым и получившая название «теории инкорпораций». Даётся определение понятию *инкорпораций*, приводится их перечень и то, каким способом последние связаны с передачей грамматического значения в названных языках. Утверждается, что содержание инкорпораций тесно связано со спецификой элементарной строевой единицы слоговых языков – моносиллабом. Моносиллабизмом и обусловлена морфологическая структура слова в слоговых языках, посредством которых и выражаются грамматические значения в названных языках.

Ключевые слова: слоговые языки; модель описания; инкорпорация; моносиллабизм; моносиллаб; типология; грамматика.

M.V. Djumaza

**“THE THEORY OF INCORPORATIONS”
BY E.D. POLIVANOV AS A MODEL OF GRAMMATICAL
DESCRIPTION OF SYLLABIC LANGUAGES**

Abstract. This article examines the model of grammatical description for syllabic languages proposed by E.D. Polivanov, which became known as the “theory of incorporation.” The concept of incorporation is defined, followed by a classification of its types and an analysis of how these incorporative forms are employed to convey grammatical meaning in the aforementioned languages. It is argued that the content and function of incorporation are closely tied to the structural particularities of the elementary unit in syllabic languages—the monosyllable. The principle of monosyllabism is shown to determine the morphological structure of the word, which in turn serves as the primary vehicle for expressing grammatical meanings in syllabic languages.

Keywords: syllabic languages; descriptive model; incorporation; monosyllabism; monosyllable; typology; grammar.

Зародившись в лоне сравнительно-исторического языкознания в начале XIX века, типологическая лингвистика, как и ее предшественница – генеалогическая, добилась многого: все известные к тому времени языки были распределены по типам, и тем самым была создана типологическая классификация языков. И самое главное – наконец-то было найдено нечто «имеющее кардинальное значение для всесторонней общей характеристики языка, а именно морфологическая структура слова» [I: 2], благодаря чему все языки и были распределены по классам или типам. Хотя, начиная с самых первых типологических разысканий братьев Ф. и А. Шлегелей, затем В. фон Гумбольдта, Шлейхера и заканчивая Сепиром и других, все рассуждения и велись вокруг этой центральной единицы языка – слова, но представляли собой, говоря словами того же Гринберга, «интуитивные определения, опирающиеся на общие впечатления» [I: 2]. При этом предметами всех разысканий были не только особенности морфологического строения слова, но и все другие грамматические особенности, присущие слову. С тех пор названная классификация получила широкое распространение и стала

синонимом типологической классификации вообще. Однако, несмотря на очевидные достижения в этой области разысканий научных-типологов, все же типологической (морфологической) классификации не хватало самого главного – определения того, какими факторами обусловливается та или иная морфологическая структура в языках различных типов.

Одной из самых известных попыток описания особенностей грамматического уровня на примере слоговых языков с опорой на доминирующий типологический признак является так называемая теория инкорпораций Е.Д. Поливанова. В работе «Грамматика современного китайского языка» [I: 4] им была предпринята попытка «объективно увязать все черты грамматического строя в одно целое и поставить их в зависимость от моносиллабизма» [I: 3, с. 2]. Считается, что в названной работе им была применена модель системного описания грамматических особенностей слоговых языков. Однако, на наш взгляд, эта модель охватывает все уровни языка, а не только уровень грамматический.

Потому что, когда Е.Д. Поливанов брался разрабатывать те или иные теоретические вопросы общего языкоznания, как правило, не ограничивался описанием особенностей какого-то отдельного уровня языка. Все особенности частных языков он имел обыкновение рассматривать сквозь призму присущих им определенных типологических черт и свойств в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Это и есть то, что впоследствии получило название системных отношений в языке.

Но в то время еще не было единого понимания того, **какие системные характеристики должны быть положены в основу типологического описания языков** [I: 6, с. 14]. Были попытки показать взаимосвязь отдельных сторон языка, но дальше теоретических деклараций дело не шло. Е.Д. Поливанов уже в то время на примере типологических особенностей строя китайского и дунганского языков предвосхитил эти взгляды и наглядно показал взаимосвязь основных уровней языка и то, как проявляются системные свойства языка на примере единиц этих уровней. Надо сказать, что поиски системности единиц всех уровней языка были одними из главных

или центральных тем в исследованиях ученого на протяжении всей его жизни. Одним из таких попыток системного описания языковых явлений и стала «теория инкорпораций», изложенная им в его монографии «Грамматика современного китайского языка».

Для того чтобы понять грамматическую концепцию Е.Д. Поливанова и специфику такого явления, как моносиллабизм, необходимо остановиться на его фонологических разысканиях слоговых языков. И только после этого можно перейти к взаимосвязи и взаимообусловленности единиц этого уровня с единицами других уровней языка – морфологии и синтаксиса.

Так, Е.Д. Поливанов, касаясь особенностей фонологического уровня слоговых языков, выделяет следующие признаки, имеющие характер «типовых» (типологических) особенностей. В частности, это такие особенности: во-первых, «**а) наличие музыкального слогоударения** (так называемых «тонов»); **б) силлабема**, т. е. представление слога, как определенной последовательности согласных, «**полугласных**» – неслоговых сонантов и гласных звуков; **в) акцентема**, т. е. представления силовой ударенности – неударенности слога» [II: 2, с. 8]. Во-вторых, «**моносиллабизм морфемы**, т. е. принципиальная норма, согласно которой морфема состоит из одного слога, и морфологические границы … в подавляющем большинстве случаев проходят по фонетическим слогоразделам [II: 2, с. 9–10].

С последним Е.Д. Поливанов и связывает все типологические особенности китайского языка. Он неизменно подчеркивал, что моносиллабизм китайского языка – это не только особенность фонетико-фонологической системы, но и системное свойство, пронизывающее все уровни и весь строй языка. Можно в этой связи сослаться на одно из утверждений ученого, сделанное им в одной из неопубликованных работ, посвященных дунганскому языку, а именно: что «**тот или другой принципиальный характер морфологии уже предусматривает или обуславливает определенную структуру фонологической системы, и обратно**» [II: 1, с. 1]. В свою очередь, специфика его минимальных фонологических единиц также обуславливает определенный характер морфологии и синтаксиса. Между ними констатируется не только простое сосуществование,

но и взаимная увязка и согласованность. Это и выразилось в так называемой *теории инкорпораций* – оригинальной концепции Е.Д. Поливанова, объясняющей строй китайского языка.

Он пишет: «Понятие моносиллабической нормы – т. е. «моносиллабизма», соотв. – моносиллабических языков – применимо к современным китайским языковым системам ... в смысле односложности морфемы, но отнюдь не в значении обязательной односложности слова» [II: 1, с. 9–10]. С этим связано, во-первых, положение о минимальных строевых единицах языка, служащих строительным материалом для морфеморазличения (здесь и далее в кавычках приведены определения, данные Е.Д. Поливановым), так называемых «субстратов морфем», необходимых для целей коммуникации. В языках индоевропейских, флексивных, минимальными смыслоразличительными единицами являлись звуки сами по себе (точнее, если придерживаться соотносительных терминов, звукономы), из комбинаций которых может появиться бесконечное множество экспонентов морфем и слов, необходимых для целей коммуникации. При моносиллабическом же характере строя языков, учитывая особую, «руководящую» роль слога в фонологической системе, слог сам приобретает статус «элементарной фонологической единицы», из которых строятся значимые единицы языка. А поскольку количество последних, т. е. морфем-слогов в языках данной типологии, всегда было ограничено, то они уже не удовлетворяли назначению словаря, возможностям морфеморазличения – служить базой для образования единиц высшего, чем фонологический, уровня языка – уровня слов и предложений. Сохранение принципа моносиллабизма слова, т. е. определенного тождества слога, морфемы и односложного слова, было бы непосильной обузой для языка. Отсюда – переход к полисиллабизму слова, правда, с оговоркой у Е.Д. Поливанова – «отчетливо выраженной тенденции» к доминирующему типу морфологической структуры слова, а именно – к инкорпорациям. **Под инкорпорациями он понимал «двусложные сочетания слов из двух лексических односложных морфем без какой-либо связующей их формальной морфемы»** [I:1, с. 30].

В настоящее время данное явление, т. е. наличие инкорпоративных комплексов, можно принять без всяких оговорок, не как тенденцию, а как норму, как «доминирующий» тип слова в китайском языке. Именно отсутствием необходимого и достаточного количества смыслоразличительных единиц языка, в данном случае слого-морфем как субстратов морфем, и объясняется полисиллабизм слова китайского языка. Полисиллабизм структуры китайского слова возник как своего рода реакция языка на количественную ограниченность его основной единицы (слов) и послужил своего рода разрядкой явлению омонимии слов, возникающему в связи с моносиллабизмом морфемы, широко распространенным в этих языках. В этой связи Е.Д. Поливанов пишет: «Когда фонетическая эволюция изнашивает (т. е. сокращает) состав морфологической единицы до неудобного с точки зрения символьических (различительных. – М.Д.) целей минимума, тогда на выручку языку, как средству общения, выступает эволюция морфологическая, – восполняющая тот урон, который был нанесен эволюцией фонетической, и именно **слагающая новые морфологические единицы из нескольких прежних морфологических единиц**» [II: 1, с. 3]. И это несмотря на наличие наряду с ним еще тональной системы ударения, которая в языках данной типологии служит важнейшим суперсегментным различительным средством, помогающим (так же, как и полисиллабизму слова) преодолеть эту омонимию.

Говоря о том, почему же эти двухморфемные и многоморфемные слова получили большее распространение в дунганском языке по сравнению с северо-западными диалектами китайского языка, ученый связывает это обстоятельство с двумя следующими моментами: «с относительно меньшим количеством силлабем (в нормальном дунганском силлабаре) по сравнению с силлабаром северно-китайских диалектов; и с другой – исторической точки зрения – с фактором гибридизации, т. е. иноязычным, в частности, турецким (турецким) языковым влиянием» [II: 1, с. 4].

В области грамматики сущность предложенной ученым модели состоит в том, «что слог языка, обладающий значением, для образования в речи единиц более высокого порядка вступает

в определенные отношения с другими слогами языка и образует так называемые «начальные инкорпорации» (инкорпорации первой степени), состоящие из двух и более слов. Эти инкорпорации, в свою очередь, могут вступать с другими такими же инкорпорациями в синтаксические отношения по тем же правилам, по которым образуются инкорпорации первой степени» [I: 3, с. 2]. Здесь, как можно видеть, ключевым является понятие **«слога, обладающего значением»**, который служит для построения значимых единиц языка. Он и получил у Е.Д. Поливанова название «моносиллаба». Отсюда и понятие моносиллабизма как главной типологической особенности слоговых языков, который пронизывает все уровни языковой системы.

Схемы построения как моносиллабов, так и различных инкорпоративных комплексов являются одинаковыми, различаясь лишь количественно. Моносиллабы объединяются в инкорпорации способом простого примыкания без какого-либо формального элемента. Существуют различные комбинации – именные, глагольные, смешанные, которые дают различные типы словосочетаний. Очень важно соположение между частями сочетания. Одни сочетания выявляют одни грамматические признаки, другие – другие признаки. На этом основываются принципиальные различия между лексико-грамматическими классами слов, основанные на синтаксических признаках. Формальные элементы у слов в большинстве случаев отсутствуют. Но если даже и присутствуют, то не служат для выражения связей между словами в предложении. Связь эта осуществляется с помощью порядка слов и служебных слов.

Таким образом, если привычными моделями слов флексивных языков являются его деления на две части – **вещественную и формальную, и тем самым оно уже потенциально содержит в себе указание на его грамматические особенности**, то инкорпорации внешне остаются такими же аморфными и нейтральными в грамматическом плане, как и моносиллабы. Ну это, если смотреть с чисто формальной стороны, как это делается во флексивных языках. Главное значение приобретает внутреннее **соположение частей инкорпорации**: а) характер их отношений друг с другом;

б) их сочетаемость с формальными словами и частицами. Сейчас по этим критериям и строится грамматическая классификация слов в языках этой типологии. Поскольку внешне они все похожи, а грамматическое значение различно, то делается вывод: **что «эти сочетания обладают какими-то внутренними грамматическими свойствами»** [I: 3, с. 5]. Контуры такого грамматического описания уже наметил в свое время Е.Д. Поливанов.

Эти инкорпорации, по словам Е.Д. Поливанова, будут одновременно «семантически соответствовать, с одной стороны, простым и единым словам русского языка, а с другой стороны – и словосочетаниям (комплексам из двух слов) русского языка» [I: 4, с. 9], в том числе и сочетаниям предикативного характера. Е.Д. Поливанов пишет, что «только двусложное (и многосложное) слово является морфологически оформленным [I: 4, с. 10], … ибо морфологическая характеристика слов (например, противоположение аттрибутивно-именной инкорпорации типа (*шу-синь*) – «письмо» и глагольно-объективной инкорпорации типа (*чи-фань*) – «есть, кушать», соответствующая, в общем, нашему делению на «части речи», по-коится именно на различии составляющих эту инкорпорацию частей. Сюда он относит «и некоторые морфологические признаки из области аффиксации» [I: 4, с. 10]. В числе тех же инкорпораций он находит и соответствия понятию *предложения*. Им будут соответствовать «сочетания двух лексических элементов с характером предикативной связи» [I: 4, с. 12]. Таким образом, в количественном плане все они будут одинаковыми, «равновеликими», а соответствовать будут разным в качественном отношении единицам флексивных языков – слову, словосочетанию и предложению.

При этом Е.Д. Поливанов делает очень важное уточнение. Этот двусложный размер слова является «организующей нормой китайской морфологии» [I: 4, с. 8]. Во многих случаях слова китайского языка строятся по этому принципу именно для достижения этой количественной нормы, в то время когда логически в нем нет необходимости. Принимая двусложную количественную норму, вторая часть инкорпоративного комплекса как бы уточняет значение первой в грамматическом отношении, хотя в семантическом плане дублирует значение первой части.

Резюмируя все вышеизложенное, следует сказать: безусловно, прав Е.Д. Поливанов в том, что, сравнивая морфологические структуры слов европейских языков с теми, которые имеются в слоговых языках, мы не найдем «точного соответствия нашим единицам языкового мышления (звукопредставлению фонеме, слову и предложению)» [I: 4, с. 12]. Им будут соответствовать различные в количественном и качественном отношениях единицы. И обусловлено это будет тем, какие строевые единицы языка участвуют в формировании значимых, т. е. грамматических единиц языка.

Сюда же можно добавить, что моносиллабизмом структуры морфемы обусловлен и основной принцип образования слов в этих языках, если проецировать это системное свойство в область словообразования слоговых языков. Как известно, основным принципом словообразования в китайском и дунганском языках является способ словосложения путем простого примыкания односложных морфем без соединительной гласной (в отличие от русского языка, к примеру). И это тоже вполне объяснимый факт. В условиях, когда слова по большей части лишены формальных показателей и представляют собой значимый слог, он становится основанием всей структуры словообразования, его основной единицей, а основным способом словообразования – способ словосложения.

Литература

I. Печатные издания:

1. Вопросы орфографии дунганского языка. Фрунзе: Кирггосиздат, 1937. 72 с.
2. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. – Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 60–94.
3. Горгониев Ю.А., Плам Ю.Я., Рождественский Ю.В., Сердюченко Г.П., Солнцев В.М. Общие черты в строем китайско-тибетских и типологически близких к ним языков ЮВА (К проблеме моносиллабизма). XXV Международный конгресс востоковедов (доклады делегации СССР). М., 1960. С. 3–15.
4. Иванов А.И. и Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. М., 1930. С. 3–33; 238–263.
5. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Восточная литература, 1995. 352 с.

6. Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М.: Наука, 1985. 253 с.
- II. Архивные материалы Рукописного фонда Института языка и литературы НАН КР:
 1. Поливанов Е.Д. Грамматика дунганского языка. Ч. 2. Фонд «Специальный». Ед. хр. 92. 26 с.
 2. Поливанов Е.Д. Главнейшие особенности дунганского языка. Фонд «Специальный». Ед. хр. 112. 260 с.

УДК 82-1+821.161.1 «197/201»

I.A. Еникеев

ТРАНСЛИНГВАЛЬНЫЙ АВТОР В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ЖАНРОВОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. В статье предлагается взглянуть на проблему этнической идентичности транслингвальных авторов через исследование темы влияния на языковую личность транскультурного писателя используемого автором жанра творчества, который может быть связан с национальной литературной традицией.

Ключевые слова: поэтика жанра; русскоязычные писатели; национальная литература; татарский bait; литературная школа; эстетика; регион.

I.A. Enikeev

TRANSLINGUAL AUTHOR IN THE CONTEXT OF ETHNIC GENRE TRADITION

Abstract. The article proposes to look at the problem of ethnic identity of translingual authors through the study of the theme of the influence on the linguistic personality of a transcultural writer of the genre of creativity used by the author, which may be associated with the national literary tradition.

Keywords: Poetics of the genre; Russian-language writers; national literature; Tatar bait; literary school; aesthetics; region.

В статье предлагается взглянуть на проблему русскоязычных этнических авторов не только с позиций транскультурности и транслингвальности, не только с учетом использования этнических культурных маркеров, знаковых локаций и этнических терминов, экзотических для русского языка слов и обозначений. Мы предлагаем рассмотреть творчество русскоязычных иноэтнокультурных авторов еще и с позиции литературоведения, изучающего творческий процесс писателей. Авторы при создании текстов, выстраивании их внутренней драматургии вынуждены осознанно или интуитивно использовать определенные жанровые лекала в прозе и драматургии, а также рифмы и ритмические структуры в поэзии. Например, если мы взглянем на художественный опыт «Ферганской школы» русскоязычных писателей Узбекистана 80–90-х гг. XX века, объединявшихся вокруг журнала «Звезда Востока», то увидим в их эстетическом манифесте эстетические и жанровые лекала, несовместимые как с узбекской советской литературой социалистического реализма, так и с традициями русской классической литературы, но тем не менее использовавших национальный узбекский компонент в своем творчестве, создаваемом на русском языке. Ферганская школа скреплялась несколькими контекстами – контекстом западноевропейского и американского высокого *модернизма*, локальным узбекским контекстом, который усиленно пересоздавался на рубеже 1980–1990-х годов, и отталкиванием от контекста собственно русской литературы. У школы был собственный манифест, в котором излагались ее творческие принципы: «Ориентация на *средиземноморскую поэзию* и отчасти *англосаксонскую*, минуя русскую литературу. Обращенность к меланхолии *позднего романтизма*, выраженной современным языком, полным скепсиса и неуверенности. Гибридная стилистика – конкретные ландшафтные признаки, южный знойный мир и вместе с тем герметическая «западная» *поэтика*, космополитическое месиво мнимостей, залитых солнцем. Антиисторизм и неприязнь к социальной реальности, страх перед действием и тотальностью наррации, особый депрессивный лиризм и металлическое упрямство, не позволяющее автору «ферганской школы» жить жизнью и с каждым разом все больше отдаляющее его

от смысла происходящего, – поэтому *этнос* в наших текстах уходит в тень, на задний план» [1].

Похожую эстетическую парадигму исследователи выявили в русскоязычном творчестве чувашского писателя Г. Айги: «Типичная организация пространства для стихов Айги – поле, часто заснеженное, ограниченное почти на горизонте глухими лесами. Так же, как ферганцы видели родной пейзаж в итальянских фильмах, в стихах Айги поля и леса, характерные для южной Чувашии, родины поэта, возникают среди московских новостроек, которые так же готовы в любой момент превратиться в лесостепь, как запыленные дороги Ферганы – в улицы маленьких итальянских городов. Можно сказать, что Айги стал образцом тюркского поэта, который выражал национальное посредством визуальных образов, оставаясь при этом в рамках языка гегемона» [1]. Вместе с этнической жанровой парадигмой в творчество транслингвальных авторов входят национальная культурная и литературная традиция, этническая об разность и терминология. Подобный литературоведческий подход к творчеству транскультурных авторов, по нашему мнению, позволяет расширить общее понимание механизмов транслингвальности и формирования языковой личности русскоязычных транскультурных авторов. В качестве аргументов для подобного взгляда на русскоязычную литературу может стать анализ творчества русскоязычных писателей Татарстана, в той или иной степени использовавших национальную жанровую парадигму. Самый короткий путь соединения бытописания и этнической традиции лежит через лиро-эпические жанры фольклора – героическую эпопею, поэмы-баллады, исторические песни, ритуально-обрядовую лирику, мифологические и сказочные сюжеты. Или альтернативный пример, когда русскоязычная писательница Г. Яхина использует для деконструкции и ревизии этнических и исторических стереотипов жанр *вестерна* применительно к реалиям Туркестана периода Гражданской войны в романе «Эшелон на Самарканد».

Выводы нашего исследования основаны на примере творчества нескольких транслингвальных авторов-этнических татар. Например, поэтесса Эльмира Гафуровна Блинова пишет о татарской

царице Сююмбике в одноименном стихотворении, используя поэтику русского фольклора, – плачей и исторических песен, откуда происходит такая лексика, как «струг плывет по реке, фонарь горит в тереме, баба рыдает по суженному (плач Сююмбике по умершему мужу Сафа Гирею)». [2, с. 49–50]. Другая поэтесса из Казани Аленна Каримова (Алия Каюмовна Каримова) использует в стихах поэтического цикла «Давани» личный детский опыт жизни в родной семье в татарской деревне, фразеологизмы и этические наставления родной татарской бабушки-дэвэни, привившей ей традиции национальной мифологии и общения с природой.

Но самым показательным примером использования русскоязычным автором поэтики национального фольклорного жанра является творчество поэтессы Розы Кожевниковой (Баубековой), которая смогла интегрировать поэтику древнего татарского *жанра-байта* в поэтику русского стихосложения. Прежде чем стать русскоязычной писательницей Розой Кожевниковой, школьница Роза Баубекова, выросшая в татарской деревне Дельта Астраханской области и практически не знавшая русского языка, на себе испытала процесс трагической ломки родного языка и замены его на иностранный язык. Фундамент ее творческого мира незримо для дочери сформировал отец, постоянно день за днем исполнявший для себя байты на татарском языке. Ритм, рифма, синтаксическая структура байтов, их трагический драматизм, философский подтекст, своеобразная поэтика стали той художественной матрицей, из которой выросла поэзия Розы Кожевниковой. Сама поэтесса осознала это гораздо позже, когда написала следующие строки:

*Войны ли это отголосок
В крови ребенка от отца –
Так не по-детски лились слёзы
В предположении конца [3].*

То, что заметили литературные критики в творчестве Розы Кожевниковой и назвали «фиолетовым цветом пессимизма», на самом деле было фундаментальным признаком татарского байта, обозначающим внутренний трагизм. Татарские фольклористы выделили следующие признаки поэтики байта: «Первые его строки

достаточно своеобразны: сначала речь идет об очень простых вещах, каждодневных бытовых явлениях. Все это служит усилению внимания слушателя или читателя: они как бы готовят его к восприятию повествования о трагических событиях. Поскольку речь идет о байте, непременно должна быть какая-то трагедия. Об этом слушатель хорошо знает. После этого начинается полное драматизма повествование. В байте широко употребляются распространенные в народной лирике параллели. Композиция байта очень проста и типична для жанра: своеобразно представленный зачин, очень быстрое, неожиданное начало трагедии, драматически напряженное повествование, не лишенное глубокого лиризма, традиционная концовка, имеющая философский смысл, глубокий трагизм и лиризм, исключительное, захватывающее слушателя содержание, удивительная поэтичность, выразительность формы способствовали тому, что байт распространился в народе очень широко. Его знают и охотно исполняют, особенно представители старшего поколения» [4, с. 14–15].

Двустишие, изначально присущее байту, стало основой ритмической организации поэзии Розы Кожевниковой, которая органично соединила его с русской классической рифмой. Также критики называли стихи писательницы молитвами-нантиями. Это также является признаком байта и проявляется в религиозной лексике, ритмических повторах словесных и образных клише. Байт по сути своей является ритуальной и обрядовой лирикой, создаваемой на важные семейные даты и трагические события. Еще одним признаком поэтики татарского байта, пронизывающего творчество Розы Кожевниковой, является мотив расставания и неизбежной разлуки:

*Мне нужно отрицание меня!
Милы мне нелюбовь и неучастье.
На грани угасающего дня
Ловлю я отблеск подлинного счастья.
Мне нужно отрицание меня... [5].*

Также Роза Кожевникова использует в текстах татарские фразеологизмы и образные выражения, понятные татарам и отсылающие к национальным традициям. Смысл этих образов для русского

читателя может быть не до конца понятен. Например, в стихотворении «Весна»:

*В углу двора забытое полено
К утру нежданно распустило листья,
Как будто не желая примириться
С тем, что корней-то нет,
И нет замены... [5, с. 160].*

Здесь автор имеет в виду татарское словосочетание «Кем алмашка килер?» в контексте преемственности национальных традиций. Подводя итог этой теме, она очень образно переиначила известную фразу: «Я устала быть чужой среди чужих и чужой среди своих как в литературе, так и в национальной среде. И мне больно от этого ощущения. Я не люблю асфальтно-городских поэтов и маргиналов без роду, без племени. В Средневековье татарские поэты, думаю, писали еще на арабском или персидском языках. Может, такие появятся и в будущем:

*Среди своих почти чужая,
Среди чужих, конечно, не своя...
Как дерево, чей шелест в мае,
Увы, непостижим родным корням...
Из отлученных я, но помню
Над колыбелью материнский свет –
С печалью изучаю свои корни,
Опомнившись вдруг на излете лет [6, с. 1].*

Ее знаменитое стихотворение «Молитва» было удачно переведено на татарский язык Л. Лероном и стало своего рода символом, религиозной песней именно татароязычных татар под названием «Дога». Это стихотворение является той авторской подсказкой, которая высвечивает все творчество поэтессы: «Стихотворения Кожевниковой «выпеты» поэтом в минуты самых задушевных откровений по наитию – и не в человеческой воле удержать душу в себе. Но камерными, для узкого круга их не назовешь, так как они общеизвестны, что есть свидетельство истинной поэзии» [7]:

*Бисмиллах ир-рахман ир-рахим...
С этой магии фразы туманной*

*Засыпают в блаженном обмане, –
Только б верить, что кем-то храним.
По ночам и слепым, и глухим,
Когда хвори меня обступали,
Мама зыбку качала в печали:
Бисмиллах ир-рахман ир-рахим...
Заклинанье из глуби веков
Сколько губ под луною шептало.
И над горем, и счастьем витало
Столь напевное таинство слов.
И, не веря силам иным,
Все же молвиши порой по наитию
Этот древний зачин у молитвы:
Бисмиллах ир-рахман ир-рахим... [8].*

Поэтическое завещание, молитвы-наития Розы Кожевниковой являются неповторимым явлением русскоязычной татарской литературы и представляют собой одну из блестящих граней этого непростого феномена татарской культуры XX–XXI веков. Ее стихи – молитвы-наития – содержат в себе двустишия внутри русской рифмовки, ритмические повторы, поэтические ребусы из заглавных букв, образующие татарские слова, а также «чужеродную» для русской литературы стилистику и поэтику татарского *байта*. Все это является признаками присутствия иного этнокультурного мира в поле русской литературы или татарского регионального текста в обличии русского языка. Эти примеры говорят о том, что Роза Кожевникова-Баубекова не была оторвана от родной татарской культуры и на протяжении всей своей творческой жизни использовала традиции национальной литературы в виде жанра *байта*. Данный феномен М. Бахтин назвал «памятью жанра», и в сохранении этой памяти, передаче этой эстафеты будущим поколениям Роза Баубекова видела связь со своим древним татарским родом.

Упомянутые нами поэты являются показательными примерами существования «памяти жанра», о которой писал М. Бахтин. Большинство русскоязычных авторов используют память о национальных татарских жанрах неосознанно и интуитивно. Только один

писатель осознанно пытался применить, например, поэтику *средневековой татарской поэзии* в своем «Венке сонетов» – это был Равиль Бухараев. Другие авторы используют традиции и поэтику иных литератур и даже приемы *кинодраматургии*. Таким образом, в ходе исследования русскоязычной поэзии татар в жанровом аспекте мы обнаружили взаимосвязь их «неправильного» русского синтаксиса, порядка согласования слов с влиянием поэтики национальных или «чужих», заимствованных жанров, которую они могут применять как интуитивно, так и осознанно. «Чужой» жанр, заимствованный из другой культуры, может не только исказить смысл этнической традиции, но и разрушить ее изначальный смысл, повлиять на выбор лексики в процессе творчества. И, соответственно, этнический фольклорный жанр может привнести в русский текст транслингвального писателя потаенные смыслы другой национальной культуры и перевести понятие «транскультурность» на новый уровень понимания.

Литература

1. Корчагин К. «Когда мы заменим свой мир...»: ферганская поэтическая школа в поисках постколониального субъекта // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/8411> (дата обращения: 01.06.2017).
2. Блинова Э.Г. Городские деревья. Казань: Татарское книжное изд-во, 1985. 70 с.
3. Кожевникова Р. Воспоминания детства // «Лики казанской поэзии». Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 271 с. С. 159.
4. Ахметова Ф.В., Надиров И.Н., Урманчеев Ф.И., Фазлутдинов И.К. Татарские байты // Татарское народное творчество в 15 томах. Т. 9 // Байты. Казань: Татар. кн.. изд-во, 2022. 479 с.
5. Кожевникова Р. Мне нужно // «Лики казанской поэзии». Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 271 с. С. 158.
6. Маврина И. Фиолетовый цвет пессимизма // Звезда Поволжья. 2000. 21 декабря.
7. Тайны карагашской княжны // Татарские края. 2003. № 51. С. 7.
8. Кожевникова Р. Молитва // «Лики казанской поэзии». Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 271 с. С. 151.

**КОНЦЕПТ «МИЛЛЭТ» (НАЦИЯ)
В СТИХОТВОРЕНИЯХ Г. ТУКАЯ
И ИХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ**

Аннотация. В статье исследуются особенности трансляции концепта «миллэт» (нация) в русскоязычных переводах стихотворений Г. Тукая. Установлено, что в большинстве переводов этот концепт транслировался лексемой «халык» (народ), что соответствовало канонизации Г. Тукая в советской литературе как народного поэта.

Ключевые слова: Г. Тукай; перевод; концепт «миллэт»; канонизация; татарская литература.

M.I. Ibragimov

**THE CONCEPT «MILLAT» (NATION)
IN THE POEMS OF G. TUKAY AND THEIR
RUSSIAN-LANGUAGE TRANSLATIONS**

Abstract. The article examines the features of the translation of the concept of «millat» (nation) in the Russian-language translations of G. Tukay's poems. It was established that in most translations this concept was translated by the lexeme «khalyk» (people), which corresponded to the canonization of G. Tukay in Soviet literature as a people's poet.

Keywords: G. Tukay; translation; concept «millat»; canonization; Tatar literature.

Татарский поэт Габдулла Тукай (1886–1913) относится к числу канонизированных советской критикой национальных писателей, в числе которых казахский поэт Абай Кунанбаев, азербайджанец Мирза Фатали Ахундов, армянин Микаэл Налбандян, осетин Коста Хетагуров, и др.

Канонизированный образ Г. Тукая формировался в течение нескольких десятилетий, на протяжении которых жизнь и творчество

татарского поэта подгонялись под идеологические лекала, определяемые партийным и литературным руководством страны [1]. После оживленных дискуссий 1920-х – середины 1930-х гг., в конце 1930-х гг. был провозглашен статус Г. Тукая как «народного поэта». С этого времени это словосочетание становится неизменным атрибутом большинства публикаций о Тукае и вытесняет все остальные существовавшие до этого идентификации Тукая (как «мелкобуржуазного поэта», как «поэта-пессимиста» и пр.).

Определение «народный поэт» не было изобретением советского времени: применительно к Г. Тукаю оно встречается еще в дореволюционный период в основном в статьях, написанных после преждевременной смерти поэта [2]. Вместе с тем между идентификацией Тукая как народного поэта до революции и в конце 1930-х гг. есть существенная разница: в дореволюционной критике о Тукае (включая прижизненные публикации о его творчестве) под понятием «народ» имеется в виду вся татарская нация без классовой или сословной дифференциации, в то время как в советский период под народом понимаются народные массы, которым противопоставляется либеральная татарская буржуазия.

Таким образом, если в начале XX века понятие «народный поэт» обладало интегрирующим смыслом (татарские критики, учёные, писатели понимали под народом всех татар и, определяя Тукая как «народного поэта», подчеркивали его общенациональное значение), то с конца 1930-х гг. ему начинает придаваться сепарирующий смысл.

Параллельно с этим советская критика отмежевывалась от концепта «милли шагыйрь» (национальный поэт), который на всех уровнях заменялся словосочетанием «народный поэт». Иначе говоря, происходило выдавливание национальной идентичности, что соответствовало принятому в СССР курсу на интернационализацию культуры, стиранию различий между национальными литературами.

Эта тенденция проявилась не только в татарском литературоведении советского времени, но и в переводах Г. Тукая на различные языки народов СССР, прежде всего в русскоязычных переводах.

Рассмотрим несколько переводов стихотворений Г. Тукая с точки зрения трансляции переводчиками концепта «миллэт» (нация) и его деривата – «милли» (национальный).

Одним из самых ярких в художественном отношении ранних произведений Г. Тукая является стихотворение «И калэм!» («О перо!», 1905).

Это стихотворение русскоязычному читателю известно в переводе А. Ахматовой, вошедшем в большинство опубликованных в различное время сборников избранных произведений татарского поэта. Менее известен перевод А. Ойслендер [3].

В переводе А. Ойслендера сохраняется понятие «нация». Более того, если в оригинале слово «миллэт» повторяется трижды (во 2, 4, 7-й строфах), то в переводе – четырежды (во 2, 3, 4, 7-й строфах). В ахматовском переводе слово «нация» во второй и в четвертой строфах заменяется местоимением «мы» (ср.: «Нас, в невежестве погрязших, нас, лентяев с давних пор, / Поведи к разумной цели – тяжек долгий наш позор!» (А. Ахматова) и «Нас, невежд изленившихся, к доблести ты подведи, / Чтобы нации нашей позор не грозил впереди» (А. Ойслендер); в седьмой – канонизированным советской критикой маркером идентичности – «народ»: «Презирай обиды глупых, презирай проклятья их! / Думай о народном благе, думай о друзьях своих».

Заслуживает внимания еще один момент: слово «мусульмане» в 10-й строфе стихотворения Тукая, выступающее как традиционный для того времени маркер этнической (не религиозной!) идентичности, переводится переводчиками по-разному: А. Ойслендером как «мусульмане» («Мусульмане повсюду во мраке вздыхают давно: / «Ах за чыи прегрешенья нам черное счастье дано?»); А. Ахматовой – как «магометане» («Всех краев магометане охают из года в год, – / «О, за что судьбою черной был наказан наш народ?!»).

Стихотворение «Милли моннар» («Национальные мелодии», 1909) было написано во второй период творчества Г. Тукая. Оно не единожды переводилось на русский язык. В сборник переводов 1946 года оно включено в переводе С. Липкина под заглавием «Народная мелодия», в двухтомное собрание избранных

стихотворений – в переводе В. Тушновой под названием «Национальные мелодии». Показательно, что в более раннем переводе редуцированы содержащиеся во второй строфе стихотворения Г. Тукая слова о трехсотлетнем гнете, в котором жили татары. В стихотворении С. Липкина происходит не просто редукция важного смыслового компонента: неадекватным тексту оригинала оказывается эмоциональный тон второй строфы.

Подстрочный перевод	Перевод С. Липкина	Перевод В. Тушновой
Тревожа сердце, она (мелодия) говорит, Что чувствует душа татар; Как триста лет терпели мы горе, Испытывали гнет судьбы.	Льется и льется певучая речь, Сердце татарина в музыке бьется, Все, что сумели столетья сберечь, Льется из сердца, от сердца поется.	Она (мелодия. – М.И.) тревожит сердце. В ней живет Татар многострадальная душа. В протяжных звуках – трехсотлетний гнет, Горька она и все же хороша.

В качестве одного из весомых аргументов интернационализма Г. Тукая советские критики и литературоведы приводят стихотворение «Милләтчеләр» («Националисты», 1907). За редким исключением оно включено во все издания переводов стихотворений Г. Тукая. Среди его переводчиков – А. Миних и Р. Моран.

Для татарских критиков и литературоведов уже в конце 1920-х гг. это стихотворение выступало как свидетельство отрицательного отношения Тукая к национализму.

Сравнивая разновременные переводы этого стихотворения А. Миниха и Р. Морана, хотелось бы обратить внимание на отдельные моменты. Во-первых, в названии стихотворения у А. Миниха появляется эпитет, отсутствующий в оригинале: «Татарские националисты». Во-вторых, в переводе А. Миниха редуцирован звучащий в третьей строфе стихотворения мотив истинной веры как необходимого условия возрождения нации:

Подстрочный перевод	Перевод А. Миниха	Перевод Р. Морана
Для того чтобы вы- здороветь, тебе нужна жертва. Не хватает чтения под нос поминальной молитвы – нужен настоящий, чистый Коран.	Без жертв и без борь- бы не оживить народа, Хоть тысячи молитв бессмысленных прочти.	От болезни спаси тебя жертва должна, Не подделка, а свя- тость Корана нужна.

Таким образом, в большинстве русскоязычных переводов стихотворений Г. Тукая советского времени концепт «миллэт» (нация) и его дериват «милли» (национальный) либо редуцировались, либо переводились концептом «халык» (народ, народный), соответствующим канонизации Г. Тукая как народного поэта.

Литература

1. *Фридрих М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы*. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 343 с.
2. *Тукаев Р.Г. – халык шагыйре* (Тукаев – народный поэт) // Гали Рахим: тарихи-документаль һәм биографик җынетык (Гали Рахим: историко-документальный и биографический сборник). Казан: Жыен, 2008. С. 64–70.
3. *Тукай Г. Стихи и поэмы*. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1946. 376 с.

УДК 81.114.2(575.2)

П.К. Кадырбекова

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Аннотация. В статье рассматривается развитие новых научных парадигм “межкультурная коммуникация” и “лингвокультурология” в кыргызской лингвистике. Даются основные тенденции развития указанных

направлений и различные подходы к их исследованию, а также к их решению в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма; язык; культура; межкультурная коммуникация и лингвокультурология и др.

P.K. Kadyrbekova

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION AND LINGUACULTURAL STUDIES IN KYRGYZSTAN

Abstract. The article examines the development of new scientific paradigms of “intercultural communication” and “linguacultural studies” in Kyrgyz linguistics. The main trends in the development of these areas and various approaches to research are given, as well as their solution in a comparative aspect.

Keywords: anthropocentric paradigm; language; culture; intercultural communication and linguacultural studies; etc.

В настоящее время объект лингвистики – язык – существенно отличается от прежнего подхода к языку, т. е. к языку как к системе и структуре, так как «*Один и тот же объект одной и той же науки может быть интерпретирован ею по-разному на различных исторических этапах ее развития. Следовательно, конфигурация предмета науки зависит не только от свойств объекта, но и от точки зрения науки в данный момент*» [1].

Следует отметить, что современная антропоцентрическая, прагматически ориентированная, лингвистика предполагает совершенно иной подход к изучению языка и прежде всего иную постановку своей исследовательской задачи: «*Как устроен язык, каким образом и какими способами он хранит информацию, как его использовать для успешной передачи информации и эффективного воздействия на адресата?*».

Сегодня важно исследовать такие вопросы: как происходит успешная коммуникация? Как передается информация? Какие

способы передачи информации существуют? Как происходит воздействие на адресата?

О важности лингвистических исследований для изучения культуры говорил и Э. Сепир: «Язык приобретает все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры [2]. Интерес ученых теперь привлекает не сам по себе язык в отрыве от его носителя и от реальной жизни, а то, как в языке отражаются общечеловеческие, национально культурные и индивидуальные свойства говорящего; как язык функционирует в процессе каждодневного общения, какую роль он играет в общественной жизни [3, с. 15].

Сегодня, в век мирового господства информации, лингвистика становится одной из тех наук, которая способна, интегрируя гуманитарные и естественно-научные способы познания, разрешить сложнейшие вопросы, связанные со способами передачи информации, с правилами осуществления успешной коммуникации и эффективного воздействия на адресата. Таким образом, решению этой главной задачи лингвистической науки подчинены частные задачи, формулируемые и разрешаемые в рамках множества языковедческих дисциплин.

Востребованными становятся те междисциплинарные и прикладные области лингвистики, которые способствуют развитию межкультурной, а также межличностной коммуникации, которые изучают особенности коммуникативного поведения человека, способы воздействия информации на человека. Следует также отметить, что на основе философских взглядов на язык Л. Витгенштейна получили развитие такие исследовательские области, как прагмалингвистика, интерпретационная семантика и лингвистика текста [4].

Межкультурная коммуникация как научная парадигма

В науке о языке накопилось достаточно много фактографии, требующей осмыслиения в лингвофилософском аспекте, а в этом ключе в соответствии с традицией, идущей от Вильгельма фон Гумбольдта, мы говорим о языке как о духе народа [5].

Для того чтобы общение протекало на должном уровне, коммуниканты должны, в свою очередь, обладать межкультурной коммуникативной компетенцией, которая охватывает такие понятия, как *преодоление этноцентризма, стереотипы, невербальные средства коммуникации, жесты, мимика, т. е. язык телодвижений*, одним словом, понимание другой, чужеродной для нас культуры.

На успех межкультурного общения влияет также знание культурных стандартов коммуникативного партнера, равно как и знание ценностей той или другой культуры, языка которого изучают, что понимается под вежливостью, есть ли табу-темы и т. д.

За последние десятилетия в Кыргызстане появились исследования, посвященные межкультурной коммуникации и лингвокультурологии в сравнительно-сопоставительном аспекте. Так, например, вопрос толерантности в сравнении с немецкой и кыргызской культурами исследуется в работе Э. Тынаевой [6]. Всестороннее исследование вежливости в немецком и кыргызском языках проводится в диссертации Г. Бексултановой [7]. Национально-культурная специфика табу в немецком и кыргызском языках раскрыта в кандидатской диссертации А. Баялиевой [8].

Проведены также исследования вербальных аспектов межкультурной коммуникации [9]. В Германии вышла монография, посвященная вербальным аспектам немецко-киргызской межкультурной коммуникации: “Verbale Aspekte Deutsch-kirgisischer interkultureller Kommunikation” [10]. Цель этих исследований – выявление сходств и различий в кыргызской и немецкой межкультурной коммуникации и лингвокультурах в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Лингвокультурология как новая научная парадигма

В.А. Маслова выделяет два периода становления лингвокультурологии: первый период – это предпосылки развития науки (труды В. Гумбольдта, А.А. Потебни, Э. Сепира и др.) и второй период – оформление науки в отдельную область исследований [3].

Лингвокультурология – продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике, которая развивается в последние десятилетия. Лингвокультурология как новое знание, как новая парадигма, как наука, изучающая проявление, отражение и фиксацию

культуры в языке, становится в настоящее время самостоятельным научным направлением и занимает важное место на современном этапе развития науки о языке.

Интегративный подход к лингвокультурологии принимается В.В. Воробьевым, который определяет ее как: «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [11, с. 47].

В.Н. Телия рассматривает лингвокультурологию как часть этнолингвистики, посвященной «изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [12, с. 217–218]. Нам представляется наиболее приемлемым в работе следующее высказывание В.Н. Телии: «Лингвокультурология должна быть ориентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» [12, с. 222].

Категории лингвокультурологии формируются на базе осмысливания этносоциокультурных особенностей языкового сознания и речевого поведения носителей той или иной лингвокультуры при ее сопоставлении с другими лингвокультурами [5].

По мнению Масловой, «лингвокультурология – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [3, с. 129].

Лингвокультурология в качестве своего *объекта* рассматривает язык, культуру и языковую личность.

В настоящее время в России сложились пять лингвокультурологических школ, занимающихся исследованием взаимосвязи языка и культуры с разных позиций [14]. Особого внимания заслуживает в настоящее время лингвокультурологическая школа В.В. Воробьева “Лингвокультурология и профессиональное образование”[11].

Культурные факторы влияют на концептуализацию мира и на способ осуществления самой вербальной коммуникации. Лингвокультурология использует методы, которые применимы как к языку, так и к культуре. Когнитивный подход к лингвокультурологии, например, позволяет увидеть специфику в различных картинах мира. Так, образование лингвокультурологических концептов тесно связано с определенными социальными ценностями, имеющимися в той или иной культуре.

Язык как орудие вербальной коммуникации является важной составляющей частью культуры, и все особенности его структуры и функционирования могут считаться проявлением культуры соответствующего народа – носителя конкретного языка.

В Кыргызстане появились работы, посвященные лингвокультурологическим и лингвокогнитивным аспектам межкультурной коммуникации [14]. Огромное внимание уделяется лингвокультурной специфике речевого поведения кыргызского и русского языков [15].

Лингвокультурология, по мнению одних ученых, – часть лингвострановедения (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров); для других – это ответвление этнолингвистики (Н. Толстой); для третьих, – теории межкультурной коммуникации (С.Г. Тер-Минасова). Несмотря на различия, во всех этих культурологически ориентированных лингвистиках за основу берется тезис В. фон Гумбольдта – «язык есть выражение духа народа».

Это означает, что все теоретические положения нуждаются в проверке на материале разных языков. Это основное назначение и задача науки.

Научной лингвистике – около 300 лет, и в исследованиях лингвистов можно найти разные положения и выводы. Это не означает, что данная проблема исчерпана раз и навсегда. Например, окончательно известно, что гипотезу о существовании атомов высказал Демокрит 2000 лет назад, но это не значит, что великие физики Бор и Резерфорд повторили его выводы и не внесли ничего нового в атомную теорию.

Следует отметить, что с учетом различных научных концепций и методик лингвокультурологического анализа сложился определенный понятийно-терминологический аппарат данного лингвистического направления.

В соответствии с этим теория межкультурной коммуникации и лингвокультурологии в кыргызской лингвистике ждет еще своих исследователей.

Таким образом, можно сказать, что Кыргызстан шагает в ногу со временем, не отставая от мировой лингвистической науки.

Поэтому лингвокультурология и межкультурная коммуникация являются сегодня новыми научными парадигмами, которые еще находятся на стадии своего становления, и круг задач может расшириться ввиду возникновения новых целей и задач у лингвистики и культурологии.

Литература

1. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. С. 3–4; 48.
2. Сапир Э. Статус лингвистики как науки. URL: <http://www.philology.ru/lingistics1/sapir-93c.htmru.htm...ru/2002/2/missiya-universiteta.2020>.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебн. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы / пер. с нем. М.С. Козловой. М., 1994. Ч. 1. С. 80–130 (пар. 1–120).
5. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.
6. Тынаева Э.У. Средства выражения толерантности в немецком и кыргызском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2008.
7. Бексултанова Г.А. Выражение форм вежливости в немецком и кыргызском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2008.
8. Баялиева А.М. Национально-культурная специфика табу в немецкой и кыргызской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2019.
9. Кадырбекова П. Лингвокультурологические вербальные аспекты межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2014.

10. *Kadyrbekova P. Verbale Aspekte Deutsch-kirgisischer Interkultureller Kommunikation*: монография. Berlin: PETER LANG GmbH-Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2021. 258 S.
11. *Воробьев В.В. Лингвокультурология*: монография. М.: РУДН, 2008. 336 с.
12. *Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 288.
13. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
14. *Кадырбекова П. Лингвокультурологические и лингвокогнитивные аспекты межкультурной коммуникации*: монография. Бишкек, 2012. 419 с.
15. *Сыдыкова Ч.Т. Лингвокультурная специфика речевого поведения (на материале кыргызского и русского языков)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2015.

УДК 81'1.161

У.К. Кадыркулова

КОСМИЧЕСКИЙ КОД В КЫРГЫЗСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Аннотация. В данной статье автор рассматривает космический код культуры как часть сакрального кода, который занимает особое место в мировоззрении народов. У кыргызов и русских, несмотря на различия в историческом развитии и образе жизни, имеются сходства и различия в отношении к космосу. Цель данной статьи – провести сопоставительный анализ проявлений космического кода в кыргызской и русской лингвокультурах. Автор рассматривает проявление космического кода на уровне языка, фольклора и культуры. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмыслиения глубинных связей между языком, культурой и космическим сознанием в условиях современных антропоэкологических вызовов. Сравнительный анализ позволяет выявить как универсальные, так и этноспецифические черты космизма, что способствует диалогу культур в глобализирующемся мире.

Ключевые слова: космос; код культуры; лингвокультура; тенгрианство; русский космизм; языковая картина мира.

U.K. Kadyrkulova

THE COSMIC CODE IN KYRGYZ AND RUSSIAN LINGUOCULTURES

Abstract. This article explores the cosmic code of culture as a component of the sacred code, which holds a special place in the worldview of different peoples. Among the Kyrgyz and Russians, despite differences in historical development and lifestyle, there are both similarities and distinctions in their attitudes toward the cosmos. The aim of this article is to conduct a comparative analysis of the manifestations of the cosmic code in Kyrgyz and Russian linguocultures. The author examines the expression of the cosmic code at the levels of language, folklore, and culture. The relevance of the research lies in the need to comprehend the deep interconnections between language, culture, and cosmic consciousness in the context of modern anthropoecological challenges. The comparative analysis reveals both universal and ethnospesific features of cosmism, thereby fostering intercultural dialogue in a globalizing world.

Keywords: cosmos; cultural code; linguoculture; Tengrianism; Russian cosmism; linguistic worldview.

Издавна космос является объектом пристального внимания интереса людей. Он кажется загадочным, полным неизвестных миров и галактик. Человечество мучает вопрос: существуют ли инопланетяне, иные цивилизации или мы одни во Вселенной, а если есть, то какие они?

Кыргызы и русские являются одними из древних народов, живущих на территории Евразии. В культуре этих народов с древних времен космос ассоциируется с бесконечностью, со стремлением вперед к высокому, бескрайнему. Объяснение космосу искали не только алхимики, астрологи, ученые-естествоиспытатели, но и философы и политики, простые люди. До конца неизученное, необъятное, но в то же время имеющее визуальность для каждого, манящее к себе космическое всегда притягивало людей, а небесные тела являются неиссякаемым вдохновением для духовной жизни людей, для искусства и религии.

В языковой картине мира почти всех народов встречается отражение космического мира. Космос занимает значительное место в лингвокультуре как кыргызского, так и русского народов.

Поиск объяснений непонятного на земле способствовал появлению религии, веры, что связано с самыми глубинными струнами души. Как известно, у кыргызов существует культивируемое космического божества Тенгри, который восходит корнями к V и IV векам до нашей эры. Этот культивируемый присутствует у многих тюрко-монгольских народов, представителей кочевнической цивилизации. Среди кыргызского народа в настоящее время тоже имеются сторонники признания тенгрианства. Сейчас к нему относятся как философскому мировоззрению, по которому признается культивируемый природы, выраженный через отца и матери – Тенир Ата, Умай эне. Поэтому можно говорить о космизме как феномене кыргызской лингвокультуры.

У русского народа, населявшего Евразию и имеющего другую историю, космизм также характерно наблюдается с древних времен.

Космизм как феномен лингвокультуры представляет собой сложную систему взаимосвязанных концептов, отражающих восприятие Вселенной и места человека в ней через призму языка и традиционных представлений. В кыргызской и русской культурах, несмотря на различия в историческом развитии и этнокультурных традициях, сформировались уникальные модели космического мировидения, запечатленные в языке, фольклоре, ритуальных практиках и художественных текстах.

У русского и кыргызского народов на протяжении веков сформировались уникальные системы космологических представлений, отражающие их духовные ценности, мифологию и связь с природой. Эти представления, закодированные в фольклоре, обрядах, астрономических знаниях и религиозных верованиях, составляют своеобразный «космический код» культуры.

Как известно, в современной лингвокультурологии коды культуры являются инструментом изучения и восстановления этнокультурных особенностей народов, помогая выявлять глубинные национально-специфические и универсальные особенности. Давая определения понятию «коды культуры», многие ученые акцентируют

внимание на связи данного понятия с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями о мире [1].

Так, В.А. Маслова считает, что сознание человека неоднородно: помимо логических структур, в нем присутствуют так называемые пралогические (архетипические) структуры, которые имеют такие особенности, как крайнюю эмоциональную интенсивность и момент переживания. В связи с этим она определяет культурный код как совокупность универсальных и национально-специфичных явлений, формирующую национальную картину мира [2, 4].

В.В. Красных в своих работах также отмечает, что коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека, подчеркивая, что по своей природе они универсальны, но их проявление в конкретной культуре всегда национально детерминировано и обусловлено определенной культурой [3, с. 298]. Данное утверждение имеет важное значение для обоснования нашего мнения о том, что космонимы обладают определенными универсальными чертами, вместе с тем информация, заключенная в их внутренней форме и семантической структуре, национально детерминирована [1, с. 399]. Как известно, В.В. Красных выделила шесть основных кодов [4; 5]. Духовный код «пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру» [3, с. 308]. Духовный код имеет базовые компоненты, среди которых можно выделить космический и религиозный коды культуры.

Данный список не окончательный. Космический код мы считаем частью сакрального кода, так как проводится связь с самым сокровенным, духовным кодом культуры. В данном сопоставлении выявляем сходства и специфику проявления данного кода. Сопоставление проводится на уровне проявления космизма в фольклоре, языке и культуре.

Для кочевых кыргызов небо (Тенгри) было верховным божеством, а звезды и планеты – ориентирами в физическом и духовном пространстве.

В кыргызской культуре космонимы наблюдаются на многих уровнях: в фольклоре, в языке, в культуре и т. д.

Эпос «Манас» называют энциклопедией жизни кыргызов, он считается вершиной духовной культуры кыргызов, в нем отражаются история, мечты и чаяния народа, также он является не просто словарем, содержащим богатый лексический запас, но лингвокультурологическим путеводителем, отражающим языковую картину мира кыргызов. Так, в эпосе «Манас» мы видим строки, характеризующие самого Манаса:

*Алтын менен күмүштүн
Ширөөсүнөн бүткөндөй,
Асман менен Жерىңдин
Тирөөсүнөн бүткөндөй,
Айың менен Күнүңдүн
Бир өзүнөн бүткөндөй.*

В строках встречаются космонимы *Асман* (*Небо*), *Күн* (*солнце*), *Жер* (*Земля*), которые употреблены для гиперболизации в метафоричной форме. Но именно космонимы применены для выражения мести кыргызского богатыря.

Также в произведении дается представление о Вселенной, трех мирах (Нижний, Средний и Верхний). В эпосе «Манас» встречаются очень много космонимов, в которых понятия *Аалам*, *Асман* представляют космос, Вселенную. Представлена мысль о том, что существует большое количество миров, что не исключает жизни на других из них *алтымыши миң аалам* (шестьдесят тысяч миров), в другом месте, когда говорится о нашем большом мире, применяется числительное *он сегиз миң Аалам* (*восемнадцать тысяч миров*):

*Он сегиз миң ааламды
Сындал турган кезимде,
Калдайган шаардын баарысын
Камап турган кезимде,
Мында өлбөй не болдум* («Чоң казат»).

В великом эпосе «Манас» и других народных сказаниях небесные явления часто служат знамениями. Герои обращаются к небу, Луне, Солнцу, небесным телам, звездам за помощью, а кометы и затмения воспринимаются как предзнаменования великих событий.

Например, рождение Манаса сопровождалось небесными знаками, подчеркивая его божественное предназначение.

В эпосе в большом количестве представлены космонимы, наглядно демонстрирующие отношение кыргызов к космосу: *Ай* (Луна), *Күн* (Солнце), *Жер* (Земля), *Жылдыз* (Звезда), *Аалам* (Вселенная), *Тенир* (Создатель), *Көк аалам* (Синее небо), *Асман* (в значении небеса, Вселенная), фразеологизмы: *жылдызы оң* экен, *жылдызы түшүп* (в значении сопутствует удача), *Асмандан түшкөн* (в значении о необычности) и т. д. Активное употребление космической лексики свидетельствует о древности кыргызской цивилизации, в которой присутствуют элементы шаманизма (поклонения различным культурам: вода, небо, ночь, ветер и т. д.), зороастризма *Жараткан* (единый Создатель), а также как определяют в современном мире тенгрианство – *Көк Тенцир* (Синее небо), *Тенир Ата* (Праородитель или Создатель небес). А.Н. Сыдыков считает, что тенгрианство является корневым понятием в мировоззрении кыргызов, называя его «народной верой», отмечает: «Тенцир – это Космический разум, творящий и моделирующий по определенному плану...» [6, с. 19; 7]. Целый ряд сакрально-магических практик сохраняют элементы в культуре, обычаях и традициях кыргызов и сегодня [8]. Например, *мазар* (святое место, где поклоняются духам, при посещении таких мест обычно дерево становится объектом святыни, на которое привязывают ленточки, проговаривая заклинания,) *Бүбү – бакиши*, которые заклинаниями могут вылечить любые недуги. Как отмечает Н.А. Маничкин: «Очевидно, что основой большинства духовно-магических обрядов кыргызов остается шаманизм и характерные для него представления о различных духах». Наиболее распространенными ученый выделяет «благословения (бата), экстатические моления (зикир), молитвы и заклинания (дуба)» [9, с. 19]. В тенгрианстве Тенгри – это не просто бог, а воплощение бесконечного космоса, символ вечного порядка и справедливости. Небо считалось чистым, недостижимым и всевидящим, а звезды и солнце – его «глазами».

При рассмотрении космонимов на уровне языка в современном кыргызском языке встречается большое количество фразеологизмов, содержащих космические компоненты:

Ааламдан ашкан (в значении лучший из лучших), *айга колу жеткенде, айдан түшкөндөй, ай баткандай болуу* (в значении сильно переживать из-за чего-либо, поникнуть), *Ай десе – аркы жоск, Күн десе – көркү жоск* (в значении несравненная красота, краше Луны и Солнца), *жылдызы жерге түшүү* (в значении огорчиться, поникнуть), *жылдызы карши* (в значении нетерпимость к кому-либо), *көктөн издегени жерден табылуу* (в значении быстро найти то, что искал), *күндүн көзү көрүнгөндө* (в значении когда потеплеет, когда наступят лучшие времена) и др.

Употребление космонимов на уровне культуры ярко наблюдается в обычаях и традициях. Одним из них является благословение (*бата*). *Жаан менен жер көгөрөт, бата менен жер көгөрөт* гласит народная пословица. Получение благословения от старших, родителей, народа имеет особо сакральное значение.

Кыргызы, как и многие кочевые народы, испокон веков жили в тесной гармонии с природой, а потому небо, космос занимали особое место в их мировоззрении. В отличие от оседлых культур, где главным было земледелие, у кочевников небо служило и компасом, и календарем, и даже священным пространством, где обитают духи предков и божества. К примеру, *жылдыз толгондо* – наступление ночи, *Чолпон жылдыз чыкканда* (появление первой звезды, т. е. наступление темноты, прекращение поста в месяц Рамазан), *Ай толгондо* (полнолуние – время перемены месяцев), *Күн чокуга келгенде* (полдень) и т. д. Астрономические знания передавались из поколения в поколение: по звездам определяли время перекочевок, предсказывали погоду, находили путь в степи. Например, Полярная звезда («Темир казык» – «Железный кол») была главным ориентиром для путников.

Таким образом, для кыргызской лингвокультуры характерен тенгрианский космизм, где ключевыми являются лексемы *Тенгри* (Небо–Бог), *Көк* (синева неба как священный цвет), *Аалам* (Вселенная), *Жылдыз* (звезда как символ судьбы, успеха и указатель времени), *Ай* (Луна как единица времени и измеритель красоты) и другие, нашедшие отражение во фразеологизмах, в пословицах, эпосе «Манас» и других фольклорных произведениях, а также имеющие

место в современной культуре кыргызов. И сегодня кыргызы ориентируются по звездам и лунным фазам.

Стремление познать космос характеризует кыргызскую специфику стремления вперед, к совершенству, к высокому, к чистоте. Стремление к высокому находит отражение в образах – *ак калпак* (национальный головной убор), который часто считают олицетворением высоких гор, высоких идей, бескрайностей в синем небе (*көк аалам*).

В русской традиции космизм проявляется через православно-философские и народные представления о мироздании. В русской традиции космос также воспринимался через призму мифического сознания: небесные светила ассоциировались с божественными силами, а устройство Вселенной осмыслилось в контексте православной и дохристианской картины мира.

Главной внутренней силой русского человека, способного думать о космосе и ноосфере, был внутренний поиск простора, – считает С. Иванов. «Простор и воля – вот национальные особенности, которые объясняют любовь русского человека, русский космизм опирается на культурный код» [10]. Как отмечает Яковleva: особенность заключается в том, что наименования для объектов звездного неба в русской культуре создавались в период формирования до-классовых и раннеклассовых обществ, в тот период, когда основным способом осмыслиения мира служило мифологическое, мифопоэтическое восприятие окружающего пространства. Соответственно, мы можем говорить о том, что космонимы явились результатом отражения данного миропонимания, основу этого понимания составляли архаичные представления о глубокой связи человека и природы, что и стало фундаментом для формирования мировосприятия с ценностно-смысловым кодом бытия [1].

Проявление космического кода в русской культуре также предлагаем рассмотреть на уровне фольклора, религии, языка и культуры.

Человек на ранних этапах своего развития пользовался мифологией для того, чтобы объяснить и понять устройство мира, в котором он живет, более того, мы можем говорить о том, что подобное

осмысление действительности было первой, начальной формой научного познания. В русском фольклоре, в сказках часто встречаются названия с космонимами: *Большая Медведица*, *Млечный Путь* и др. В известной «Сказке о Иване-царевиче, Жар-птице и Сером Волке» упоминается Солнце как источник света и силы, а также Луна и звезды, которые нередко служат ориентирами для героев в пути. Ориентирование по звездам, по фазе Луны, определение времени по расположению солнца имеет место и в сегодняшних реалиях русского народа.

Религия как неотъемлемая часть духовной культуры отражает познание мира в русской культуре. В христианстве космос воспринимается как часть Божественного творения, отражающая порядок и замысел Творца. В Библии (Книга Бытия) говорится, что Бог создал небо, землю, Солнце, Луну и звезды, установив гармоничный мир, где каждое небесное тело выполняет свою роль.

Небо в христианской традиции имеет двойное значение: с одной стороны, это физическое пространство, наполненное звездами и планетами, а с другой – символ высшей духовной реальности, где пребывает Бог. Именно поэтому выражение «Царство Небесное» не означает буквальное место в космосе, а говорит о духовном измерении, доступном праведникам.

Солнце и Луна имеют символический смысл. Солнце нередко ассоциируется с Христом как источником света и жизни, а Луна – с церковью, которая отражает этот свет. Звезды в библейском контексте могут обозначать ангелов, пророков или духовных наставников, ведущих людей к истине. Современное христианство рассматривает космос как часть Божественного замысла, познание которого через науку не противоречит вере, а, напротив, раскрывает величие Творца.

Таким образом, в христианском мировоззрении космос – это не только материальная Вселенная, но и символ духовного порядка, отражающий связь между Богом, человеком и мирозданием.

На уровне языка, во фразеологизмах, которые мы рассматриваем как закодированные послания наших предков, имеются компоненты с названием космических тел: *между небом и землей*

(в значении о состоянии неопределенности, подвешенности), *Как звезда с неба* (в значении о человеке, который выделяется среди других), *под счастливой звездой родиться* (в значении о человеке, которому везет в жизни), *звезды с неба не хватает* (в значении о человеке без выдающихся способностей), *Луна в ведре* (в значении предзнаменование перемен в погоде), *Солнце в зените* (в значении о самом расцвете чего-либо (сил, жизни, успеха), *падать, как метеорит* (в значении о внезапном и стремительном движении или падении) и мн. др.

На уровне культуры космический код проявляется в традициях и обычаях и в современной жизни русских. Связь названий небесных объектов (космонимов) с русскими народными праздниками и традициями проявляется в том, как они символизируют природные циклы и важные моменты жизни. Так, Млечный Путь тесно связан с Масленицей и Святками, олицетворяя путь к свету, обновление и духовное пробуждение. Солнце играет ключевую роль в празднике Ивана Купалы, который отмечается в период летнего солнцестояния. Традиционные обряды, такие как прыжки через костер и поиск цветущего папоротника, отражают стремление к свету, жизненной силе и плодородию. Луна в народных поверьях символизирует предзнаменования будущего, особенно во время Святок. Например, девушки гадали на суженого, всматриваясь в отражение луны в воде.

Таким образом, эти небесные объекты не просто присутствуют в русской культуре – они формируют представления о времени, судьбе и природных циклах, делая космос частью народных традиций.

В заключение можно отметить, что и в кыргызской, и в русской культурах космос глубоко проник в духовный мир, как универсальный код является частью сакрального кода культуры и связан с глубинными верами и познаниями мира. Для кыргыза и русского космос в первую очередь – это свобода, которая является главной чертой народов, а следующей сходной чертой является то, что космос для этих двух народов – это глубокая, проникновенная связь с природой. Для кыргызов космос – это не просто далекие

галактики, а часть культурного кода, связь с предками. Традиции астрономических наблюдений, мифы о звездах и современные научные достижения показывают, что небо всегда было и остается для кыргызского народа источником мудрости, вдохновения и стремления к совершенству.

Космический код культуры в русском языке представляет собой уникальное явление, отражающее глубокую связь между языковыми структурами, мифологическими представлениями и культурными архетипами. Этот кодекс не только формирует восприятие космоса как пространства, но и определяет принципы его осмысливания в десятках русских культур. Изучение кода позволяет раскрыть особенности национального мировоззрения, где космос становится не только объектом научного исследования, но и символом свободы, воли – главной спецификой русской души.

Космический код культуры в кыргызском и русском языках является многогранным явлением, отражающим как исторические, так и мифологические аспекты национального мировоззрения. Исследования в этой области позволяют углубить понимание специфики культур двух народов.

Литература

1. Яковлева С.В. Единицы кодов культуры и их роль в формировании национального культурного пространства коренных народов России: на материале космонимов // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 3. С. 398–412. Б01: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-398-412 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinitisy-kodov-kultury-i-ih-rol-v-formirovaniu-natsionalnogo-kulturnogo-prostranstva-korennyh-narodov-rossii-na-materiale>
2. Маслова В.А. Коды лингвокультуры. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018.
3. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гно-зис, 2003. С. 398.
4. Кадыркулова У.К. Сакральный код культуры в кыргызском языке / У.К. Кадыркулова, А. Арсланбекова // Язык и культура XXI века: сб. научных статей, посвященный 60-летию доктора педагогических наук, профессора Нурлан Алымкуловны Ахметовой, Бишкек, 11–12 ноября 2019 года. СПб.: Санкт-Петербургский гос. эконом. ун-т, 2019. С. 129–134. – EDN KWXVEY.

5. *Кадыркулова У.К.* Коды культуры в русском и кыргызском языках / У.К. Кадыркулова, А. Арсланбекова // Вестник Иссык-Кульского университета. 2020. № 48. С. 185–189. EDN NRIPKJ.
6. *Сыдыков А.Н.* Тенцир жалгасын или Тенгрианство: перезагрузка: сб. науч. и публиц. ст. 2-е. изд. доп. Бишкек: Мега формат, 2025. 280 с.
7. *Сыдыков А.Н.* Тенгрианство – народная вера. URL: https://vestnik_bgu@mail.ru. URL: <https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/BGUSIDIKOV2014-1.pdf>
8. *Дербишева З.К.* Концепты кыргызской лингвокультуры. Бишкек, 2012.
9. *Маничкин Н.А.* Шаманизм и духовно-магические практики киргизов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.
10. *Иванов С.* Русский культурный код и космос нашей мечты. URL: <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/russkiy-kulturnyy-kod-i-kosmos-nashey-mechty>
11. «Манас» энциклопедиясы / Мамлекеттик тил жана энциклопедия борбору. Бишкек: Кыргыз энциклопедиясынын Башкы редакциясы, 1995. 1-т. 440 б.
12. *Осмонова Ж., Абдулдаев Э., Д. Исаев, Б. Орозбаева, К. Сартбаев, А. Турсунов* (К.К. Юдахин). Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү. Фрунзе, 1980. С. 324.
13. Фразеологический словарь русского языка / сост.: Л.А. Войнова [и др.]; под ред. А.И. Молоткова. 6. изд., испр. и доп. М.: Астрель, АСТ, 2008.

УДК 81'25

A.C. Казакбаева

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК РЕАЛИЙ,
ОТРАЖАЮЩИХ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОЛОРИТ, НА ПРИМЕРЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА**

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода реалий, отражающих национальный и исторический колорит, на английский язык на примере ранних произведений Ч. Айтматова. Рассматриваются особенности, трудности и стратегии перевода с учетом культурного контекста.

Ключевые слова: перевод реалий; перевод на английский язык; исторический колорит; национальные особенности; Ч. Айтматов.

A.S. Kazakbaeva

FEATURES OF TRANSLATION INTO ENGLISH OF REALITIES REFLECTING NATIONAL AND HISTORICAL COLOR ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF CHINGIZ AITMATOV

Abstract. The article is devoted to the problem of translation of realities reflecting national and historical color into English on the example of the early works of Ch. Aitmatov. Features, difficulties and strategies of translation are considered taking into account the cultural context.

Keywords: translation of realities; translation into English; historical color; national characteristics; Ch. Aitmatov.

Процесс художественного перевода всегда сопряжен с рядом сложностей, особенно когда речь идет о передаче культурно-национальной специфики произведения. Одной из важнейших задач переводчика становится сохранение реалий – слов и выражений, обозначающих предметы, явления, традиции, характерные для определенной культуры и эпохи. Такие элементы текста несут особую смысловую и эмоциональную нагрузку, отражая национальный менталитет, историческую память и образ жизни народа.

Творчество Чингиза Айтматова, одного из крупнейших представителей кыргызской и советской литературы, является ярким примером произведений, насыщенных реалиями, отражающими не только национальные особенности кыргызского народа, но и общечеловеческие ценности. Его ранние произведения, такие как «Джамиля», «Первый учитель» и «Верблюжий глаз», отличаются глубокой укорененностью в народном быте, фольклоре и традициях, что делает их одновременно интересными и трудными для перевода.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности перевода реалий на английский язык на материале ранних произведений

Айтматова, выявить основные трудности, возникающие у переводчика, и проанализировать применяемые стратегии передачи культурного и исторического колорита оригинала.

В лингвистике реалии представляют собой слова и выражения, обозначающие объекты и явления, характерные для конкретного народа, его истории, культуры и быта. Такие реалии часто не имеют прямых эквивалентов в других языках, что требует от переводчика особого подхода [1, с. 48].

Ученые (например, В.Н. Комиссаров, С. Влахов, С. Флорин) выделяют различные категории реалий: географические, этнографические, социально-бытовые, религиозные, исторические и художественные [2, с. 102]. Выбор стратегии перевода (транслитерация, калькирование, описание или замена аналогом) определяется жанром произведения, целевой аудиторией и степенью важности реалии для художественной ценности текста.

Дополнительное обсуждение теоретических аспектов. Для передачи многоуровневой смысловой нагрузки реалий переводчик обязан учитывать не только лексическую составляющую, но и эмоциональный, культурный и даже символический контекст [3, с. 21]. Подход «сохранение с пояснением» становится предпочтительным, поскольку он сохраняет подлинность оригинала, дополняя ее описательными элементами [4, с. 83].

Ранние произведения Айтматова насыщены национальными реалиями, отражающими образ жизни кыргызского народа. В «Джамиле» автор подробно описывает традиционную одежду, обряды и семейные отношения, используя реалии вроде «айран», «камча», «той», «ката» и «капа» [5, с. 34]. Эти реалии не только обогащают повествование, но и создают неповторимую атмосферу народной души [6, с. 289].

В «Первом учителе» наблюдается столкновение традиционных укладов с новыми идеалами советской эпохи, что отражается в описании как древних обычаяев, так и реалий нового времени (например, понятия «ликбез», «коллективизация») [7, с. 59]. В «Верблюжьем глазу» реализуется тема кочевого образа жизни, где через реалии передается связь человека с природой и родовыми традициями [8, с. 41].

Перевод реалий с русского на английский требует особого внимания к сохранению оригинальной стилистики и культурного кодорита [4, с. 95].

Основные стратегии включают:

- транслитерация с пояснением: “ayran”, “a traditional fermented milk drink”;
- калькирование: “white beard” для «аксакала»;
- описание: “a small white felt tent” вместо слова «yurt»;
- замена аналогом;
- добавление комментариев [3, с. 34].

В переводе произведений Айтматова часто сохраняется оригинальное слово с кратким пояснением, что позволяет сохранить культурную идентичность текста и делает его понятным для иностранного читателя [9, с. 12].

Дополнительные замечания по стратегическим подходам.

Переводчик сталкивается с необходимостью балансировать между точностью передачи и адаптацией под целевую аудиторию. Особое внимание уделяется сохранению образности и эмоционального окраса, ведь реалии в произведениях Айтматова являются ключом к восприятию национального духа [10, с. 118].

Некоторые примеры перевода реалий из ранних произведений:

1. «Джамиля» – «той» передано как “the *toi*, a traditional village celebration” [9, с. 27].
2. «Первый учитель» – «камча» как “*kamcha*, a traditional leather whip” [9, с. 41].
3. «Верблюжий глаз» – «жылуу» как “a nomad, living in a traditional felt tent” [9, с. 56].

Каждый из этих примеров показывает, как реалии могут сохраняться при помощи пояснений, описаний или транслитерации.

Основные трудности:

- отсутствие прямых эквивалентов;
- культурная дистанция;
- многозначность терминов.

Стратегии преодоления:

- сохранение оригинала с пояснением;

- описание через аналогичные понятия;
- использование комментариев и примечаний.

Важно отметить, что перевод реалий – это не только техническая задача, но и творческий процесс, в ходе которого переводчик становится своего рода культурным посредником. От правильного выбора стратегии зависит, насколько успешно будут переданы атмосфера и эстетика оригинального произведения [2, с. 143].

Перевод реалий, отражающих национальный и исторический колорит, представляет собой сложную, но крайне важную задачу. Произведения Чингиза Айтматова, насыщенные этническими, культурными и историческими реалиями, требуют от переводчика глубокого понимания исходной культуры и тщательного выбора стратегий перевода.

Анализ примеров из «Джамили», «Первого учителя» и «Верблюжьего глаза» показывает, что успешный перевод реалий является не просто передачей текста, но и сохранением духа народа, его традиций и исторической памяти.

Таким образом, качественный перевод реалий – это синтез лингвистической точности, культурного понимания и творческого подхода, что делает его важной частью современной переводческой практики.

Литература

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Наука, 1980.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1973.
3. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. London: Routledge, 1992.
4. Newmark P.A. Textbook of Translation. New York: Prentice Hall, 1988.
5. Айтматов Ч.Т. Джамиля. М.: Правда, 1968.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1997.
7. Айтматов Ч.Т. Первый учитель. М.: Молодая гвардия, 1961.
8. Айтматов Ч.Т. Верблюжий глаз. М.: Советский писатель, 1960.
9. Риордан Дж. Jamilia. Лондон: Forest Books, 1989.
10. Тугушева Н.А. Проблемы перевода реалий в художественном тексте. М.: Вестник МГЛУ, 2015.

K.A. Kalieva, Z.I. Temirbekova, K.S. Ibraimova

**LINGUOCULTURAL ANALYSIS
OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS
RELATED TO FEMALE IMAGE
(BASED ON ENGLISH SHORT STORIES)**

Abstract. This paper explores the linguocultural representation of women in English phraseological units, focusing on how these expressions reflect societal norms and gender stereotypes in the context of short stories. It highlights the duality of linguistic portrayals of women, emphasizing both positive and negative connotations related to beauty, age, and social roles. The analysis centers on three English short stories: *A Jury of Her Peers* by Susan Glaspell, *Mother* by Grace Paley, and *The Yellow Wallpaper* by Charlotte Perkins Gilman. The study reveals how phrases like “as charming as a dream” or “faint-hearted woman” reflect cultural ideals of femininity, such as beauty and emotional fragility, while reinforcing stereotypes about women’s roles in society. Additionally, the paper examines the complexities of translating these phrases between English and Kyrgyz, noting the challenges posed by differing syntactic structures. For instance, sentence reordering and structural shifts are often necessary to preserve the meaning and cultural context in the target language. The study argues that gendered phraseological units play a crucial role in shaping cultural attitudes toward women, influencing how beauty, age, and social status are perceived and internalized. Ultimately, the paper concludes that while some expressions uphold traditional gender roles, others reflect evolving societal views on femininity and women’s identity. Understanding these linguistic patterns is key to recognizing how language both reflects and challenges gender norms.

Keywords: linguocultural analysis; phraseological units; gender stereotypes; femininity; translation; English short stories.

К.А. Калиева, З.И. Темирбекова, К.С. Ибраимова

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ,
СВЯЗАННЫХ С ЖЕНСКИМ ОБРАЗОМ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ
КОРОТКИХ РАССКАЗОВ)**

Аннотация. В данной статье исследуется лингвокультурологическая презентация женщин в английских фразеологизмах, и как эти выражения отражают социальные нормы и гендерные стереотипы в контексте коротких рассказов. Особое внимание уделяется двойственности языковых представлений о женщинах, подчеркивающей как положительные, так и отрицательные коннотации, связанные с красотой, возрастом и социальными ролями. В основе анализа лежат три английских рассказа: *A Jury of Her Peers* (Susan Glaspell), *Mother* (Grace Paley), и *The Yellow Wallpaper* (Charlotte Perkins Gilman). Исследование показывает, как такие фразы, как «очаровательная, как мечта» или «слабонервная женщина», отражают культурные идеалы женственности, такие как красота и эмоциональная хрупкость, одновременно укрепляя стереотипы о роли женщин в обществе. Кроме того, в статье рассматриваются сложности перевода этих фраз с английского на кыргызский, выявляются проблемы, связанные с различиями в синтаксических структурах. Например, изменение порядка слов и структурные изменения часто необходимы для сохранения смысла и культурного контекста при переводе. В исследовании утверждается, что гендерные фразеологизмы играют ключевую роль в формировании культурных представлений о женщинах, влияя на восприятие и усвоение таких понятий, как *красота, возраст и социальный статус*. В заключение в статье делается вывод, что, несмотря на то что некоторые выражения поддерживают традиционные гендерные роли, другие отражают меняющиеся взгляды общества на женственность и женскую идентичность. Понимание этих языковых моделей является важным для осознания того, как язык отражает гендерные нормы.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ; фразеологизмы; гендерные стереотипы; фемининность; перевод; английские рассказы.

Gender and Language: Theoretical Foundations

The study of gender-specific phraseological units is closely tied to the broader field of linguocultural studies, which examines how language both reflects and shapes cultural norms and societal values. The linguistic representation of gender, particularly as it pertains to women, has been extensively analyzed in phraseology, sociolinguistics, and feminist linguistics. Researchers in these fields argue that language serves as a mechanism through which gender roles, stereotypes, and power dynamics are reinforced and perpetuated [1, p. 67; 2; 3]. This section reviews the key theoretical and empirical contributions to the understanding of gendered phraseological units in the English language, focusing on their role in constructing and transmitting gender stereotypes.

Scholars such as Robin Lakoff (1975) and Deborah Tannen (1990) have emphasized the role of language in shaping gender perceptions [2; 3]. Lakoff's pioneering work highlighted the ways in which linguistic structures encode social attitudes toward women, including their perceived submissiveness and emotionality. Tannen's studies on gendered communication further reinforced the idea that language use is deeply rooted in societal expectations of masculinity and femininity [2].

Phraseological units, as part of the lexicon, play a crucial role in encoding cultural attitudes toward gender. According to Lakoff (1975), idiomatic expressions and fixed phrases serve as a linguistic repository of cultural stereotypes, often reflecting long-standing societal norms [2]. These phraseological units contribute to shaping public consciousness by embedding implicit evaluations of gendered behavior, appearance, and social roles.

Phraseological units related to women often contain both positive and negative connotations, which reflect cultural attitudes toward femininity. Many studies (Baker, 2010) have categorized gendered phraseological units into various thematic groups, such as physical appearance, emotional traits, and social roles [1; 2]. The frequent association of women with beauty, youth, and fragility in phraseology reinforces traditional gender stereotypes.

The conceptualization of beauty as a defining trait of femininity has deep historical roots in English culture. Studies (Mills, 1995) have noted the prevalence of phraseological units that idealize feminine

beauty [7, p. 15]. Expressions such as “a glamour girl” and “to have rosy skin” exemplify the tendency to associate women with aesthetic appeal. These phraseological units convey a predominantly positive image but simultaneously reinforce the expectation that women’s value is tied to their physical attractiveness.

At the same time, negative or diminishing expressions also exist. The idealization of beauty can lead to a rigid standard that excludes women who do not conform. The binary perception of beauty is evident in expressions that contrast youthful attractiveness with aging, where growing older is often framed in negative terms (e.g., “an old trout”). This dichotomy reflects societal anxieties about aging and the diminishing social status of older women [6, p. 65].

The discussion of a woman’s age in English phraseology reveals underlying cultural attitudes about femininity and aging. Studies by Tannen (1990) and Coates (2015) indicate that while men’s aging is often linked to wisdom and experience, women’s aging is frequently associated with decline and loss of desirability [8; 4, p. 34]. Phraseological units such as “a dolly bird” and “a bachelor girl” present youth as an asset, while terms like “an old trout” reinforce negative stereotypes about aging women [7]. This pattern aligns with the broader concept of “gendered ageism,” a phenomenon in which women face societal pressure to maintain youthfulness, often at the expense of other attributes [9]. The phraseological evidence further demonstrates how language encapsulates and transmits such cultural values, making it a key area of interest for linguocultural analysis.

The presence of gender-marked phraseological units in English has significant implications for the perception of women in society. According to Weatherall (2002), these linguistic patterns contribute to shaping ideologies that define acceptable behaviors and roles for women [9]. Feminist linguistic studies argue that such phraseological units perpetuate power imbalances by reinforcing traditional gender roles [3]. In recent years, there has been an increasing shift toward linguistic inclusivity and efforts to challenge outdated stereotypes embedded in language [5]. However, many gendered phraseological units remain deeply ingrained in everyday communication, indicating the persistence of traditional gender ideologies in linguistic.

The study of gender-specific phraseological units involves analyzing a particular collection of cultural traits that shape the social conduct of men and women, as well as their relationships. These traits contribute to the creation, validation, and perpetuation of ideas about masculinity and femininity as social constructs. Although gender is not a linguistic category in itself, examining how language structures convey ideas about sex can reveal the underlying essence of gender.

There are various negatively and positively gender-marked phraseological units and interpretations of how societal roles between men and women are determined, whether based on biology or social factors. These interpretations are commonly referred to as gender stereotypes. The term “stereotype” refers to a fixed mental image or perception of a particular aspect of reality, based on typical fragments of the real world that have been internalized in a person’s consciousness. Gender stereotypes encompass cultural and social beliefs about the qualities, characteristics, and behavioral norms associated with each sex and are reflected in language. These stereotypes can significantly influence individuals, shaping their perception of the world beyond their immediate social, geographic, and political context. The study of gender-specific phraseological units in English examines concepts unique to English national culture and reflects specific characteristics of English society. The gender stereotypes associated with women in the English language and culture include various designations such as woman, girl, old woman, mother, daughter, wife, mother-in-law, grandmother, granddaughter, niece, and aunt.

The representation of women’s beauty in English language and culture has varied over time and across different societies. In early English literature, beauty was often described in terms of physical features such as fair skin, golden hair, and delicate features. Women who possessed these qualities were often seen as desirable and virtuous, while those who did not were viewed as less attractive or even morally suspect. Over time, the concept of beauty has evolved to encompass a broader range of physical features, including different skin tones, body types, and facial features. Today, beauty is often celebrated as a diverse and inclusive concept, with different cultures and traditions influencing the way physical attractiveness is perceived and valued.

In linguistics, the representation of women's beauty is reflected in how language is used to describe physical attributes. For example, the English language includes many adjectives and descriptive phrases used to depict physical beauty, such as "lovely," "stunning," and "radiant." These words can describe a wide range of physical attributes, from a person's facial features to their overall appearance. However, the way these words are used can also reflect cultural attitudes toward beauty and gender. For example, certain words or phrases may be more commonly used to describe women's beauty than men's, and some may carry gendered connotations that reinforce traditional gender roles or stereotypes.

Within the feminine linguistic consciousness, the concept of beauty is considered a defining attribute of women, which they strive to attain. This notion is supported by numerous phraseological units that describe women's beautiful appearance.

Table 1 – Expressions Describing Women's Beauty
in English Short Stories

Expressions	Meaning	Marking
<i>to have rosy skin</i>	Having a pinkish, healthy-looking complexion; marked by blushes	Positive
<i>a slick chick</i>	A good-looking, well-groomed girl	Positive
<i>to have roses in one's cheeks</i>	To have rosy cheeks	Positive
<i>a glamour girl</i>	A beautiful woman	Positive

In many cultures, including English-speaking ones, a woman's age is often considered a personal and sensitive topic. It is generally regarded as impolite to ask a woman her age, particularly if she is an adult. This belief stems from the notion that a woman's age is a private matter and that inquiring about it may be intrusive or rude. However, this cultural attitude toward women's age is not universal and may vary in different contexts. In some cultures, discussing a woman's age is common or even considered a point of pride, while in others, it may be of little significance. Attitudes toward women's age are constantly evolving, and different generations may have different perspectives on the topic. Ultimately,

it is important to be respectful and considerate when discussing age, regardless of cultural norms. Moreover, various phraseological units are used to describe women's age indirectly.

Table 2 – Expressions Demonstrating Women's Age in English Short Stories

Expressions	Meaning	Marking
<i>an old trout</i>	An annoying or bad-tempered old woman	Negative
<i>a dolly bird</i>	A young, naive girl	Positive
<i>a bachelor girl</i>	An unmarried woman, especially a young one, who supports herself and lives alone	Positive
<i>a bit of fluff</i>	An attractive young woman, especially a companion or sexual partner to whom one is not seriously committed	Negative

The study of gender-specific phraseological units in English provides insights into how language reflects and perpetuates cultural and social perceptions of women. These expressions reinforce societal norms and expectations regarding women's beauty and age, shaping attitudes and behaviors over time. Understanding such linguistic representations allows for a deeper exploration of gender roles and stereotypes in language and culture.

The linguocultural analysis of phraseological units related to the female image It reveals how linguistic expressions reflect cultural stereotypes and gender roles. English phraseological units associated with women based on three short stories: *A Jury of Her Peers* by Susan Glaspell [11], *Mother* by Grace Paley [12] and *The Yellow Wallpaper* by Charlotte Perkins Gilman [10], identify that, phraseology emphasizes traditional notions of female beauty and social status. For instance, the expression “as charming as a dream” reflects the cultural ideal of female attractiveness, which, in turn, influences the protagonist's fate. This confirms the idea that a woman's appearance and its perception by society play a crucial role in her life [10].

A Jury of Her Peers focuses on female solidarity and the understanding of unspoken meanings. For example, the phraseological unit “to be in hot

water” is used in the context of how women recognize the suffering of the protagonist, highlighting the cultural conditioning of female experience and the perception of social norms [11].

The Yellow Wallpaper demonstrates the influence of language on the perception of women in society, particularly through expressions emphasizing female fragility. For instance, the phrase “faint-hearted woman” conveys the paternalistic attitude toward the protagonist, reinforcing the stereotype of female emotional instability, which becomes a key element of the narrative [10]. Thus, the analysis of phraseological units in these literary works reveals how language captures cultural attitudes toward women and how these attitudes are transmitted in literary texts.

The linguocultural representation of gender through English phraseological units related to the female image, with a focus on how these units reflect societal attitudes toward women. The analysis extends to translation complexities, particularly between English and Kyrgyz, addressing grammatical transformations and sentence structures. English and Kyrgyz have distinct syntactic norms, requiring translators to adapt word order, sentence structure, and parts of speech in order to preserve meaning. For instance, in the sentence “*I have often longed to see my mother in the doorway*” [12], the English sentence follows a strict subject-predicate-object word order, while a Kyrgyz translation would prioritize logical stress, resulting in the sentence “Мен апакемди босогодон көрүүгө зар болуп жүрөм,” where the object “апакемди” (my mother) appears first [12]. Similarly, in the translation of passive constructions or syntactic complexities such as infinitives or gerunds, structural shifts are required to match the syntactic norms of the target language [13]. For example, the passive construction “She was told to leave” might require reordering in Kyrgyz, as passive forms are less common in Kyrgyz than in English, often leading to a more direct or active phrasing in translation. These examples demonstrate how the syntactic and grammatical differences between English and Kyrgyz impact the translation process and contribute to the representation of gender through language.

Conclusion

The analysis of gender-specific phraseological units based on English short stories reveals how language both reflects and reinforces cultural

perceptions of femininity. These phraseological expressions, whether positive or negative, offer valuable insights into societal attitudes toward women's beauty, age, and roles. The concept of beauty, often central to feminine linguistic consciousness, is emphasized through expressions that highlight physical appearance. Likewise, the linguistic representation of women's age reflects a cultural sensitivity shaped by societal norms and expectations. These phraseological units act as linguistic markers of gender stereotypes, influencing how individuals perceive and internalize cultural attitudes. While some expressions uphold traditional gender roles, others reflect shifting perspectives on women's identity and status. Understanding these linguistic patterns is crucial for recognizing how language both preserves and challenges gender norms. As societal views on gender evolve, the language used to describe women is likely to shift as well, mirroring broader cultural changes in perceptions of femininity and womanhood. In *A Jury of Her Peers*, the phraseological unit "to be in hot water" illustrates female solidarity and the understanding of unspoken meanings. This expression is used to emphasize how women intuitively recognize the suffering of the protagonist, underscoring the cultural conditioning of the female experience and the influence of social norms. Similarly, in *The Yellow Wallpaper*, the phrase "faint-hearted woman" conveys a paternalistic attitude toward the protagonist, reinforcing the stereotype of female emotional instability, a key element of the narrative.

References

1. *Baker Paul*. Gender-based Texts: Language and Gender. Equinox, 2008.
2. *Lakoff Robin*. Language and Woman's Place. Harper & Row, 1975.
3. *Cameron Deborah*. Feminism and Linguistic Theory. Palgrave Macmillan, 1992.
4. *Coates Jennifer*. Women, Men and Language: A Sociolinguistic Account of Gender Differences in Language. Routledge, 2015.
5. *Eckert Penelope, and Sally McConnell-Ginet*. Language and Gender. Cambridge UP, 2013.
6. *Goddard Angela, and Lindsey Mean*. Language and Gender. Routledge, 2008.
7. *Mills Sara*. Language and Sexism. Cambridge UP, 2008.

8. *Tannen Deborah*. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. William Morrow, 1990.
9. *Weatherall, Ann. Gender*. Language and Discourse. Routledge, 2002.
10. *Gilman, Charlotte Perkins*. The Yellow Wallpaper. The New England Magazine, 1892.
11. *Glaspell Susan*. A Jury of Her Peers. Ed. English Short Stories, 2000.
12. *Paley Grace*. "Mother." The Collected Stories of Grace Paley, Farrar, Straus and Giroux, 1952.
13. *Nida, Eugene A*. Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. Brill, 1964.

УДК 82-13+821.512.145+821.353

М.И. Лазариди

ОТ РУСТАВЕЛИ К ОСМОНОВУ – ЧЕРЕЗ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Аннотация. Статья посвящена поэтическому шедевру гениального грузинского поэта XII века Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре»; размышлениям об удивительной жизни и судьбе великого человека, философа, грузинского Сократа, научившего родной народ жить по законам добродетели; переводу поэмы на кыргызский язык молодым талантливым поэтом А. Осмоновым, а также размышлению над тем, что послужило основой для сравнения творчества и поэтических судеб поэтов, которых так сильно разделяют пространство и время. Читатель и слушатель поэмы знакомятся с текстом шедевра и часто, к удивлению своему, начинают понимать, что шедевр Руставели не так просто входит в число самых известных книг человечества. Испытываешь чувство гедонизма от льющихся строк шаири, стихотворного размера, которым написана поэма, от гармоничного союза формы и смысла всего пространства произведения, его железной логики, чеканных афоризмов, которые входят в твою жизнь навсегда и не дают тебе сбиться с пути добра, любви, ибо, как считает Руставели, любить – это когда ты отдаешь свое сердце взамен на сердце (друга) и любовь служит мостом и дорогой между вами. Все в жизни поэта – легенда. Место рождения, национальность (месх), его неразделенная любовь к царице Тамаре, поиски места последнего упокоения, его фресковый портрет в одном из храмов Иерусалима... И прекрасный цветок

поэзии, оставленный человечеству как подарок Руставели для вечного поклонения и наслаждения. Имя переводчика поэмы на кыргызский язык поэта Алыкула Осмонова, человека с нежным сердцем, как у С. Есенина, прожившего, как Моцарт, всего тридцать пять лет, естественно, не так известно, как Руставели. Удивительна судьба поэта! Кто бы мог подумать, что сельский мальчик-сирота, безродный, очень больной, переживший так много трагедий в жизни, не обладающий ни одним из признаков земного благополучия, станет поэтическим, духовным символом страны, любимейшим поэтом! У входа в Национальную библиотеку Кыргызстана стоит именно его бюст! А. Осмонов – талантливый поэт, полюбивший поэму «Витязь в тигровой шкуре» с такой силой, что он вложил всю душу в переложение, с сотворение кыргызского аналога поэмы, недаром в стране детей называют Автандилами и Нурадинами, Нестан и Асмат, влюбленные, объясняются строками из «Витязя...», а перевод стал явлением национальной литературы. К пяти полным переводам поэмы на русский язык прибавился и занял достойное место перевод на кыргызский язык, обогатив большую семью тюркских языков гением Руставели.

Ключевые слова: Руставели; поэма; Витязь в тигровой шкуре; добродетель; шедевр; Осмонов; перевод.

M.I. Lazaridi

FROM RUSTAVELI TO OSMONOV – THROUGH SPACE AND TIME

Abstract. The article is devoted to the poetic masterpiece of the brilliant Georgian poet of the twelfth year Sh. Rustaveli “The Knight in the Panther’s Skin”; reflections on the amazing life and fate of the great man, philosopher, Georgian Socrates, who taught his native people to live according to the laws of virtue, the translation of the poem into the Kyrgyz language by the young talented poet A. Osmonov, as well as reflections on what served as the basis for comparing the creativity and poetic destinies of poets who are so strongly separated by space and time. The reader and listener of the poem gets acquainted with the text of the masterpiece and often, to his surprise, begins to understand that Rustaveli’s masterpiece is not so simply included in the number of the most beloved books of mankind. You feel a sense of hedonism from the flowing lines of shairi, the poetic meter in which the poem is written, from the harmonious union of form and meaning of the entire space of the work, its iron logic, minted aphorisms that enter your life forever and do not let you stray from the path of

goodness, love, because, as Rustaveli believes, to love is when you give your heart in exchange for the heart (of a friend), and love serves as a bridge and a road between you. Everything in the life of the poet is a legend. Place of birth, nationality (meskh), his unrequited love for Queen Tamara, the search for the final resting place, his fresco portrait in one of the temples of Jerusalem... And the beautiful flower of poetry, left to humanity as a gift from Rustaveli for eternal worship and enjoyment. The name of the translator of the poem into the Kyrgyz language, the poet Alykul Osmonov, a man with a tender heart, like S. Yesenin, who lived, like Mozart, only thirty-five years, is naturally not as well known as Rustaveli. The fate of the poet is amazing! Who would have thought that a rural orphan boy, rootless, very sick – tuberculosis took him to the grave, who experienced so many tragedies in life, who did not have any of the signs of earthly well-being – would become a poetic, spiritual symbol of the country, the most beloved poet! His bust stands near the national library of the country! A. Osmonov is a talented poet who fell in love with the poem “The Knight in the Panther’s Skin” with such force that he put his whole soul into the translation, the creation of the Kyrgyz analogue of the poem, it is not for nothing that in the country children are called Avtandil and Nuradim, Nestan and Asmat, lovers explain themselves with lines from “The Knight...”, and the translation became a phenomenon of national literature. To the five complete translations of the poem into Russian, a translation into the Kyrgyz language was added and took its rightful place, enriching the large family of Turkic languages with the genius of Rustaveli.

Keywords: Rustaveli; poem; The Knight in the Panther’s Skin; virtue; masterpiece; Osmonov; translation.

Достоверных событий о Шота Руставели (груз. შოთა რუსთაველი) не так много. Дело не только в том, что гениальный поэт, автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре», родился в XII веке (около 1160 г. – после 1220 г.); учитывая масштаб личности, нетрудно предположить наличие большого количества легенд, которые связаны с именем поэта. Не до конца решенным вопросом является даже место рождения и смерти поэта.

Известно, что поэт был придворным царицы Тамары, исторической личности, при которой могущество Грузии достигло наивысшего расцвета; но она также была легендарной личностью, несравненным символом красоты. В памяти народов эти две личности связаны неразрывно.

Руставели был хранителем казны царицы Тамары. Учился в Греции, в Афинах, был знаком с поэмами Гомера и философией Платона; знал греческий язык, но также был хорошо знаком с восточной культурой, персидской и арабской литературой. Для понимания гения поэта эти обстоятельства очень важны, недаром главным советником царя Аравии был Сократ, а имя его – Ростеван, Рустав в персидской литературе.

Руставели посвятил себя литературной деятельности. Из-под его пера вышла поэма «Витязь в тигровой шкуре» – богатство и гордость мировой литературы, олицетворение грузинской письменности, этический шедевр, нравственный ориентир, который определяет жизненный путь добродетельного человека.

Как определить, насколько ценен перевод и насколько он соответствует оригиналу? Предлагается ввести в текст статьи, кроме оригинала поэмы и перевода первых восьми строф А. Осмонова, перевод на русский язык Ш. Нуцубидзе, а также подстрочник с кыргызского языка для установления смыслового соответствия отрывков.

Текст оригинала [1]:

Зეფხისტყაოსანი: ამბავი როსტევან არაბთა მეფისა

32 იყო არაბეთს როსტევან, მეფე ღმრთისაგან სვიანი,
მაღალი, უხვი, მდაბალი, ლაშქარ-მრავალი, უმიანი.
მოსამართლე და მოწყალე, მორჭმული, განგებიანი,
თვით მეომარი უებრო, კვლა მოუბარი წყლიანი.

33 სხვა ძე არ ესვა მეფესა, მართ თდენ მარტო ასული,
სოფლისა მნათი მნათობი, მზისაცა დასთა დასული;
მან მისთა მჭვრეტთა წაუღის გული, გონება და სული,
ბრძენი ხამს მისად მაქებრად და ენა ბევრად ასული.

34 მისი სახელი - თინათინ, არს ესე საცოდნარია!
რა გაიზარდა, გაივსო, მზე მისგან საწუნარია.
მეფემან იხმნა ვაზიორნი, თვით ზის ლალი და წყნარია,
გვერდსა დაისხნა, დაუწყო მათ ამო საუბნარია.

35 უბრძანა: “გკითხავ საქმესა, ერთგან სასაუბნაროსა: რა ვარდმან მისი ყვავილი გაახმოს, დაამჭნაროსა, იგი წავა და სხვა მოვა ტურფასა საბაღნაროსა; მზეჩაგვისვენდა, ბნელსა ვსჭვრეტთ ღამესა ჩვენ უმთვაროსა.

36 “მე გარდასრულვარ, სიბერე მჭირს, ჭირთა უფრო მნელია, დღეს არა, ხვალე მოვკვდები, სოფელი ასრე მქმნელია; რაღაა იგი სინათლე, რასაცა ახლავს ბნელია?! ჩემი ძე დავსვათ ხელმწიფედ, ვისგან მზე საწუნელია”.

37 ვაზირთა ჰკადრეს: “მეფეო, რად ჰბრძანეთ თქვენი ბერობა? ვარდი თუ გახმეს, ეგრეცა გვმართებს მისივე ჯერობა: მისივე ჰმეტობს ყოველსა სული და ტურფა ფერობა. მთვარესა მცხრალსა ვარსკვლავმან ვითამცა ჰკადრა მტერობა?!”

38 “მაგას ნუ ჰბრძანებთ, მეფეო, ჯერთ ვარდი არ დაგჭნობია, თქვენი თათბირი ავიცა სხვისა ვარგისა მჯობია; ხამს განაღამცა საქმნელად, რაცა თქვენ გულსა გლობია: სჯობს და მას მიეც მეფობა, ვისგან მზე შენაფლობია.

39 “თუცა ქალია, ხელმწიფედ მართ ღმრთისა დანაბადია; არ გათხევთ, იცის მეფობა, უთქვენოდ გვითქვამს კვლა დია; შუქთა მისთაებრ საქმეცა მისი მზებრ განაცხადია. ლევი ლომისა სწორია, ძუ იყოს, თუნდა ხვადია”.

Первый сказ о Ростеване, царе арабов, начинается эпически медленно, спокойно, но заключает в себе трагическую ноту. Добротельный властитель, мудрый царь собирает визирей на совет, чтобы в ближайшее время дать ответ на мучительный вопрос: кто будет править государством, защищать его границы, оберегать народ вместо него. Он стар (идет сравнение с увядшей розой), немощен. Сына нет, есть только дочь, прекрасная Тинатин. Но она молода и неопытна. Благородные представители лучших домов Аравии утешают царя, убеждают, что роза не завяла. Но все-таки принимают трудное решение: на престол должна взойти младая Тинатин,

что прекраснее солнца. Визири давно заметили, что у нее есть способности государственного деятеля и хватит сил для управления государством.

Для того чтобы понять смысл сказанного, обратимся к переводам поэмы на русский язык. Существует пять полных поэтических переводов: (Константин Бальмонт, 1933; Пантелеимон Петренко, 1937; Георгий Цагарели, 1937; Шалва Нуцубидзе, 1937; Николай Заболоцкий, 1957). Г. Цагарели и Ш. Нуцубидзе переводили с оригинала, П. Петренко и Н. Заболоцкий работали с русскими подстрочниками, К. Бальмонт – с английским текстом поэмы. Привожу указанные восемь шаири в переводе Ш. Нуцубидзе, чей классический перевод ценю высоко [2]:

Сказание о Ростеване, царе арабов

32 Был в Аравии властитель Ростеван, судьбой взнесенный,
Благородный и доступный, мощью войска окрыленный,
Добрый, щедрый, правосудный, в управлении умудренный.
Безупречный был он витязь, красноречьем озаренный.

33 Не имел Ростан потомства, кроме дочери одной,
Лучезарной, как светило, солнцу светлому родной.
Кто ни взглянет, потеряет разум, сердце и покой.
Лишь мудрец велеречивый спел бы гимн красе такой.

34 Тинатин царевны имя – всем об этом надо знать!
Как взросла и налилася, ей бы солнце презирать.
Царь созвал совет. Величья на лице его печать.
Для торжественной беседы усадил с собою знать.

35 Он вещал: «Совет мне нужен. Вы мне все должны помочь!
Если роза вянет, возраст свой не в силах превозмочь, –
Уступает место новой, удаляясь из сада прочь.
За закатом солнца видим беспроственную мы ночь.

36 Я кончаю жизнь, а старость горше всяческой напасти.
Я умру сегодня-завтра; мир источник всех несчастий.
Что же ценнего есть в свете, коль он мрачен хоть отчасти?
Дочь моя, что краше солнца, пусть возьмет кормило власти».

37 Отвечал совет: «Про старость, царь, напрасен разговор.
Если роза и увяла, все ж она ласкает взор,
Всех других цветов прекрасней этот запах и узор.
И с ущербною луною как звезде затеять спор?

38 Царь, еще не свяла роза! Так судить вам для чего же!
Ваш совет, пусть даже строгий, лучших, но чужих, дороже:
Да исполнится решенье, что с душой паря так схоже!
Коль так лучше, пусть та правит, кто затмить и солнце может.

39 Хоть и девой, но царицей породил ее Творец.
Мы не льстим! Мы сами видим: может править, как мудрец.
Дел, ее ж лучам подобных, блещет солнечный венец.
Льва щенки равны друг другу, будь то самка иль самец».

На кыргызский язык поэму перевел Алыкул Осмонов (1905–1950). Скупые штрихи биографии: родился недалеко от столицы, в селе Каптал-Арык. Рано лишившись родителей, воспитывался в Пишпекском и Токмакском детдомах. В 1929–1933 гг. учился во Фрунзенском педтехникуме. В 1932–1936 гг. работал журналистом, а в 1937–1940 гг. – секретарем правления СП Киргизии. В дальнейшем занимался творческой работой. Умер в 35 лет от туберкулеза.

А. Осмонов писал стихи о родине, о красоте озера Иссык-Куль, о любви к женщине, о горе отца, потерявшего ребенка. Вечные темы... Но поражает то, как быстро он рос, как мужала поэзия, появлялись пленительные строки. Как старые мастера Возрождения копировали работы гениев, так и А. Осмонов переводил поэтические шедевры Шекспира, Пушкина, Лермонтова, Крылова и др. Перевод поэмы Шоты Руставели на кыргызский язык, названный «Жолборс

терисин кийген баатыр» – «Герой, одевший себя в тигровую шкуру» был опубликован в 1940 г. и был переиздан 6 раз. Приводим перевод тех же восьми строф [3]:

Араб ханы Ростеван жөнүндө баян

- 1.** Тагдыры сүйүп, таалайына бак берген,
Урматы улук миң-миң колду ээлеген.
Арабияда Ростеван деген хан болду,
Кызыл тилден жоктур буга төң келген.
Колу да ачык, айтпачы анын марттыгын,
Жүзү жаркын, өзү да жеткен эр келген.

- 2.** Кандай десем, жаркын нур го күндөгү,
Көргөндөрдүн эрип түшкөн жүрөгү.
Ростевандын жалгыз сулуу кызы бар,
Андан башка эч перзент көрбөдү.
Ай десен ай, күн десен күн, көркү бар,
Мактап аны даанышмандар айталаар.

- 3.** Мунун аты Тинатин кыз, тийген күн,
Ашыктыктын оту күндө, өзүнүн.
Айдай толуп бойго жеткен чагы эле,
Кантип айтам анын көркүн, мүчөсүн?
Бир күнү хан вазирлерин чогултуп,
Айта баштайт балдай ширин сөздөрүн:

- 4.** «Вазирлерим, чакыртканда максатым:
Кеңешиме ақылың сурайм баарыңдын.
Гүл бакчада соолуганда кызыл гүл,
Арт жагында гүлдер жайнар дагы анын,
Таалайы үчүн, чыккан күнү баткан соң
Билерсиңер түндөр өкүм аларын.

5. Мен карыдым, жашар күндү жашадым,
Бул карылык кыйын оору, чарчадым.
Мөгдөп калдым, бүгүн-эртең өлөрмүн?
Билемин го көр өз койнун ачарын.
Хандыгымды бергим келди кызыма,
Калың журтка, күндөй нурун чачарым».

6. «Таксыр, ханым, койчу, – дешти вазирлер, –
Ырас, гүл да, кызыл гүлүн түшүрөр,
Тийген айга жылдыз кастык кыла албас,
Ай женилбес, өз жолунда түз сүзөр.
Гүл соолубас, жыпар жыты сакталар,
Анын жытын сактап жүрөр көп гүлдөр.

7. Койчу, ханым, – гүлүбүз өз нурунда,
Бул кенешти күткөн жокпуз угууга.
Сиздин нурду калкалоочу ким экен,
«Карылык», – деп кайгырбаңыз сиз буга.
Жүрөгүңүз оттой жанаң албууттап
Хандыгыңыз өтсүн күндөй сулууга!

8. Шумдук болду хан коюлуп аялдан –
Дешип айтар, Кудай өзү жараткан.
Жалган эмес, байкаганбыз мурунтан
Ордуңузга күндөй сулуу болот хан...
Баатыр шери сиз болсоңуз элдердин,
Артыңызда ал да бала арстан».

Для выяснения истинного соответствия смысла перевода эпоса и его оригинала проанализируем подстрочник первой строфы перевода: «Любимый судьбой, дарующий счастье, Его величество держало тысячи рук (владело тысячным войском). В Аравии был царь Ростеван. Красноречивее, чем он, не было никого. Его руки были открыты, не говоря уже о его щедрости. Светлоликий (светлое лицо), он был человеком, который достиг зрелости».

В тексте перевода Ш. Нуцубидзе около десяти эпитетов, у А. Осмонова – около семи. Эпитеты в тексте оригинала как бы дополняют друг друга, характеризуя добродетельного человека, и они как бы равны. В кыргызском переводе можно выделить такие основные эпитеты, как красноречие и щедрость доброго человека. То есть те качества, которые жизненно важны для кочевого народа. Иначе говоря, сохраняя верность оригиналу, А. Осмонов привнес в перевод основные черты менталитета кыргызского народа. Исследование сходств и отличий оригинала и переводов эпоса «Витязя в тигровой шкуре» будет продолжено в последующих исследованиях.

Литература

1. *Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре / ��თა რუსთაველი „ველების ტყამასაბი //*(дата обращения: 25.04.2018). Архивировано: 25.04.2018.
2. *Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре / перев. с грузинского Шалва Нуцубидзе. Тбилиси, 1956.*
3. *Осмонов А. Жолборс терисин кийген баатыр // Новая литература Кыргызстана. Бишкек, 2010* (дата обращения: 27.04.2024). Архивировано: 27.04.2024.

УДК 81'27(575.2):791.43

A.C. Молдомамбетова

КОДОВЫЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ В КЫРГЫЗСКОМ КИНОДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматривается феномен кодовых переключений в кыргызском кинодискурсе, анализируются причины и функции перехода между кыргызским и русским языками в диалогах персонажей, а также их влияние на восприятие фильмов зрителями. Особое внимание уделяется социальным, культурным и коммуникативным аспектам кодовых переключений, а также их роли в отражении билингвальной реальности Кыргызстана.

Ключевые слова: кодовые переключения; кыргызский кинодискурс; билингвизм; кыргызский язык; русский язык; языковая политика.

A.S. Moldomambetova

CODE-SWITCHING IN KYRGYZ CINEMATIC DISCOURSE

Abstract. This article examines the phenomenon of code-switching in Kyrgyz cinematic discourse. It analyzes the reasons and functions of switching between Kyrgyz and Russian in character dialogues, as well as its impact on audience perception. Special attention is given to the social, cultural, and communicative aspects of code-switching and its role in reflecting the bilingual reality of Kyrgyzstan.

Keywords: code-switching; Kyrgyz cinematic discourse; bilingualism; Kyrgyz language; Russian language; language policy.

Кодовые переключения (code-switching) представляют собой лингвистический феномен, при котором говорящий переключается с одного языка на другой в пределах одного высказывания, предложения или дискурса. Согласно определению Д. Гамперца, кодовые переключения – это «стратегическое использование двух или более языков в пределах одной коммуникативной ситуации для передачи различных социальных значений» [1, с. 59].

В Кыргызстане, где кыргызский язык является государственным, а русский сохраняет статус официального языка, кодовые переключения стали неотъемлемой частью повседневной коммуникации. Как отмечают исследователи, двуязычие в Кыргызстане носит институциональный характер, что обуславливает наличие кодовых переключений в различных сферах общения кыргызстанцев, включая бизнес, образование, СМИ и кинематограф [2; 3].

Кыргызский кинодискурс отражает языковую реальность страны, передавая социальные и культурные особенности взаимодействия кыргызскоязычного и русскоязычного населения. Кодовые переключения в кино выполняют ряд важных функций: они помогают создать реалистичность диалогов, передать принадлежность персонажей к определенной социальной группе, усилить эмоциональную окраску речи, а также служат художественным приемом,

способствующим раскрытию сюжета и характеров героев [4]. Как отмечает П. Ауэр, кодовые переключения в кинематографе могут использоваться как средство усиления выразительности диалога и демонстрации двуязычной идентичности персонажей [5, с. 85].

В условиях глобализации и роста кыргызской киноиндустрии использование кодовых переключений становится еще более заметным. Цель данной статьи – проанализировать механизмы кодовых переключений в кыргызском кинодискурсе, определить их функции и влияние на восприятие зрителями. Исследование поможет лучше понять, как киноиндустрия отражает социолингвистические процессы, происходящие в стране. Для анализа в рамках данной статьи методом сплошной выборки были проанализированы 225 кинокартин, снятых в период с 2000 по 2024 год. Их количественный анализ позволил классифицировать их на следующие группы по языкам (таблица 1):

Таблица 1 – Кыргызские фильмы
в период 2000–2024 гг. по языкам

На кыргызском языке	На русском языке	На кыргызском и русском языках
110 фильмов (48 %)	37 фильмов (16 %)	78 фильмов (36 %)
Всего 225 кинокартин		

Как показал анализ, большинство фильмов из выборки сняты на кыргызском языке (48 %); с небольшим отрывом всего в 12 % следует группа фильмов, снятых на русском и кыргызском, а, собственно, русскоязычные фильмы составили 16 %. Однако, несмотря на выбор основного языка игры актеров, практически во всех кинокартинах в большей или меньшей степени присутствует явление кодового переключения как с кыргызского на русский язык, так и наоборот. Иначе говоря, в кыргызском кинодискурсе встречаются все типы кодовых переключений, выделяемые в лингвистике [1, с. 62], а именно:

- **внутрипредложные** (intrasentential) – смена языков внутри одного предложения (*«Мурун, когда мне папа говорил, мен*

түшүнчү эмесмин» из к/ф «Да+Фа» (2013); «Надо будет – баш-карам!» из к/ф «Султан Сулайман» (2015) и др.;

- **межпредложные** (intersentential) – переключение между предложениями (*«Кыргызстандын природасы кандай сонун! Смотрите, какая красота!»* из к/ф «Быйыл сөзсүз күйөөгө тилем 2» (2012); *«Че там? Канча керек экен?»* из к/ф «Өкүл ата» (2024) и др.);
- **теговые** (tag-switching) – вставка отдельных слов или фраз на другом языке (*«Бакыт, мындаи шанс бир кетет, бир келет, карман ал»* из к/ф «Көк салкын» (2011); *«Красавчик, досум, красавчик! Заранее куттуктабай турайын»* из к/ф «Разбой» (2023) и др.).

Широкое распространение кодовых переключений в кыргызском кинодискурсе, на наш взгляд, является не просто языковым феноменом, но и отражением глубинных социолингвистических процессов, характерных для билингвального общества Кыргызстана. Оно демонстрирует не только функциональное сосуществование кыргызского и русского языков, но и динамику их взаимодействия в различных коммуникативных ситуациях, обусловленную историческими, культурными и социально-экономическими факторами.

Кроме того, в кыргызском кинематографе кодовые переключения стали использоваться как художественный метод выразительности, позволяющий не только придать диалогам естественность, но и подчеркнуть социальные, культурные и психологические характеристики персонажей. Их использование обусловлено несколькими ключевыми факторами:

Социальное положение персонажей. Русскоязычные вставки чаще встречаются в речи представителей городской интеллигенции и бизнес-среды, тогда как сельские жители преимущественно говорят на кыргызском языке. Это отражает реальную языковую ситуацию в обществе, где уровень владения русским языком часто коррелирует с социальным статусом и уровнем образования.

Возрастные различия. Молодежь нередко использует смешанную речь, сочетая кыргызские и русские элементы, что связано

с влиянием цифровой среды, массовой культуры и глобализационных процессов. Старшее поколение, напротив, демонстрирует более традиционный подход к использованию языков, отдавая предпочтение монолингвальной речи в зависимости от родного языка.

Ситуационные контексты. В официальной обстановке (деловые переговоры, образовательная деятельность, судебный процесс и др.) преобладает русский язык, тогда как в семейных и дружеских беседах чаще доминирует кыргызский. В кинодискурсе эта закономерность находит отражение в построении диалогов, где персонажи переключаются между языками в зависимости от темы, адресата и социального контекста.

В этом контексте предпринятый нами анализ кыргызского кинодискурса позволил определить, что в них кодовые переключения выполняют несколько ключевых функций, каждая из которых вносит свой вклад в формирование художественного образа фильма и восприятие зрителями:

- 1) **реалистическая функция** – передача живой, естественной речи героев, что делает диалоги более аутентичными и убедительными;
- 2) **идентификационная функция** – демонстрация социальной принадлежности и этнокультурной идентичности персонажей, подчеркивающая их происхождение, уровень образования и стиль жизни;
- 3) **экспрессивная функция** – усиление эмоциональной окраски высказываний, где смена языка может сигнализировать о смене настроения, напряженности или значимости происходящего;
- 4) **юмористическая функция** – использование языкового контраста для создания комического эффекта, особенно в ситуациях столкновения разных социальных или культурных групп.

Эти функции подтверждают, что кодовые переключения в кыргызском кинодискурсе – не просто отражение двуязычия, но и мощный художественный инструмент, который режиссеры и сценаристы используют для более глубокого раскрытия персонажей и сюжетных линий.

Таким образом, кодовые переключения в кыргызском кинодискурсе являются неотъемлемой частью языковой реальности Кыргызстана и ярким отражением его социолингвистического многообразия. Они не только фиксируют существующую языковую ситуацию, но и выполняют важные коммуникативные и художественные функции, способствуя созданию аутентичной атмосферы в фильмах. Смена языкового кода в диалогах персонажей помогает передать социальные различия, культурные ценности и динамику билингвального общения, тем самым делая кинематографическое произведение более правдоподобным и эмоционально насыщенным.

Литература

1. *Gumperz J. J. Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 225 p.
2. Тагаев М. Дж., Молдомамбетова А.С., Алтыбаева З.Ч. Билингвизм как норма жизни: материалы Международной, междисциплинарной конференции “Актуальные проблемы международного сотрудничества между Европой и Центральной Азией в образовании, науке и экономике: традиция и современность”. Бишкек, 2024. С. 15–20.
3. Тагаев М.Дж., Молдомамбетова А.С. Билингвальный ландшафт Кыргызстана и типы языковых личностей // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. Бишкек: Билим агартуу, 2022. № 3. С. 3–10.
4. Молдомамбетова А.С. Русский язык в кыргызском кинодискурсе: история и современность // Выдающиеся русисты Кыргызстана: сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Л.А. Шеймана и Г.С. Зенкова (г. Бишкек, 14–15 ноября 2024 г.). Бишкек: КРСУ, 2024. С. 256–262.
5. *Auer P. Code-Switching in Conversation: Language, Interaction and Identity*. London: Routledge, 1998. 156 p.

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ РУССКОЙ РЕЧИ
В ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ**

Аннотация. Цель статьи – определить, в какой мере филологический анализ художественного текста способствует развитию русской речи тюркоязычных студентов. На занятиях используется поэтологический метод анализа текста, который предполагает детальное изучение системы изобразительно-выразительных средств литературно-художественного произведения с целью выявления художественного мастерства писателя или поэта, создающего словесный художественный образ. Такой метод позволяет студентам не только пополнять свой словарный запас, но и способствует развитию образного мышления, что уже мотивирует их к говорению. После постижения студентами образной ткани художественного текста обращается внимание на структуру произведения: сюжетную и композиционную организацию текста. Анализируя эпическое или лирическое произведение, студенты учатся выявлять элементы сюжета, обращают внимание на их расположение в тексте, а также начинают понимать, как создаются образы-характеры героев произведения. Такая детальная работа с текстом помогает студентам развивать навыки письма и говорения. Заключительным этапом в работе с текстом является определение тематики, проблематики, идеи и пафоса произведения. Такая работа требует умения обобщать полученные знания и делать определенные выводы. В процессе работы со студентами используются различные интерактивные методы (работа в мини-группах, составление схем, кластеров, таблиц, подготовка презентаций, написание сочинений и т. д.). Все это способствует не только пониманию текста, но и развитию устной и письменной русской речи.

Ключевые слова: развитие речи; говорение; письмо; филологический анализ текста; литературное произведение; поэтологический метод; интерактивные методы.

A.G. Narozia

PHILOLOGICAL ANALYSIS OF A LITERARY TEXT AS A MEANS OF DEVELOPING RUSSIAN SPEECH IN A TURKIC-SPEAKING AUDIENCE

Abstract. The aim of this article is to determine the extent to which philological analysis of a literary text contributes to the development of Russian speech among Turkic-speaking students. In the classroom, a poetological method of text analysis is used, which involves a detailed study of the system of figurative and expressive means of a literary work in order to identify the artistic mastery of the writer or poet in creating a verbal artistic image. This method enables students not only to expand their vocabulary but also to develop figurative thinking, which, in turn, motivates them to speak. After grasping the imagery of the literary text, attention is drawn to its structure: the plot and compositional organization. By analyzing epic or lyrical works, students learn to identify plot elements, pay attention to their placement in the text, and begin to understand how character images are constructed. Such detailed work with the text helps students improve their writing and speaking skills. The final stage of working with the text involves identifying the theme, issues, main idea, and emotional tone of the work. This process requires the ability to generalize acquired knowledge and draw conclusions. Various interactive methods are used in the learning process (working in small groups, creating diagrams, clusters, tables, preparing presentations, writing essays, etc.). All these contribute not only to text comprehension but also to the development of oral and written Russian speech.

Keywords: speech development; speaking; writing; philological text analysis; literary work; poetological method; interactive methods.

В программу бакалавриата по направлению «Филология» отделения филологии, программы русского языка и литературы Кыргызско-Турецкого университета «Манас» включен курс «Филологический анализ художественного текста», который изучается в течение четырех семестров на первом и втором курсах по четыре часа в неделю. Цель курса – рассмотрение художественного текста в совокупности всех его сторон формы и содержания; определение функции каждого компонента внутри художественного текста.

Задача филологического анализа состоит в выяснении этих отношений и функций в соотношении текста как с автором, создавшим его, так и с иноязычным читателем, воспринимающим его на изучаемом языке. Статья направлена на исследование возможностей использования филологического анализа художественного текста для совершенствования речевых навыков тюркоязычных студентов на примере стихотворения Булата Шалвовича Окуджавы «Пожелание друзьям».

Прежде чем приступить к анализу стихотворения, необходимо остановиться на специфике лирики как литературного рода. Как отмечается в «Литературной энциклопедии терминов и понятий», «Лирика (греч. *lyrikos*, от *lyra* – струнный музыкальный инструмент) – литературный род, выражающий мысли, чувства и переживания субъекта, провоцирующий у читателя (слушателя) иллюзию сопереживания и тяготеющий к стиховой форме» [1, стлб. 450]. Лирика – наиболее субъективный род литературы: поэт выражает свои индивидуальные мысли, чувства, вызванные различными явлениями жизни. Они непременно обобщаются, типизируются. В результате этого возникает сопереживание, т. е. читатель воспринимает чувства лирического героя как свои, близкие к себе. «При восприятии лирики, в отличие от других родов литературы, происходит максимальное присвоение прочитанного, обретение личностных смыслов в художественном тексте. Лирика позволяет читателю понять сокровенное в себе, поэт как будто предугадывает это, находя для выражения сокровенного соответствующие слова и образы», – подчеркивает эту особенность Л.А. Сомова [2, с. 64].

После уяснения основных особенностей лирического литературного произведения приступаем к анализу стихотворения Б.Ш. Окуджавы «Пожелание друзьям».

Для начала можно предоставить студентам краткую информацию об авторе, необходимую для анализа стихотворения. **Булат Шалвович Окуджава (1923–1977)** – поэт, писатель. Стихи и песни, исполняемые самим автором, отличали доверительная интонация, сочетание бытового и высокого, в них раскрывается духовный и душевный мир современного «маленького человека» – «московского

муравья» (так называется одна из песен), поэтому они так близки и понятны миллионам читателей. Итоговый сборник стихов был издан в 1996 году. Кроме того, Б. Окуджава – автор исторических романов: «Бедный Авросимов» («Глоток свободы»), 1969 г., о дебабристе П.И. Пестеле, «Путешествие дилетантов», 1976–1978 гг., «Свидание с Бонапартом», 1983 г. «Поющий поэт» [3, с. 84] – так называл себя Булат Окуджава. На его песнях, где все было авторским и неповторимым: и стихи, и музыка, и исполнение, – выросло не одно поколение интеллигенции. Среди его песен есть одна, которая называется «Пожелание друзьям». Как вы думаете, о чем она? Что вы могли бы пожелать своим друзьям?

Далее выразительно читаем стихотворение с правильной интонацией.

Пожелание друзьям

1. Давайте восклицать,| друг другом восхищаться.
2. Высокопарных слов не стоит опасаться.
3. Давайте говорить друг другу комплименты –
4. ведь это все любви счастливые моменты.
5. Давайте горевать и плакать откровенно,
6. то вместе, то поврозь, а то попеременно.
7. Не нужно придавать значения злословью,
8. поскольку грусть всегда соседствует с любовью.
9. Давайте понимать друг друга с полуслова,
10. чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова.
11. Давайте жить,| во всем друг другу потакая, –
12. тем более, что жизнь| короткая такая.

1975 г.

А затем студентам предлагается внимательное чтение (или так называемое «медленное чтение» [4]) стихотворения по строкам (стихам) и детальный анализ каждой из них с целью выявления развития образа-переживания лирического героя в произведении. Следует заметить, что на занятиях используется *поэтологический метод* анализа текста, который предполагает детальное изучение системы изобразительно-выразительных средств литературно-

художественного произведения с целью выявления художественного мастерства писателя или поэта, создающего словесный художественный образ. Такой метод позволяет студентам не только пополнять свой словарный запас, но и способствует развитию образного мышления, что мотивирует их к говорению. Как верно отмечает Л.А. Сомова, «слова в лирике отличаются емкостью, выразительностью, предельной экономией художественных средств. Они порой теряют смысл вне контекста и словесно-звукового оформления строки. В лирике замечено особое единение (взаимопроникновение) содержания и формы, причем элементы формы признаются приоритетными» [2, с. 63–64].

Для уяснения содержания стихотворения студентам предлагаются выполнить следующие *задания*:

1. Не торопитесь смотреть в словарь. Попробуйте понять общий смысл стихотворения самостоятельно. Обратите внимание, что в стихотворении несколько раз повторяется конструкция «давайте + инфинитив»: «Давайте восклицать... давайте говорить... давайте горевать... давайте понимать... давайте жить». Объясните значение этой конструкции и переведите ее на родной язык. Что предлагает поэт друзьям?

2. Прочитайте первую строфиу.

- Понятно ли вам выражение «говорить комплименты»? Можно ли сказать, что вы говорите комплименты, когда человек вам очень нравится, вы любите его, вы им «восхищаетесь»? Как вы определите значение глагола «восхищаться»? Переведите его на родной язык.

- Часто люди боятся (стесняются, стыдятся) откровенно говорить о своей любви, слишком эмоционально обращаться («восклицать»), использовать красивые, высокие («высокопарные») слова. А к чему призывает поэт своих друзей? Как объясняет он свой призыв?

3. Прочитайте вторую строфиу.

- В первой строфе речь шла о любви и восхищении, а о каких чувствах говорит поэт здесь? От какого глагола образован глагол «горевать»? Переведите его на родной язык.

- Попробуйте догадаться о значении слова «злословье», выделив в нем два корня. Найдите эквивалент в родном языке. Как вы понимаете выражение «придавать значение»? При необходимости обратитесь к словарю.

- Как вы поняли, почему поэт предлагает не скрывать своей грусти от друзей?

4. Прочитайте третью строфиу.

- Знакомо ли вам выражение «понимать друг друга с полусловом»? Если нет, попробуйте догадаться: «понимать с одного слова, с полуслова».

- Чтобы выразить согласие со словами собеседника, русские часто говорят: «Так. Да, это так». От этого короткого слова и образован глагол «потакать». Что оно значит? Да, действительно так, он имеет значение «соглашаться во всем с кем-то» и часто содержит негативную оценку (например, «нельзя во всем потакать ребенку»).

- Как вы думаете, почему поэт предлагает «жить, во всем друг другу потакая»?

5. Перечитайте стихотворение. Хотели бы вы, чтобы друзья относились к вам, как предлагает поэт? А вы сами хотели бы к ним так относиться? Сформулируйте свое понимание основного смысла стихотворения.

6. Выучите стихотворение наизусть. Послушайте песню в авторском исполнении.

После уяснения содержания стихотворения обращаем внимание на его форму. Здесь мы использовали *структурно-семиотический метод* анализа литературно-художественного текста, в основе которого «лежит взгляд на литературное произведение как на органическое целое. Текст в этом анализе воспринимается не как механическая сумма составляющих его элементов, и “отдельность” этих элементов теряет абсолютный характер: каждый из них реализуется лишь в отношении к другим элементам и к структурному целому всего текста» [5, с. 11], – пишет Ю.М. Лотман.

В результате анализа мы приходим к выводу о том, что в своем стихотворении «Пожелание друзьям» Б.Ш. Окуджава призывает читателей и слушателей к совместному действию. На это указывает

использование конструкции «давай (ты + я), давайте (вы + я) + инфинитив, а также повторение словосочетания «друг друга» с разными глаголами: «друг другом восхищаться», «говорить друг другу комплименты», «понимать друг друга с полуслова», «жить, во всем друг другу потакая». Поэт призывает друзей не скрывать своих чувств, своей любви, говорить друг другу комплименты, высокие (красивые) слова, потому что это «любви счастливые моменты». И это уже не просто совместное, но и взаимное действие.

Поэт предлагает друзьям откровенно говорить не только о счастье, но и о несчастьях, страданиях («горевать и плакать»), так как это тоже проявление любви («грусть всегда соседствует с любовью»). Самое главное, по мнению автора, это взаимопонимание, когда друзья могут «понимать друг друга с полуслова», а это возможно, когда люди очень внимательны друг к другу.

Следует также обратить внимание на то, что поэт располагает свои пожелания по принципу прямой градации: *восклицать, восхищаться – говорить комплименты – горевать и плакать откровенно – понимать с полуслова – жить, потакая во всем*, – в конце которой автор приходит к самому главному – осмыслиению ценности жизни, ведь она «короткая такая», и мы сами можем заполнить ее радостью или страданиями.

Выражению авторской мысли также способствует ритмическая организация стихотворения: парная женская рифма; стихотворный размер (шестистопный ямб) с пирихиами; строфики стихотворения; ритмические переносы; анафорические повторы со словом «давайте» и т. д. Все это делает стихотворение мелодичным и придает ему неповторимую музыкальность. Особо ощущается это в авторском исполнении песни.

В результате студенты приходят к выводу о том, что стихотворение Булата Окуджавы относится к так называемой *песенной поэзии*, которая составляет особый раздел песенного творчества, когда музыка преображает стихи, иногда «договаривает» за поэта, а также укрепляет воздействие поэзии. Булат Окуджава работал в жанре *авторской песни*, в которой на первое место ставил текст. Он считал, что мелодия приобретает функцию музыкального

аккомпанемента, усиливающего лиричность звучания стиха. «Для меня авторская песня – это прежде всего стихи. Я – поющий поэт» [6] – так сам Булат Окуджава определял специфику жанра. Поэт редко писал песни «от первого лица», но пел их всегда «от себя».

В процессе работы со студентами используются различные интерактивные методы (работа в мини-группах, составление схем, кластеров, таблиц, подготовка презентаций, написание сочинений и т. д.).

Такая детальная работа с художественным текстом помогает студентам, изучающим русский язык как неродной и иностранный, пополнять словарный запас, развивать творческое воображение, навыки чтения, слушания, говорения и письма, а самое главное – проникать в ткань словесного произведения искусства, познавая тайну его создания и красоту в единстве содержания и формы.

Литература

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001.
2. Сомова Л.А. Методика обучения литературе: особенности художественной коммуникации: электронное учебн. пособие / Л.А. Сомова. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2014. 1 оптический диск.
3. Кулибина Н.В. Читаем стихи русских поэтов: пособие по обучению чтению художественной литературы. 2-е изд., испр. / Н.В. Кулибина. СПб.: Златоуст, 1999.
4. Аржанцева Т.В., Капустина С.В. Технология «медленного чтения» русской классики на занятиях по РКИ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2024. Т. 10 (76). № 1. С. 170–184.
5. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: структура стиха / Ю.М. Лотман. Л.: Просвещение, 1972.
6. Булат Окуджава: один из основателей авторской песни и городского романса. URL: <https://dzen.ru/a/Ynvw8Si4AEZ947XF> (дата обращения: 12.04.2025).

A.T. Оторчиева

КЫРГЫЗ ЖАНА АРАБ ТИЛДЕРИНДЕГИ «БАШ» ЛЕКСЕМАСЫ МЕНЕН ТҮЗҮЛГӨН ЭКИ КОМПОНЕНТТҮҮ ФРАЗЕОЛОГИЗМДЕР

Аннотация. Кыргыз жана араб тилдеринин тематикалык топторун соматикалык фразеологиялык бирдиктердин баяндоодо тематикалык классификациясын эки багытта кароо керек: биринчиден, жалпы соматикалык компонент менен бириккен фразеологиялык бирдиктердин чегинде жалпы жана эмес, ошондой эле ар бир соматизмге мүнөздүү топторду аныктоо үчүн; экинчиден, фразеологиялык бирдиктердин көп тилдүү топторун бирдей салыштырганда тилдердин тематикалык топторунун ортосундагы окшоштуктарды жана айырмачылыктарды ачуу максатында бул макалада сөз болмокчу. Биздин чакан изилдөө, салыштырылган тилдердин соматикалык фразеологизмдердин семантикасы бардык талданган фразеологиялык бирдиктерди бир нече тематикалык топторго бөлүштүрүүгө мүмкүндүк берип, атап айтканда, адамдын мүнөзү; сезимдер жана адамдын абалы; кырдаалды баяндоо; адамдын иши (аракети); толук сүрөттөлүшү (жери, иш-аракет тартиби, өлчөө жана даражасы) боюнча окшош жана айырмачылыктары каралды.

Түйүндүү сөздөр: сома; соматика; лексема; фразеологиялык бирдик; компонент; классификация.

A.T. Оторчиева

ДВУХКОМПОНЕНТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ С ЛЕКСЕМОЙ «БАШ» В КЫРГЫЗСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В данной в статье речь идет о тематических классификациях соматических фразеологизмов. Соматические фразеологизмы кыргызского и арабского языков следует рассматривать в двух направлениях: во-первых, внутри фразеологизмов, объединенных общим соматическим компонентом, чтобы выявить не только общие для всех соматических фразеологические группы, но и специфические для каждого соматизма;

во-вторых, в сравнении разноязычных групп фразеологических единиц с одинаковым соматическим компонентом, чтобы выявить сходства и различия между тематическими группами соматических фразеологических единиц сопоставляемых языков. Как показало наше исследование, семантика соматических фразеологических единиц сопоставляемых языков позволяет распределить все анализируемые фразеологизмы по нескольким тематическим группам, а именно: характеристика человека, эмоции и состояние человека; характеристика ситуации; деятельность человека; обстоятельная характеристика (места, образа действия, меры и степени).

Ключевые слова: сома; соматика; лексема; фразеологическая единица; компонент; классификация.

A.T. Otorchieva

TWO-COMPONENT PHRASEOLOGISMS FORMED WITH THE LEXEME “BASH” IN KYRGYZ AND ARABIC LANGUAGES

Abstract. This article deals with the thematic classifications of somatic phraseological units. Somatic phraseological units of the Kyrgyz and Arabic languages should be considered in two directions: firstly, within phraseological units united by a common somatic component in order to identify not only phraseological groups common to all somatic, but also specific to each somatism; secondly, in comparison of multilingual groups of phraseological units with the same somatic component, in order to reveal the similarities and differences between thematic groups of somatic phraseological units of the compared languages. As our study has shown, the semantics of smatic phraseological units of the compared languages makes it possible to distribute all analyzed phraseological units into several thematic groups, namely: characteristics of a person, emotions and states of a person; description of the situation; human activity; a detailed description (place, mode of action, measure and degree).

Keywords: soma; somatics; lexeme; phraseological unit; component; classification.

Акыркы жылдары ар кайсы улуттун өкүлдерүнүн ортосунда консолидацияга жана кызматташтыкка тенденция пайда болду, бул адамдарды тарыхка, маданиятка бурууга бири-бирин, тигил

же бул элдин каада-салттарын, менталитетинин оригиналдуулугун үйрөнүү жана дүйнөнү түшүнүү.

Дүйнө таанымынын өзгөчөлүктөрүн чагылдырган эң популярдуу материал фразеологиялык бирдиктер болуп саналат. Ар кандай тилдердин фразеологиялык бирдиктерин салыштырып изилдөө белгилүү бир тилдин идиомаларын түшүнүүнү көнөйтүүгө жардам берет. Тил цивилизацияны жана маданиятты изилдөөгө белгилүү бир салым кошот. Фразеологиялык бирдиктерди изилдеп, адамзат коомунун өнүгүшүнүн бүткүл тарыхын – каада-салттардын, үрп-адаттардын жааралышынан баштап илимдин жетишкендиктерине чейин байкоого болот.

Тилдин фразеологиялык курамы муундан муунга өтүүнү улуттук маданияттын стандарттары жана стереотиптери камтыйт. Фразеологизмдер «адам» семантикасынын чөйрөсүнө кирет, анын бардык маанилери адам, анын дүйнө таанымы, дүйнөгө болгон мамилеси менен байланышкан. Фразеологиялык бирдиктер эне тилинде сүйлөгөндөрдүн дүйнөсүнүн сүрөтүн түзөт, анткени аларда элдин маданий тажрыйбасынын натыйжалары түздөн-түз топтолгон.

Соматизм грекче *somatos* – «дене», «денеге тийиштүү» деген сөзүнөн алынып, адамдын дene түзүлүшүн, анын мүчөлөрүнүн (баш, бет, кол, бут ж. б.) ар түрдүү тилдерде аталышын, алардын анатомиялык-биологиялык кызматын жана булар аркылуу жашоо, күндөлүк турмуш-тиричиликтеги түрдүү мамилелердин берилишин билдирет. *Soma, somatika, somatikalык* деген терминдер негизинен биологияда жана медицинада көнөрүлөт. Тил илиминде болсо соматикалык маанидеги сөздөр, сөз айкаштары, сүйлөмдөр лексикалык жана грамматикалык семантиканын орчундуу бөлүгүн түзөрү ар түрдүү изилдөөлөрдөн жана кадимки сүйлөө аракетинен же коммуникациялык практикадан байкалыш келет. Себеби сөз, сөз маанилери тилдин ээси болгон улуттун тарыхый тажрыйбасын, басып өткөн жолун, дүйнө менен адамдын мамилесин көрсөтөт. Алар аркылуу адамдын өзүн жана айланачөйрөнү таанып билүсү аркылуу улуттук дүйнө таануу маданиятынын калыптанышын жана буларга байланышкан каада-салт,

жүрүм-турум эрежелеринин нормаларын сакталышын байкоого болот. Натыйжада адамдын дene мүчөлөрүнүн аталышы менен алардын тилдик-стилдик, прагматикалык максатта колдонулушун тишиштүү лингвистикалык аспектиде иликтөө мүмкүнчүлүгүнүн көнүри экендиги түрдүү тилдердин мисалындағы изилдөөлөрдөн улам байкалып турат.

Тил илиминде адамдын дene мүчөлөрүнө байланыштуу сөздөрдү алгачкылардан болуп Ф.О. Вакк 1964-жылы эстон тилинин фразеологизмдерин изилдеп жатып, адамдын дene мүчөлөрүн атаган сөз бирдиктерин «соматикалык» деген термин менен белгилеп, «soma» – «дene, тулку бой, сырткы жана ички органдарды билдириет» деген аныктамасын берген. Ал соматизмдердин аталышы камтыган фразеологизмдер байыркы учурда эле көнүри көздешкендигин айтып, адамдын дene мүчөлөрүнүн аталышынын лингвистикалык жактан изилдөө зарыл жана кызыктуу экендигин белгилеген. Окумуштуу Ф.О. Вакктын айтуусу боюнча, дайыма көзгө көрүнүп турган баш, көз, ооз, тиш, кол, бут ж.б.у.с. дene мүчөлөрдүн катышкандыгы пикир алышууда көп колдонулуп, аларды атаган сөздөр тилде негизги тематикалык, лексика-семантикалык группалары түзүп турары көрсөтүлүп, байыркы көздердеги адамдын жана жаныбарлардын дene мүчө аталыштары иликтөөлөрүнүн негизин түзгөн. Эмгегинде адамдын денеси жана андагы суюктуктар, кан, сөөк, нерв, жест жана мимика, туруктуу сөз айкаштары эстон тилинин фразеологизмдеринин мисалында изилденген [1, 26-б.].

Ал эми орус тил илиминдеги фразеологияга негиз салган белгилүү окумуштуу В.В. Виноградов дагы өз көзегиндеги соматизмдерди фразеологиялык бирдиктин компонентинин негизги түзүүчү компоненти катары эсептеген. Соматикалык сөздөр, түшүнүктөр катары *баш*, *көз*, *кулак*, *мурун*, *тил*, *кол*, *бут*, *мимика* көрүнүшү аркылуу жасакы *көрүү*, *даам сезүү*, *ыкылас билдириүү*, *мамиле жасоо* ж. б. толуп жаткан маанилер туюндурууучу сөздөрдүн ушул касиеттерин эске алып, В.В. Виноградов өзүнчө лексема катары *баш*, *сакал*, *чач*, *көз*, *тамак*, *каш*, *кулак*, *моюн тил* ж.б.у.с. 59 дene мүчөлөрүн соматикалык фразеологизмдердин компоненти катары караган [2, 45–69-бб.].

Э.С. Якимова соматикалык фразеологизмдер боюнча изилдөөсүндө «соматикалык фразеологизмдерди үйрөнүү жашоонун закон ченемдүүлүктөрүн көрсөтөт» деген, анткени, анын ою боюнча, айланы-чөйрөдөгү кубулуштарды адам өзүнүн дene бөлүктөрү аркылуу кабыл алыш түшүнөт жана адамдын ички дүйнөсү тышкы материалдык үлгүлөр аркылуу жасалат, алар «физикалык» метафоралык мааниде колдонулат деп эсептейт.

Е.М. Верещагин менен В.Г. Костомаров «Язык и культура» аттуу эмгегинде «соматизм» түшүнүгү жөнүндө «Соматизмом (соматизм – от греч. *Somatos* – тело, корпус) называется любой значащий признак, положение или движение лица и всего тела человека» деген аныктамасын беришкен.

А.Д. Козеренко, Г.Е. Крейдлиндин «Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела» деген эмгегинде соматикалык объектилердин аталыштарынын пайда болушун «дene, дene мүчөлөрү (части тела), дene мүчөлөрүнүн бөлүктөрү (части частей тела), ички органдар, денеден чыккан суюктуктар (телесные жидкости) түзөт», деп эсептешип, дene мүчөлөрү менен туюндурулган жансоолорду жесттердин тили деп айырмалап, соматикалык объектилердин сын-сыпатынын ичинен төмөнкүдөй 3 чоң группаны аныкташкан: а) структуралык сыпаты дene мүчөлөрүнүн денеден орун алышы, анын бөлүктөрү болушу; б) физикалык сиеттери, мисалы, «чачынын өнү», «дененин температурасы»; в) функционалдык белгиси, мисалы, моюндуң негизги функциясы – баш менен денени туташтырып турооучу функциясы, ал эми буттун функциясы – басуу. Ошону менен бирге «соматикалык объектиинин формасы», «соматикалык объектиинин өлчөмү» деген белгилерди да аныкташкан. Мисалы, узун кол деген соматикалык фразеологизмди алсак, колунун өлчөмү узун экендигин билдирип жатат. Мында объект – кол, узун – анын сыпаты. Өтмө мааниде колу узун деген «кандайдыр бир ишти аткаруу, колунан келүү, күчү жетүү» дегенди билдирет. *Булчуңдуу дene дегенде, «спорт менен машыккан адамды түшүнөбүз», кызыл көз дегенде, «ыйлаган, жини келген кишини»* элестетебиз [2, 56-б.].

Фразеологизмди классификациялоодо тилдик салыштырууга адамдын кулк мүнөзүн, сапатын, эмоциясын анализдөөгө жардам

берет. Фразеологизмдерди тилдерде салыштырууда бир канча тематикалык группаларга бөлүштүрүп кароого, анализдөөгө көмөк берет. Тактап айтканда, адамдын кулк мүнөзү, эмоциясы жана абалы, иш аракети, учурдагы адамдын кулк мүнөзүн салыштырып бөлүп изилдейт.

В.Г. Гак, «баш» дененин эң мүнөздүү бөлүгү; качан биз адамды караганда, бириңчи кезекте анын башын көрөбүз, демек, көп тилдерде «баш» деген сөз адам мааниси менен алмаштырат».

Бул макалада «баш» деген соматикалык лексеманы салыштырып изилдөөдө тематикалык классификациялоо кыргыз жана араб тилдеринде адамдын мүнөздөмөлөрү; 1. Адамдын сезимдери жана абалы; 2. Кырдаалдын мүнөздөмөсү; 3. Адамдын иш-аракети (аракети); 4. Толук сүрөттөмө (жери, иш-аракет тартиби, өлчөө жана даражасы) [3, 49-б.].

Эмоционалдуулук жана экспрессивдүүлүк, деги, образдуулук боюнча араб тили дүйнө тилдеринин арасында өзгөчө орунда турат. Бул тезисти арабдардын улуу акындарынын жана жазуучулашынын чыгармалары айгинелейт. Биз төмөндө эки тилдеги (кыргыз жана араб) соматикалык фразеологизмдерди өз ара салыштырып иликтөөгө далалат кылмакчыбыз. Койгон максатыбызга ылайык, биз бул макалабызда эки тилдеги мааниси жагынан бир бирине дал келген, же жакын турган соматикалык фразеологизмдерге гана токтолчубуз.

«Баш» «رأس»

Ар бир тилде *баш* мээ органын түшүндүрөт, анткени ал ойлонуу функциясын аткарат. Көпчүлүк соматикалык фразеологизмдер «баш» деген компонент менен эс тутум, эмоционалдык-психикалык абал, акылдуулук мүмкүнчүлүктөрү ж. б. семантикалык маанилерди туундурат. Тилдерди салыштырууда акылдын жоктугу, баш жана интеллектуалдуулукту билдириген органдар ар кандай тилдердин соматикалык фразеологизмдердин семантикалык окшош аналогдордун келип чыгышына алыш келет. Ошондуктан салыштыруу тилдеринде акылдык мүмкүнчүлүктөрдү туундурган фразеологиялык бирдиктер жаралат.

1. Адамдын мұнөзү:

а) акыл/ келесоо

«Башы бар» – бир нерсенин жөн жайын жакшы билген, ар нерсени түшүнгөн, түшүнүгү жакшы. «Башы бар чымчык сага кармат-пас» (Османалиев).

«Баш билги» билерман, мыкты баштоочу башкаруучу; «Башы иштөө» – бир нерсени жакшы түшүнүп, колунан келүү; «Баш кесер» – киши елтүргүч, кан ичкич, мыкаачы [4, 88-б.].

Араб мисалында[«فِي رَأْسِهِ عَقْلٌ fi ra'si-hi akil] «башы менен» түзмө түз: акыл анын башында; «عَلَى رَأْسِهِ - aña ra'si] түзмө түз: башында [8].

Кыргыз мисалында «баш болуу» – башкаруу, башчылык кылуу, баштоо.

Араб тилинде мисалы – **عَقْلُهُ فِي رَأْسِهِ - يُفَكِّرُ بِهِ عِنْدَهُ مُخْ (aqlu-hu fi ra'si-hu)** (Акылы башында) түзмө түз которгондо (анын акылы анын башында).

«Башы жок» – акыл-эси жок, начар бир нерсенин жөнүн түшүнө албаган.

«Сенин башы жок балдарың үчүн мектепке чакырып жүрүп, чачым агарды. Карыттың деп урушчу элең» (Османалиев) [4, 88-б.].

«رَكِبَ رَأْسًا (rakiba ra'san) – ойлонуусуз иш кылуу, көзү каякты көрсө, ошол көздөй басуу – түзмө түз: ал башка отурду.

Кыргыз мисалында: «Башы ордунда эмес» – акылынан айнаган, бир нерсени жеткире ойлонбогон деген мааниде.

«Баш билги» – билерман, мыкты, баштоочу, башкаруучу. «Баш болуу» – башкаруу, башчылык кылуу, баштоо.

الرَّأْسُ الْمُدَبَّرُ [ar- rāsu al mudabbara] сөзмө сөз: уюштуруучу баш.

Чоң операцияны жетектеген, пландаган жана башкарған адам.

كَانَ جُورِيَّاتُشُوفُ هُوَ الرَّأْسُ الْمُدَبَّرُ لِأَنْهِيَارُ الْكُلُّ لِلشَّيْوَعِيَّةِ

Горбачев коммунисттик блоктун кулашынын уюштуруучусу болгон.

Анткени баш болуу уюштургуч жана пландоочу.

2. Адамдын сезимдері жана абалы

Кыргыз мисалында: «башына келүү» – кандайдыр бир ой пайды болуу,

«баштан учуу», «башына чыкпоо» – бир нерсени унута албай, кайра-кайра эстей берүү; «башына кирбө» – түшүндүрө албоо.

Араб мисалында: **أَدْخَلَ فِي رَأْسِهِ فِكْرَةً** [adhalā fi rā'si-hi fikrah] «Башына киргизүү» – түзмө түз: ал башына акыл же ой киргизди.

وَضَعَ رَأْسَهُ فِكْرَةً - [wada'a rā'si-hu fikrah] «башына киргизүү» – түзмө түз: ал өзүнүн башына ой койду. «طار من رأسهِ - [tara min rā'si-hi] «баштан учуу» – түзмө түз: анын башынан учуп кетти.

1. **«Баш айлануу»** – көңүлүк карангылоо, өзүн начар сезүү, башы төгеренүү, алсырап келүү.

2. Кандайдыр бир ишти аткарууда маселени чечүүдө ж. б. учурларда көпкө чейин ойлонуп, эмне кыларын билбей ыргылжын болуу, өзүнчө бир чечимге келе албай баш аламан болуу.

Арабча мисалында: **«دَارَ رَأْسِهِ»** [da'rūn rā'si-hi] – башы айлануу, түзмө түз: анын башы айланууда. Бул фразеологизм 3 маанини түюндүрат.

حَيْرَةٌ وَأَذْهَلَةٌ Заман-бап шаар элдин баштарын айлантты.

سَكَرَ الرَّجُلُ حَتَّى أَدَارَ الشَّرَابَ رَأْسِهِ Аны мас кылды. Анын башын ичимдик айлантыча.

أَعْجَبَهُ فَلَمْ يَدْرِ 3. – **أَدَارَ الْجَمَالَ رَأْسِهِ** – сулуулук анын башын айлантты. Ал жакты эмне кылаарын билбей калды. Кыз укмуштуудай улуулугу менен досторунун башын айлантты.

Кыргыз жана араб тилдериндеги бул ФБ түзүлүшү жагынан бир лексемалардан турат, бирок мааниси жагынан кыргыз тилинде терс көрүнүштү ал эми араб тилинде болсо, таң калууну, башкacha айтканда, оң маанайды билдири.

أَعْدَادَ عَقْلَةَ إِلَى رَأْسِهِ [a'ada rā'si-hi] түзмө түз: [ал өзүнүн акылын башына кайтып алып келди].

Башын айландыруу, башын тегеретүү – 1-мааниси: ар нерсени айтып кызыктырып, алдап соолап азгыра берүү, өзүнө тартуунун амалын жасоо, дегенине көндүрүү аракетинде болуу.

2-мааниси **дин**. Сыйкырдап сүйдүрүү, тартуу деген мааниде. Анын башын тегеретип алса керек. Мончоктой болгон балдарына карабай, ээрчип кете берди. («Чалкан»). Ал эми араб тилинде:

أَدَار رَأْسَه - [ada'ra ra'su-hu] – башты айлантуу, түзмө түз: баш айланууну козгоо же чакыруу.

«Баш чайкоо» – бир нерсени абдан өкүнүп кайгырып же таң калып турлуу деген мааниде колдонулат. «Баш оорутуу» – ойлонуу, сары санаа болуу, тынчсыздануу.

«نَكْس رَأْسِه [nakkasa ra'sa-hu] – башын түшүрүү, түзмө түз: ал өзүнүн башын түшүрдү; Ал кордуктан, шерменделиктен, ага жүгүнүп, уялганынан башын ийип кетип калды. **نَكَسَهُ ، طَاطِلَةٌ مِنْ ذُلٍ أَوْ** خُرْجٍ مِنْ عَذْنِهِ مُنَكَّسُ الرَّأْسُ - نَكَسَ رَأْسُهُ خَجَلًا

Баш ийүү – моюн сунуу, багынуу айтканына, талабына макул болуу, көнүү. Бул өмүрүмдө эч кимге баш ийбедим (Жантөшев) [4, 76-б.].

Араб мисалында: **أَخْذَى رَأْسَهُ أَمَامَهُ** [ahna ra'su-hu amama-hu] – кимдир бирөөгө башын ийүү, түзмө түз: анын алдында башын ийди.

رفع رأْسِه [rafa'a rāsahu] сөзмө сөз ал анын башын көтөрдү мааниси: мисалы: ал башын көтөрүү менен басты. Эки маанини билдириет: 1-текебердик, 2-сыймыктануу; **وَذَلِكَ لِأَنَّ الْمُعْتَزَ بِنَفْسِهِ وَذَا الْكَبْرِ يَمْشِي** منتصب القامة رافعا رأسه، على النقيض من الذليل الذي يمشي منكس الرأس

Себеби, өзүнө намыстанган жана текебер адам башын ийип басып жүргөн кулдан айырмаланып, тик туруп, башын көтөрөт [5, 287-б.].

Башы сынуу – башы абдан катуу ооруп. Чыдоого мүмкүн бол-богондой абалды билдириүүдө колдонулат. *Башым сынып турат*.

صَدَعَ رَأْسَهُ فِي [sada'a rasa-hu fi...] «башын сындыруу» – ойлонуу, түзмө түз: ал өзүнүн башын бөлдү. Кыргыз мисалында башы сынуу баш оорунун айынан баш сынса, ал эми араб тилинде ойлонуудан башы сынууну билдириет [6, 432-б.].

Кырдаал мүнөздөмөсү:

Башынан чыкпoo – бир нерсени унута албай кайра-кайра эстей берүү.

Араб мисалында: **لَا يَرَالْ هَذَا يَمْلأُ رَأْسِي** [wa la yazalu haza yamla 'i ra'si] – бул менин башыман чыкпай жатат, түзмө түз: ал менин башымды толтурууну токтотпойт.

«Баш ийүү» – моюн сунуу, багынуу, айткан талабына макул болуу, көнүү.

طاطا رأسه [ta taa rasahu] ал башын ийди – басынуу, баш ийүү жана моюн сунуу, анткени кор болгон адам өзүнөн корккондордун алдында башын түшүрөт [5, 349–350-бб.].

Кырдаал мүнөздөмөсү

Кыргыз мисалында «баш көтөрүү» – 1) ФБ катуу оорудан айыга баштоо, сакайып, оңолуп, жакшы болуп кетүү; 2) жандануу, каршылык көрсөтө баштоо, такоол бергидей кудурети болуу.

أَطْلَثُ الْفُتَنَةِ رَأْسَهَا : بَدَأْتُ تَظْهَرُ – Фитна башын көтөрдү: пайда боло баштады.

أَطْلَثُ الْفُتَنَةِ رَأْسَهَا فِي الْمَنْطَقَةِ الْعَرَبِيَّةِ بَعْدَ الْحَمْلَةِ عَلَى أَفْغَانِسْتَانِ

– Ооганстанга каршы өнөктүктөн кийин козголон араб аймасында башын көтөрдү [5, 51-б.].

Фитна – бул иритки, бүлүк, баш аламандык, адамды хак жана акыйкattан адаштыра турган нерсе. Адамдарды кыйын жагдайларга, балээлерге дуушар кылуучу, мусулмандардын зыян көрүүсүнө себеп болуучу иш. Душмандыкка себеп болуучу нерсе. Ыйык Куранда мындай деп берилген: «...Фитна адам өлтүрүүдөн да жаман...» [Бакара сүрөсү 191].

«**Фитна башын көтөрдү**» деген ФБ ислам өлкөлөрүндө кецири колдонулат, анткени ислам динин пайда болгон жана жайылышына байланыштуу.

«**Башын алуу**» – өлтүрүү, жок кылуу, көзүн тазалоо. *Анын башын алуу керек! Деди береги кумарган жигит* (Касымбеков) [4, 87-б.].

أَطْلَرُ رَأْسَهِ [atara ra'sa-hu] түзмө түз: ал аны учууга мажбур кылды. Мааниси – башын кесүү.

«**Башка чыгуу**» – Устөмдүк кылуу, бийлеп алуу, күч алып кетүү.

رَكْبُ رَأْسَهِ [rakiba rāsahu] сөзмө сөз: ал анын башына минди, мааниси – талап кылуу. Кежир жана өз оюн бербөө.

«**Баштан аяк**» кыргыз тилиндеги ФБ – бүт бардыгы, тегиз, түгөл, толугу менен. Мисалы: деле сүрүштүрүп тыяк-быяк, ата-жотолорубузду баштан аяк бүт билишет экен.

من رَأْسِهِ إِلَى أَحْمَصِ قَدَمَهُ [min raāsihi ila aħmaħsa kaddamahu] сөзмө сөз: анын башынан бутунун таманына чейин [minarassi ilal qadami] сөзмө сөз: баштан бутка чейин [8, 135-б].

1-мааниси – адамды камтуу жана курчап алуу.

إِلَى أَحْمَصِ قَدَمِهِ نَظَرَ الشُّرْطُطُ إِلَى الْلِّصْنَ مِنْ رَأْسِهِ Милиционер ууруну башынан аягына чейин карады.

2-мааниси – мұнөздүн оригиналдуулугу жана терендиги жөнүндө.

Мисалы: Бул киши башынан бутуна чейин араб [5, 519-б].

Таман: таман, чаңдық – кошуу жана чөмүлүү метафорасы. Адамдын башынан таманына чейин кароо, аны ар тараптуу кароо жана аны курчап алуу дегенди билдириет. Сын атоочтун бүт деңеге кирип кеткендей, ээсиндеги оригиналдуулугун, терендигин билдириүү үчүн колдонулат.

Эки тилде тең бол ФБ адамга тиешелүү терендикти билдирип турат. Кыргыз тилинде «баштан аяк» эки компоненттен турса, дагы образдуулуктуу жана экспрессивдүүлүк менен ток этер жерин даана берүүдө. Ал эми араб тилинде болсо, баштан баштап буттун таманына чейин экспрессивдүү кишинин кайсы улуттук табиятка тиешелүүсүн билдириүүдө.

«**Башка чапкандай**» – заматта, тез күтүлбөгөн жерден бир кокустук боло калгандай, бир нерсе катуу таасир эткендей деген мааниде.

صَرَبَتَانْ فِي الرَّأْسِ [darbatani fir raāsi] сөзмө сөз: башына эки сокку.

Мааниси: күчтүү таасир тийгизген ар кандай эки кийинки көйгөйлөр:

1-керектөөнүн көбөйшүү жана өндүрүштүн кыскарышы. Египет экономикасынын башына эки сокку болуп саналат.

(Бул маселе артынан башына тийген дагы бир соккуга окшоштурулган, анткени эки нерсе эффекттин күчүн бөлүшөт жана ал чечкен нерсени алсыратат).

Эки тилде тең бол ФБ мааниси жагына дал келет.

«**Башына көтөрүү**» – абдан ардактоо, урматтоо, сыйлоо, кадырлоо.

Элиң-журтуң сени башына көтөрөт. Сен бүткүл әлдиксин (Бейшеналиев).

على العَيْنِ وَ الرَّأْسِ [aalal aini ua ar- raāsi] сөзмө сөз: көзүнө жана башына

меймандостукту, урмат-сыйды жана кубанычты билдирет.

قال صاحبُ الْبَيْتِ لِضَيْفِهِ : أَنْتَ عَلَى الْعَيْنِ وَالرَّأْسِ Үй ээси коногуна: сен көзгө да, башка да. Адамдын эң кымбат байлыгы болгон көздүн жана баштын үстүнө көтөрүү менен намысты көрсөтүү.

«Аллахтын буйругу баш менен көздүн үстүнде» деген риваят-та келген эски сөз [5, 384–385-бб.].

Эки тилде тең *баш* ардактуу даражасы бийик болгондуктан, меймандостукту башка көтөрүү менен берилген. Дағы бир себеби эки тилдин ээлери тең мемандос келет. Араб тилинде *көз* соматикасы менен да берилген, кыргыз тилинде *көзүнүн ағы* менен тең айлануу же болбосо *көзүндөй кароо* деген ФБ менен ардактоо, сыйлоо, урматтоо маанисин образдуу жана экспрессивдүү берилген.

Жагдай мүнөздөмөсү (орун, даражасы, иш аракеттердин образы, чаралар жана даражалар).

Араб мисалдарында: على رأسِي [ala ra'si] – «ырахат менен!» түзмө түз: менин башыма;

على الرأسِ والعينِ [ala ra'si wa-l-'ayn] – «ырахат менен!» түзмө түз: башымда жана көзүмдө [9, 2003-493-б.].

من الرأسِ للقدمِ [mina-r-ra'si li-l-qadam] – «башынан бутуна чейин» түзмө түз: башынан согончокко чейин;

رأسا [ra'san] – «түз, түзмө түз», түзмө түз: баш;

رأسا على عقبِ [ra'san ala aqib] – «баш аягы жок» – баш аламан, тартипсиз, иретсиз, чар – жайыт, чачкын, тескери. Түзмө түз: башынан таманына чейин.

على رؤوسِ الملا [ala ru-usi-l-mala-a] – «ачык, коомчулуктун үстүндө», түзмө түз: толгон баштардын үстүндө.

Кыргыз мисалдарында: «башка келүү», «баш аягы жок», «башка түшсө – байтал жорго».

«Башына күн туугандай», «башынан ашты», «башына каран күн түшүү» – оор кайгы, чоң жоготууга учуроо, кырсыкка дуушар болуу, «башына бак конуу» – иши оңолуу, мансабы, мартабасы, зоболосу көтөрүлүү.

Макалада тарыхы бар, өзүлөрүнүн баалуулуктары, каада-салты жана үрп-адаты бар, маданияттары башка ааламдашуу маданиятка аралаша элек, дүйнөдө орду бар кыргыз жана араб тилдериндеги «баш» лексемасы катышкан соматикалык фразеологизмдер жөнүндө сөз болду. Фразеологизмдердин тематикалык классификациясы карапты. Адамдын кулк мунөзү, эмоциясы жана абалы, иш аракети, кырдаал мүнөздөмөсү эки тилде кандай берилгендиги жөнүндө айтылып, «баш» лексемасы катышкан фразеологизмдердин компоненттеринин маанилеринин окшоштугу же айырмасы, же болбосо географиялык климаттык абалга жараша айырмачылыктары жагынан фразеологиялык бирдиктердин туюндурулушу жана түзүлүшү жөнүндө сөз кылдык. Эки тилдин *баш* соматикасы туюнтурган эквиваленттери жок фразеологиялык бирдиктерге да кыскача фразеологиялык бирдиктердин маанисин да баяндап кеттик.

Адабияттар

1. *Вакк Ф.О. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке.* Таллин, 1964. 26 с.
2. *Жанчарбекова С.Ж. Кыргыз фольклорундагы соматизмдер, стилистикалык функционалдык өзгөчөлүктөрү: филол. илимд. канд. ... дис. / С.Ж. Жанчарбекова.* Бишкек, 2021. 200 б.
3. *Исмаилова З. Фразеологизмы – соматизмы в арабском, аварском и русском языках.* М.: LAR LAMBERT, 2012. 185 б.
4. *Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү / Ж. Омонова, К. Конкобаев, Ш. Жапаров.* Бишкек: КТМУ, 2001. 519 б.
5. *Азыркы араб тилиндеги фразеологизмдердин сөздүгү / Мухамед Мухамед Дауд .Каир: Гарип, 2003. 687 б.*
6. *Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь.* М.: Русский язык, 2000. 456 с.
7. *Арабско-русский словарь идиоматических выражений / Дж. Аби Джабер, А.В. Капшук.* М.: ЯСК, 2019. 452 с.
8. *Фавзи А.М., Шкляров В.Т. Учебный русско-арабский фразеологический словарь.* М.: Русский язык, 1989. 616 с.
9. *Араб сөздүгү / Ахмад Аль абид, Ахмад Мухтар Умар, Дауд Абдуху.* 2003. 1347 б.
10. *Эгембердиев Р. Кыргыз тилиндеги фразеологизмдердин төркүнү (этимологиясы).* 2-бас. Бишкек, 2019. 336 б.

Д.М. Рахимов, О.М. Дурдыева

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются этапы изучения туркменского языка, его структурные особенности, влияние других языков, стандартизация и методика преподавания. Особое внимание уделяется проблеме смены алфавитов, введению цифровизации и созданию современных учебных материалов. Анализируется вклад тюркологов в развитие языка.

Ключевые слова: туркменский язык; огузские языки; языкоизнание; фонетика; морфология; синтаксис; стилистика; диалектология; стандартизация; цифровизация; методика преподавания; тюркология; смена алфавитов; историческое развитие.

D.M. Rahimov, O.M. Durdyeva

MAIN STAGES AND ISSUES IN THE STUDY OF THE TURKMEN LANGUAGE

Abstract. The article explores the stages of studying the Turkmen language, its structural features, the influence of other languages, standardization, and teaching methods. Particular attention is given to alphabet changes, digitalization, and the development of modern educational materials. The role of Turkologists in the language's development is also analyzed.

Keywords: Turkmen language; Oghuz languages; linguistics; phonetics; morphology; syntax; stylistics; dialectology; standardization; digitalization; teaching methodology; Turkology; alphabet changes; historical development.

Туркменский язык, относящийся к огузской группе тюркских языков, является национальным языком Туркменистана и значимой частью культурного наследия тюркского мира. Исследование туркменского языка охватывает широкий спектр направлений: историческую эволюцию, фонетико-грамматические особенности, влияние других языков, методику преподавания и современные вызовы. В настоящей статье рассматриваются основные этапы

исследования туркменского языка и ключевые проблемы, с которыми сталкиваются исследователи.

Исследование туркменского языка берет свое начало с изучения древнетюркских текстов, включая орхонские надписи (VIII век). Эти памятники содержат ценные сведения о предках современных туркменов. Впоследствии туркменский язык начал формироваться в составе огузской подгруппы, на что указывают письменные памятники XI–XII веков, такие как «*Diwany lugat et-türk*» Махмуда Кашгари (1072–1074) и «*Kutadgu bilig*» Юсуфа Баласагуни.

Как известно из знаменитого словаря Махмуда Кашгари «*Diwany lugat et-türk*», сам Кашгари является одним из первых тюркологов, изучавших тюркские языки. Именно поэтому его словарь имеет чрезвычайно важное значение в истории изучения туркменского языка.

Посвятив всю свою жизнь исследованию языков, фольклора, литературы и традиций тюркских народов, Махмуд Кашгари путем сопоставления около 8 500 общественных тюркских лексических единиц продемонстрировал их общие корни. Он отметил, что различия между языками в основном заключаются в фонетических особенностях, связанных с произношением гласных и согласных звуков.

Книга «*Diwany lugat et-türk*» является первым словарем, содержащим объяснение значений туркменских слов. В ней толкование слов приводится с помощью синонимов (*ýeg – ey*, *ýagşy – хороший*), антонимов (*ölüg – tirig*, *ulug – kiçig*), а также пословиц и поговорок, таких как *“Agylda oglak dogsa, agylda oty biter”* (*Если в загоне родится козленок, в загоне вырастет трава*) [2, с. 10]. Произведение Кашгари сохраняет свою научную ценность на протяжении тысячелетия. Переписанный приблизительно в 1266 году Мухаммедом ибн Абу-ль-Фатхом с оригинального экземпляра, написанного самим автором, этот труд остается самым надежным источником сведений о состоянии тюркских языков в XI веке. Переведенный на многие мировые языки, он на протяжении тысячелетия служит образцом для тюркологов.

Эти труды не только помогают проследить эволюцию языка, но и отражают богатое культурное наследие огузских народов.

Период Средневековья считается временем значительного прогресса в науке стран Востока. В этот период выдающиеся ученые, в том числе тюркологи, специализировавшиеся на лингвистике, внесли значительный вклад в развитие языкоznания.

Одним из наиболее известных исследователей является Асуриддин Абу Хайян. Из его трудов, посвященных тюркским языкам, до наших дней дошла только книга *«Kitab ul idrak li-lisan al-atrak»*. Тюркологи рассматривают этот труд как памятник кипчакскому и туркменскому языкам XIII–XIV веков.

Абу Хайян, сравнивая кипчакский и туркменский языки, выделил их фонетические особенности. В частности, к характерным чертам кипчакского языка он относил произношение *ú* в начале слова (*yúip*, *yúlan*), замену звука **h** на **k** (*hoja – koja*), а также замену **g** на **w** в середине слова (*agyz – awuz*). В свою очередь, для туркменского языка он отмечал замену **t** на **d** в начале слова (*temir – demir*) и замену **m** на **b** (*men – ben*) [3, с. 10].

Также произведения Махмуда Замахшари *«Mukaddumat ul-edeb»* («Введение в языкоznание») и Алишера Навои *«Muhakamat ul-lugateýn»* (1499) имеют большое значение для отслеживания исторического развития туркменского языка.

К XV–XVII векам относятся труды, в которых можно найти отдельные туркменские элементы, но наиболее значимый вклад был сделан в XVIII веке, когда поэт и философ Махтумкули Пырагы заложил основы литературного туркменского языка. Его произведения, написанные на туркменском языке, оказали огромное влияние на развитие национального самосознания и литературных традиций. По этому поводу лингвист Худайберды Багыев отмечает: «Современный литературный туркменский язык был заложен Магтымгулы. Он не использовал письменный язык своего отца, Довлетмамет Азади, который был характерен для того времени. Магтымгулы уже в свое время ощущал необходимость использовать такие языковые средства, которые были бы понятны широкой аудитории, чтобы любые мысли выражались ясно и эффективно,

а также чтобы устраниТЬ глубокое различие между письменным языком и простым народным общением» [1, с. 34].

Этот период характеризуется также развитием устной традиции, что играет важную роль в сохранении культурных особенностей языка.

В XX веке туркменский язык подвергся научному анализу в рамках советской лингвистики. В 1928 году туркменский язык был переведен на латиницу, а в 1940 году – на кириллицу, что привело к значительным изменениям в фонетике и орфографии. Эти реформы способствовали созданию научных трудов по грамматике и лексикологии, что положительно сказалось на изучении языка. В этот период появились фундаментальные исследования, в числе которых следует отметить работы А.Н. Кононова по тюркским языкам. Советская наука также внесла вклад в стандартизацию и кодификацию туркменского языка, что позволило создать первые академические словари и учебные пособия.

В XX веке научные исследования в области туркменского языкоznания можно условно разделить на следующие направления:

- Определение письменного языка, литературного языка, а также систематизацию его орфографических, лексических и грамматических норм.
- Изучение основных и исходных диалектов литературного языка (диалектология).
- Сбор лексических ресурсов общего народного языка, разработка словарей.
- Описательная грамматика туркменского языка.

После обретения независимости Туркменистаном (1991) государство приняло решение о переходе на латинский алфавит.

Современное туркменское языкоznание изучается в рамках следующих основных крупных разделов:

В разделе «Фонетика» изучаются звуки туркменского языка, их особенности, то есть звуковая структура языка. Некоторые известные туркменские лингвисты выполнили значительные научные исследования, связанные с фонетикой туркменского языка.

Работы по фонетике таких авторов, как Х. Машаков (1975), А.П. Потелуевский (1975), М. Хыдыров, К. Бегенджов (1977), М. Худайгуллиев (1992), Т. Тачмурадов (2004), А. Нурмухамедов (2005), Б. Вейисов, Г. Бабаева (2010) посвящены теоретическим аспектам фонетической системы туркменского языка и были написаны на туркменском языке.

В разделе «Лексикология» изучаются значение слов, их происхождение, особенности употребления и связь с различными стилями речи. Важный вклад в изучение лексики туркменского языка внесли такие ученые, как С. Атанъязов (1978), С. Аразкулыев (1980), Я. Чённяев (1978, 1988).

«Морфология» является разделом грамматики, в котором изучаются части речи и аффиксы туркменского языка. В этой области были проведены значимые научные исследования таких отечественных авторов, как П. Азыров (1950), Р. Бердиев (1958), Б. Чарыяров (1957, 1969), Дж. Кекилова (1972), А. Гаджарова (1990) и др. Силами авторских коллективов разных научных учреждений Туркмении и туркменских вузов были разработаны фундаментальные основы грамматики туркменского языка (1960, 1970, 1999).

В разделе «Синтаксис» изучаются словосочетания и предложения. В данной области особого внимания заслуживают исследования М. Хамзаева (1969), Н. Нартыева, М. Пенджиева, А. Мырадова (1998), а также коллективная монография по синтаксису современного туркменского языка (1969).

В разделе «Стилистика» изучаются стилистические особенности языковых единиц, а также функциональные стили туркменского языка. В данной области следует отметить ряд работ по стилистике туркменского языка К. Бабаева (1972, 1983, 1084, 1989); Г. Непесовым (1993) был описан публицистический стиль туркменского языка; О. Шыхыевой была изучена проблема искусства туркменской речи (1996).

Одной из главных проблем является ограниченность письменных памятников туркменского языка, особенно до XVIII века. Это затрудняет реконструкцию его исторического развития и ограничивает возможности сравнительно-исторического анализа.

Многие источники либо утрачены, либо находятся в частных коллекциях, что затрудняет их доступность для исследователей.

На протяжении веков туркменский язык подвергался влиянию персидского, арабского и русского языков. Эти факторы отразились на структурных особенностях туркменского языка, проявившихся в лексике, фонетике и морфологии. Вопрос заимствований и их адаптации также остается актуальным. Современные лингвисты изучают степень интеграции иностранных заимствований и их влияния на развитие языка.

Смена алфавитов в XX веке привела к нестабильности в орфографии и графике языка. До сих пор ведутся дискуссии о некоторых грамматических и орфографических нормах. Это особенно заметно в академической среде, где ученые разрабатывают новые принципы языковой политики для сохранения аутентичности туркменского языка.

Несмотря на значительный вклад в традиционное языкознание, остаются неохваченными такие перспективные направления, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Исследования в этих областях практически не проводились, что ограничивает понимание ментальных, культурных и концептуальных особенностей туркменского языка.

Развитие методик обучения туркменскому языку для носителей и иностранцев – важная задача. В настоящее время отсутствуют международные стандартизированные программы, аналогичные CEFR для европейских языков. Это затрудняет преподавание языка как иностранного и ограничивает его распространение в академической среде за пределами Туркменистана. Требуются новые учебные пособия и подходы, учитывающие современные технологии и мультимедийные форматы.

Туркменский язык недостаточно представлен в цифровой среде. Отсутствие крупных корпусов затрудняет автоматический анализ языка, машинный перевод и создание языковых технологий. Современные исследования в этой области направлены на создание электронных баз данных, онлайн-словарей и программ машинного обучения, которые позволят улучшить обработку туркменского текста в цифровых системах.

Исследование туркменского языка прошло несколько ключевых этапов, начиная с древнетюркских источников и заканчивая современными цифровыми инициативами. Однако остается ряд нерешенных проблем, связанных с письменной традицией, стандартизацией, методикой преподавания и цифровизацией. Для их преодоления необходимы дальнейшие комплексные исследования, развитие цифровых ресурсов и укрепление международного сотрудничества. Также важно учитывать современные вызовы, такие как глобализация и влияние английского языка, что может повлиять на будущее развитие туркменского языка.

Литература

1. *Bagyýew H. Dil Bilimine giriş. Aşgabat, 1992.*
2. *Weýisow B. Türkologiýa giriş. Aşgabat, 2010.*
3. *Расурова Н.А. Абу Хайян и его книга «Китаб ил-идрак ли лисан ал-атрак» // Общественные науки в Узбекистане. 1968. № 10.*

УДК 801.8

Г.А. Сатыбалдиева, Б.М. Темиркулова

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ЛИНГВОПОЭТИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются коммуникативно-прагматические особенности стилистических средств в разносистемных языках. Язык, являясь незаменимым средством полноценной человеческой коммуникации, служит для всех филологических наук объектом научного исследования. В этом плане естественна и закономерна тесная связь языка как системы знаков с такими филологическими дисциплинами, как стилистика, лингвистика, лингвопоэтика и лингвостилистика, которые исследуют, соответственно, стилистическое и прагматическое поведение всех языковых знаков в повседневной речи носителей языков.

Ключевые слова: лингвистика; лингвостилистика; лингвопоэтика; семантика; прагматика; стилистические приемы; лингвостилистический анализ; художественный текст; образ; мотив.

G.A. Satybaldieva, B.M. Temirkulova

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC FEATURES OF STYLISTIC EXPRESSIVE MEANS IN LINGUOPOETICS

Abstract. The article deals with the communicative-pragmatic features of stylistic expressive means in languages of different systems. Language, being an indispensable means of full-fledged human communication, serves as an object of scientific research for all philological sciences. In this regard, the close connection of language as a system of signs with such philological disciplines as stylistics, linguistics, linguopoetics and linguostylistics, which study, respectively, the stylistic and pragmatic behavior of all linguistic signs in the everyday speech of native speakers, is natural and logical.

Keywords: linguistics; linguostylistics; linguopoetics; semantics; pragmatics; stylistic devices; linguostylistic analysis; literary text; image; idea.

Развитие теории языка, в частности, во многом зависит не только от изолированного изучения типов языковых единиц с точки зрения их структурно-семантического аспекта, что представляет несомненный интерес для структурной лингвистики, но и от изучения последней в тесной взаимосвязи с их коммуникативно-прагматическим и стилистическим аспектами, что является непосредственным объектом исследования как коммуникативной, так и прагматической лингвистики, равно как и лингвостилистики.

Необходимым условием создания как поэтической, так и прозаической литературы, посредством которой формируются различные художественные образы, «формальным» каркасом, без которого нет художественного и другого вида произведения литературы, является язык. В этой связи совершенно справедливо мнение Ю.С. Степанова о том, что «язык в целом со своей лексикой и грамматикой служит планом выражения для стилистики», причем формы языка позволяют проникнуть в сущность художественного замысла и специфику его образного воплощения. При выборе языковой формы для выражения эмоции поэт (или писатель) руководствуется не коммуникативной функцией, то есть передачей

информации, которая ведет к правильной референции, а функцией эстетической, то есть «функцией эстетического воздействия на читателя при помощи определенным образом организованных языковых средств» [1, с. 95].

Лингвостилистика – раздел языкоznания, изучающий:

- 1) различные стили (стили языка, стили речи, жанровые стили, индивидуальные стили писателей и т. д.);
- 2) экспрессивные, эмоциональные, оценочные свойства языковых единиц как в парадигматическом (в системе языка), так и в синтагматическом плане (использование их в различных сферах речевого общения), а также фигуры речи, тропы.

В этой связи не случаен огромный интерес ученых-филологов, да и не только филологов, но и философов всех времен, к тропам и к стилистическим фигурам как важнейшим средствам экспрессивно-оценочного воздействия на носителя языка (слушающего или читающего).

Лингвостилистика как наука о лингвостилистических особенностях художественного произведения по праву обязана своим рождением Л. Щербе, который не только очертил саму проблему, но и обозначил причины ее возникновения, обусловив пути решения, предложил блестящие образцы лингвопоэтических исследований. Его исследования лингвистического толкования стихотворений не потеряли своего теоретического и практического значения и сегодня. Он отмечал, что лингвистический анализ художественного произведения «должен показать те лингвистические средства, с помощью которых выражается идеальное и связанное с ним эмоциональное содержание литературного произведения. В своих лингвостилистических исследованиях ученый дал образцы изучения всех языковых средств, функционирующих в словесной структуре художественной ткани произведения» [2].

Теоретические основы и практические принципы лингвостилистического анализа художественного текста изложены в трудах отечественных лингвистов Б. Ларина, В.В. Виноградова, Г. Винокура, Р. Будагова и др. Так, установка Б.А. Ларина на художественное целое при анализе конкретно-языкового материала стала основой

филологической интерпретации эстетического факта не только для лингвистов, но и для литературоведов. Определяя общие признаки художественного языка, ученый ввел в исследовательский обиход «эстетическое значение слова» как проявление индивидуально-авторского взгляда на мир через смысловую призму. Он отмечал, что в лингвистическом анализе художественного произведения «надо изучать художественные заделки во взаимодействии всех компонентов: «звукности и семантических колоритов, композиции и смысловой идейной оси» [3].

Р. Будагов подчеркивает, что «стилистика – душа каждого развитого языка, должна занять важное место как в науке о языке, так и в науке о художественной литературе. Однако «лингвистика изучает все аспекты языка, в том числе и стилистические, тогда как в компетенцию литературоведа входит рассмотрение только тех стилистических ресурсов языка, которые используются писателями для воплощения определенных художественных замыслов» [4].

Как видим, лингвисты отмечают, что в лингвистическом анализе художественного текста следует изучать лингвостилистические особенности художественного произведения в органической связи с идеей и художественным замыслом писателя. Именно это и составляет основной исходный принцип лингвопоэтического анализа текста художественного произведения.

Лингвопоэтика определяется как «особый раздел филологии, предметом которого является совокупность использованных в художественном произведении языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейно-художественного замысла» [5].

В работах В.В. Виноградова развивается мысль о необходимости создания отдельной филологической дисциплины – науки о языке художественной литературы, в которой сформированы предмет и задачи лингвопоэтики как отрасли филологии, изучающей язык художественного произведения.

По мнению В.В. Виноградова, задача лингвопоэтического исследования заключается в том, чтобы изучить эстетическую функцию языковых единиц в произведении словесно-художественного творчества.

Таким образом, в результате сближения двух подходов на стыке лингвистической и литературоведческой стилистики возник новый раздел филологии – лингвопоэтика, предметом которой является «совокупность использованных в художественном произведении языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейно-художественного замысла» [5].

Разработкой понятийного аппарата лингвопоэтики занимался также А.А. Липгарт. По его мнению, «лингвопоэтика – это раздел филологии, в рамках которого стилистически маркированные единицы, использованные в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи определенного идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта» [6].

А.А. Липгарт рассматривает взаимоотношения лингвопоэтики и лингвостилистики, лингвопоэтики и литературоведения, отмечая, что лингвостилистический анализ является непременной основой всех дальнейших лингвопоэтических построений [6].

При использовании термина «лингвопоэтика» необходимо помнить о том, что он применяется для обозначения двух противоположных по направленности типов исследования. Целью одного из них является выявление тематико-стилистических характеристик использования отдельного художественного приема в том или ином произведении или в группе произведений.

Следовательно, и в лингвистике огромен интерес различных ученых к изучению лингвостилистической природы лексических стилистических средств.

Анализ эмпирического материала по выразительным средствам подтверждает, что стилистические средства как в художественных произведениях, так и в повседневной речи носителей языков концентрируются в рамках изображения психической деятельности людей, при этом диапазон эмоций, выражаемых с помощью выразительных средств, в этом плане достаточно широк: чувства, точнее мотивы любви (ненависти, неприязни), разочарованности (удивления), одиночества (сопереживания), радости (гнева), героизма

(предательства), красоты (неряшливости), способности (неспособности), мощи (бессилия), дружбы (вражды), уподобления (сравнения), доброты и т. д. Лирические герои или носители языка, взволнованные, с различными чувствами или мотивами, обращаются к средствам языка, обозначающим крайнюю меру интенсивности, так как эти средства являются простейшим способом выражения этих чувств, мотивов или целеустановок.

Основным критерием выделения подобных групп при этом является общность эмоционально-оценочной функции (выражение чувств или целеустановок и оценка их по интенсивности взаимодействующих языковых элементов при выражении определенного мотива).

Анализ фактического материала по лексическим стилистическим средствам в английском, русском и кыргызском языках показывает, что посредством выразительных средств в речи (будь она письменная или устная) выражаются различные целеустановки – интенции носителей языков ради того, чтобы коммуникативный акт состоялся адекватно той коммуникативно-прагматической установке, которую хотел бы реализовать адресат (т. е. говорящий/ пишущий), поскольку в целях выражения эмоции, действий или отношений объективной действительности носитель языка преднамеренно и целенаправленно искажает реальную, естественную оценку характеристики меры указанных признаков, чтобы воздействовать на слушающего/читающего соответствующим образом, усиливая реальную картину мира, тем самым пытаясь дать несколько иную, чем в реальной жизни, эмоциональную оценку характеристике того или иного признака явлений.

Анализ коммуникативно-прагматических особенностей функционирования в речи выразительных средств характеристики признака явлений объективной действительности показывает, что действительно очень широк диапазон изображения (выражения) различных мотивов или коммуникативно-прагматических установок – интенций при общении.

Любовь в художественных произведениях, особенно в поэзии, проявляется в целом комплексе чувств, таких как нежность,

благодарность, восхищение, ревность, боль, горечь от измены, страдание от разлуки, и т. д. Из переживаний героев, их повышенных эмоциональных реакций и вырастает стилистическое средство, гипербола. Показателен в этом отношении следующий отрывок:

в английском языке:

The heat of his love made her feel like a plant under a burning sun [7, с. 54].

В примере описывается жар любви между Тесс и ее любимым человеком, любовь уподобляется солнцу, которое сжигает растения, при этом гиперболическое сравнение как раз и непосредственно способствует тому, чтобы читатель понял настоящие чувства любящих друг друга людей.

Стремление писателя Томаса Харди к повышенной образности объясняет объединение для характеристики одного чувства нескольких стилистических средств, которые дополняют, усиливают друг друга.

Это достигается благодаря ряду стилистических средств *метафоры* (*heat of his love*), *сравнения* (*like a plant under a burning sun*) и *эпитета* (*burning sun*) из произведения Т. Харди «Tess of the d'Urdervilles».

Преувеличивая интенсивность, высокую степень жара любви посредством цепочки гиперболических средств, писатель передает силу и глубину переживаний героем чувства сильной любви с помощью *оксюморона* (*Сүйүү деген ырдоо эмес бал ууртап, сүйүү уусуна ууланып*) и *гиперболы* (*Сүйгүм келет миң мертебе жаңылып*) в кыргызском языке:

Сүйүү деген ырдоо эмес бал ууртап,

Сүйүү деген сүйүү уусуна ууланып [8, с. 60].

Сүйгүм келет миң мертебе жаңылып,

Сүйгүм келет сүйгөнүмө жалынып [8, с. 76].

В вышеприведенных примерах мы также наблюдаем гиперболизацию чувств влюбленных, их ответственность и преданность в любви.

Любовь к Отчизне, к земле-матушке также воспевается поэтами, равно как и любым патриотом своей Родины, при этом

авторы часто прибегают к гиперболическим средствам описания своих чувств, чувств их героев, причем предпочтение отдается цепочке – конвергенции гиперболических средств, которые как раз и служат возвышенному чувству любви к Родине и земле-матушке, к ее богатствам и т. д., что и засвидетельствовано следующими строками великого кыргызского поэта А. Осмонова:

Көлдө жүрдүм, көл боюнда бойлодум,
Токсон ирет, көргөнүмө тойбодум.
Кызғылт көйнөк кийгендиги эсимде,
Уурдаң алып күндин батар боегун [9, с. 56].

Использование гиперболических средств при изображении мотива любви в произведениях писателей (или в речи носителей языка) передает эмоциональную взволнованность героев (носителей языка), интенсивность их чувств, что и, естественно, вызывает гиперболизацию ими характеристики меры признака явлений.

Изображение красоты человека, природы и т. п. неизбежно в любом произведении или в повседневной речи носителей языка, поскольку человеку свойственно восхищаться красотой или страдать от безобразия или неряшливости (уродства), или отрицательно реагировать на последние, получая отвращение от уродливого признака явлений.

При описании красоты носители языка волей-неволей прибегают к стилистическим средствам, предназначенным для отображения некой преувеличенной характеристики меры признака явлений. В данном случае такие средства употребляются для отображения именно красоты людей, природы, животных или даже насекомых, что можно проиллюстрировать следующими примерами из сравниваемых языков:

в английском языке:

She was a pale, creature with wide spiritual blue eyes, and a wealth of golden hair [10, с. 35].

A little girl is as lovely as sun [11, с. 110].

Бул кыз кол тийгизбестей назик, ак жуумал, *ойноктогон көгүлтүр бакыраң көз, кою алтын чачтуу, көргөн адамдын көзүн суктангандай* эң эле татынакай кыз эле [10, с. 9].

Жылдыз болуп күлүңдөп, шам болуп үлбүрөп, кээде чакмактын отундай жалтырап күйгөн каухар таштар... [12, с. 283].

В вышеприведенных примерах красота описанных выше персонажей изображена посредством не одного стилистического средства, а целой цепочки таких средств, эпитетов (*spiritual blue eyes – ойноктогон көгүлтүр бакыраң көз, golden hair – алтын чачтуу*); сравнений (*little girl is as lovely as sun – чакмактын отундай жалтырап күйгөн каухар таштар*); метафор (*Жылдыз болуп күлүңдөп, шам болуп үлбүрөп*) и др., что и обеспечивает то эмоциональное воздействие на читающего/слушающего, а также способствует убеждению последних в красоте вещей, лиц, животных или даже насекомых.

В повседневной речи носителей языка часто встречаются случаи употребления средств, изображающих мотивы радости. При выражении радости по отношению к явлениям объективной действительности носители языка используют стилистические средства и их синкетизированные типы, например, в английском языке:

Now there's a smile you could die from [13, с. 9].

When I found a stew Cat I cried hundred times I am not alone [14, с. 65].

She tried to laugh, but the laughter caught in her throat [13, с. 242].

He was among the clouds when he saw a cat at that place [14, с. 58].

В кыргызском языке:

Мен да жакшы түш көрдүм,

Эритет экен кудайым

Жүрөктөгү музуңду [15, с. 47].

Как видно из приведенных стилистических средств обоих языков, носители языка заведомо прибегают к последним, чтобы адекватно воздействовать на слушающего/читающего, чтобы достичь моментального эффекта коммуникации с помощью стилистических средств.

Любой носитель языка познает внешний мир только через сравнение или уподобление, и не зря, так как все знания у человека формируются через сравнения, это единственный путь к изучению предметов, вещей, лиц, действий и их качеств, количеств,

мер в объективной действительности. При этом в целях эмоционального-экспрессивного воздействия на слушающего/читающего носители языка (мастера слова) изображают вещи, лица и другие явления, ассоциируя их с другими вещами, предметами, лицами и т. д., при этом ими часто применяется сравнение/уподобление, метафорическое сравнение/уподобление и т. д., например, в английском языке: *The blow was like a flash of light* [16, с. 135].

His cheek was slick as a greased pan [17, с. 59].

She became as solid as stone, as hard as diamond [18, с. 190].

She was breathing more like a trapped animal than a woman [7, с. 118].

The single candle was reflected in her shining eyes like a diamond [7, с. 30].

В кыргызском языке:

Көздөрү курч бычактын учундай. Бет алдындағы жапыс өзөндө уюктуу күмүрсага окишоп, быркырап жаткан көп кошунду суюк сакалдуу еринин бек кымтып тиктеди [12, с. 224].

Алым хандын тушунда *Кокон жел тийген өрттөй күч алып өстү* [12, с. 218].

Как в художественных произведениях, так и в повседневной речи нередки и такие случаи, когда писатели или носители языка склонны изображать мотивы способности (моци) персонажей, действующих лиц или адресатов, описывать их возможности, талант, поступки, стойкость, мужество, смелость, героизм и т. д., например, в английском языке:

Martie said sarcastically: a dirigible «A giant balloon of a woman» [18, с. 38].

*Then they drove milking mare to the greet,
Servants went with them to do their best,
Tied up forty thousand of those
Like a lake the koumiss now flows* [15, с. 294].

В кыргызском языке:

Сырдаш болсоң ачык сөзгө келе алам,
Мен өзүмдүн тагдырымды жеңе алам,
Керек болсо чебердигим жетишет
Дөнгөчкө жсан, балыкка тил бере алам [8, с. 110].

Как видно из иллюстративного материала, в описаниях способностей, героизма, смелости, дерзости и т. д., качеств персонажей или действующих лиц, собеседников или адресатов, в целях эмоционально-экспрессивного воздействия на последних носители языка гиперболизируют у них эти качества и тем самым добиваются того коммуникативно-прагматического эффекта, которого они как раз и хотели добиться.

Как в речи персонажей или действующих лиц художественных произведений, так и в живой речи носителей языков встречаются моменты, непосредственно связанные с описанием гнева, ярости, недоумения действующих лиц или персонажей, что часто вызывается моментальной реакцией на то, что происходит вокруг них: события, отношения, состояния, действия, и т. д.

Все это передается носителями языков не простыми словами, фразами, предложениями, а их гиперболизированными типами, что именно и обеспечивает тот эффект, то воздействие, которого и ожидают носители языка. Доказательством тому могут служить нижеследующие примеры из сравниваемых языков: *I tell you hundred times I've got to point. I can't help myself. He was repeating something he had done a thousand times before!* [19, с. 43].

В кыргызском языке, выражающие гнев: Тыбыраба, жаңындан үмүт кылсан, тыбыраба! – деди, анын жүзү тийин туруп муз тоңдурган кышкы күн сыйктуу муздак, ырайымсыз болуп кетти [12, с. 247].

Заматтын ортосунда кайрадан анын өң-түсү бузула түшүп, эки көзүнөн от чагылгансыз кетти [10, с. 7].

– Билип кой эми, кемпир, – деди Хиггинботам каардануу менен жооп берип. – Мен сага башка бирөөнүн ишине киришпегин деп канча ирет айттым? Кеминде миң жсолу айттым окиойт [10, с. 71].

В произведениях Шекспира нашло свое отражение огромное разнообразие мотивов, положений, образов, общественной среды. Это богатство фантазии, так же как стремительность действия, сгущенность образов, сила изображаемых страстей и волевого напряжения персонажей. Шекспир изображает расцвет человеческой личности и богатство жизни со всем изобилием ее форм и красок.

Исключительное богатство языка Шекспира заключается не только в огромном количестве слов, выражений, но и в обилии смысловых оттенков различных стилей.

Трагедия «Тит Андроник», в отношении которой будет утверждение о том, что употребление стилистических средств, *метафоры* (*detested, dark, blood-drinking pit*) и *эпитета* (*blood-stained hole*) на прямую связано с эмоциональными переживаниями героев:

‘Why dost not comfort me, and help me out
From this unhallow’d and *blood-stained hole*?’
‘Lord Bassianus lies embrewed here,
All on a heap, like to a slaughter’d lamb,
In this detested, *dark, blood-drinking pit*’ [20, с. 322–324].

Далее приведем примеры, связанные в основном со страданиями главных положительных героев трагедии, среди которых самыми яркими являются следующие:

‘Poor harmless fly,
That with his pretty buzzing melody
Came here to make us merry!’ [20, с. 63–65].

Небезынтересен и другой пример, продолжающий метафорический образ «мушки», которая в первом случае была «маленькой и безобидной», а потом то же сравнение используется для описания одного из главных злодеев пьесы – Мавра:

‘Pardon me, sir,
It was a *black illfarour’d fly*,
Like to the empress Moor’ [20, с. 66–67].

Яркий пример употребления стилистических приемов представлен, когда перед глазами отца и друзей предстает дочь Тита Андроника, подвергшаяся надругательствам и издевательствам. Это, пожалуй, одна из самых эмоциональных сцен пьесы:

‘O, that delightful engine of her thoughts,
That blabb’d them with such pleasing eloquence,
Is torm from forth that *pretty hollow cage*,
Where, like a *sweet melodious bird*, it sung
Sweet varied notes, enchanting every ear!’ [20, с. 82–86].

Метафорическая образность пронизывает текст произведения, что, вероятно, определяется жанром драмы, пусть и мрачная, но все же «сказка».

Пьесы Шекспира изображают типичные жизненные положения и борьбу страстей в конкретной обстановке. Зрители переносятся в воображаемый мир, в далекие неизведанные страны или в легендарную старину, и на этом поэтическом фоне показываются в упрощенной, кристаллической ясной форме столкновения человеческих чувств, которые всегда оканчиваются благополучно, – торжеством добрых свойств человеческой души, выражавшихся взаимной любовью, неспособностью к злу и жестокости, как бы призванных основать новое человеческое общество, более моральное и счастливое, чем прежний уклад жизни.

Итак, все вышеизложенное свидетельствует, что стилистически лингвопоэтический анализ художественного текста является явлением многогранным и разносторонним. Из приведенных примеров становится понятной неразрывная связь лингвостилистики и лингвопоэтики.

Почти каждый ученый, работающий в представленной отрасли, предлагает свой собственный метод. Однако следует помнить, что только во взаимодействии эти методы помогут проанализировать художественный текст как можно глубже и всесторонне. Поскольку основным признаком художественного текста является образность, то задачей лингвопоэтического анализа является выявление конкретных средств создания образности, пронизывающей все уровни языка.

Литература

1. Степанов Ю.С. Система средств выражения высокой степени признака (на материале совр. нем. языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
2. Щерба Л. Языковая система и речевая деятельность. М.: Просвещение, 2004.
3. Ларин Б.А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси». Публикация и примечания С.С. Волкова // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993.

4. *Будагов Р.* О предмете языкознания // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXXI. Вып. 5. М. 1972. 412 с.
5. *Задорнова В.Я.* Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992.
6. *Липгардт А.А.* Основы лингвопоэтики. М., 2021.
7. *Харди Т.* Тэсс из рода д'Эрбервиллей. Оксфорд, 1989.
8. *Осмонов А.* Көл толкунү. Бишкек, 1995.
9. *Осмонов А.* Аккан суу. Бишкек, 2001.
10. *Лондон Дж.* Мартин Иден. Нью-Йорк, 1993.
11. *Мэй В.* Бесконечная нить. Лондон, 1996.
12. *Касымбеков Т.* Сынган кылыч. Бишкек: Кыргызстан, 1998.
13. *Абрахамс П.* Тропа грома. М., 1991.
14. *Тейлор Т.* Остров: роман / пер. с англ. Нью-Йорк: Даблдэй, 1969. 137 с.
15. «Манас» (по варианту С. Орозбакова). М.: Наука, 1990.
16. *London J.* (1906). White Fang. New York: Macmillan.
17. *Смоленс Ю.* Зима по градусам. Нью-Йорк, 1988.
18. *Кунц Д.* Ложная память. Нью-Йорк, 1999.
19. *Сизак Д.* Скажи смерти нет. М., 1985.
20. *Шекспир У.* Тит Андроник // Шекспир У. Полное собрание сочинений. Издание RSC / ред. Дж. Бейт, Э. Расмуссен. Лондон: Макмиллан, 2008 (первое издание пьесы – 1594).

УДК 81'25:378.147

Y.E. Seredina

TEACHING TRANSLATION CRITICISM USING A COMPARATIVE MODEL OF P. NEWMARK

Abstract. Since Translation Criticism as a compulsory academic discipline is included in the curriculum for training translators and interpreters, it has a variety of approaches for teaching it to students of linguistics. This article aims at suggesting a sample model of translation criticism which focuses on Peter Newmark's five-component comparative approach, and is based on a modern short story. The model includes SL text analysis, translator's intention and method, comparison of TL with SL text proper, quality of the translation, and the future of the translation in the TL culture. Application of this model will teach students to analyze translation choices, broaden their

vision of translation methods, techniques, procedures, as well as practices and challenges, and explore various perspectives of translator's work. A sufficient number of examples from the short story by Chitra Banerjee Divakaruni "Mrs. Dutta writes a letter" illustrates in detail a critical process of comparing the source and target texts taking into account such aspects of translation as lexis, transposition, omissions, additions, modulation, replacement of language paradigms, antonymous translation, integration, partitioning, stylistic and cultural aspects. The article may be interesting for professors who teach Translation Criticism as an academic discipline.

Keywords: Translation Criticism; P. Newmark's 5-component model; SL text analysis; comparison of TL with SL text; classroom application.

Ю.Е. Середина

ОБУЧЕНИЕ КРИТИКЕ ПЕРЕВОДА С ПРИМЕНЕНИЕМ КОМПАРАТИВНОЙ МОДЕЛИ П. НЬЮМАРКА

Аннотация. Поскольку критика перевода как обязательная учебная дисциплина включена в учебную программу подготовки письменных и устных переводчиков, существуют различные подходы к ее преподаванию студентам-лингвистам. Цель этой статьи – предложить примерную модель критики перевода, основанную на пятикомпонентном сравнительном подходе Питера Ньюарка на основе современного рассказа. Модель включает в себя анализ текста на английском языке, намерение и метод переводчика, сравнение текста оригинала с текстом перевода, качество перевода и будущее перевода в культуре английского языка. Применение этой модели научит студентов анализировать варианты перевода, расширит их представление о методах, приемах и процедурах перевода, а также о практиках и трудностях, связанных с переводом, а также поможет изучить различные аспекты работы переводчика. Достаточное количество примеров из рассказа Читры Бенерджи Дивакаруни "Миссис Датта пишет письмо" подробно иллюстрирует критический процесс сравнения исходного и переводящего текстов с учетом таких аспектов перевода, как лексические замены, перестановка, элиминация, добавление, модуляция, замена языковых парадигм, антонимический перевод, объединение и разделение предложений, стилистические и культурные аспекты. Статья может быть интересна специалистам, преподающим критику перевода как академическую дисциплину.

Ключевые слова: критика перевода; 5-компонентная модель П. Ньюмарка; анализ текста оригинала; сравнение текста оригинала с текстом перевода; аудиторное применение.

Translation criticism has always been a separate subject in the curriculum of the Linguistics department in the Ala-Too International University, Kyrgyzstan, Bishkek. In spite of its undeniable great importance in training translators and interpreters, Translation Criticism has been paid little attention in translation and methodology textbooks. This fact has inspired us to write this article. In this work we will first consider definitions of translation criticism, then look at some comparative models of criticism focusing on the Newmark's five-component model, and its application in a modern classroom. The explanatory translation dictionary defines translation criticism as a branch of translation studies, which is a separate area of literary-critical activity, combining literary-aesthetic, linguistic and other approaches to the analysis of the translated text. Criticism of translation refers to the field of literary translation, which is a tool for the cultural development of the world and the expansion of the collective memory of mankind, a factor of culture itself [14]. Criticism of Translation considers both positive aspects and deficiencies of the translated work [7].

As a university academic discipline it implies systematized evaluation and detailed analysis of various aspects of translated works, and is a crown of all knowledge the students have acquired in the fields of translation studies, linguistics, literature and literary criticism. It involves peer evaluation and reviews of students translations, criticism of published translations in terms of assessing critically semantic, grammatical, and stylistic differences between ST and TT. Since translation criticism can be defined as looking comprehensively at different aspects of a translated work, in this article we will focus mainly making a detailed comparison between the SL and TL text, noting all significant semantic, stylistic, pragmatic and ideological differences either in the whole TL text or in random passages [1].

There is a big difference between a criticism of translation and a review. Review is a non-comparative evaluation of new translations,

description and opinion as to whether they are worth reading and buying. It assesses the quality and accuracy of the translated content taking into account such factors as linguistic fidelity, cultural nuances, and overall readability. A good review considers how well the translator has grasped the meaning and tone while adapting it appropriately for the readership. Translation criticism is a wider activity, analysis in detail of translated works to assess the choices made by the translator, evaluating old and new translations. It explores linguistic, cultural, and literary aspects, intending to consider the impact of translation decisions on the overall quality of the work.

There is an argument about whether evaluation should take into consideration the source text. Translation theorists distinguish between non-comparative and comparative models of translation criticism. Gideon Toury's [9], non-comparative approach encourages a comprehensive understanding of translations, and emphasizes the need to analyze translations within their specific cultural and linguistic contexts understanding that differences between source and target languages can lead to unique qualities in the translated text. Both scholars Lefevere and Antoine Berman support the non-comparative approach in terms that a translation is not a neutral, transparent rendering of meaning but a complex product influenced by linguistic, cultural and ideological factors [13]. Most critics are inclined to carry out a comparative criticism of original and translation.

According to Newmark [1], translation criticism has **five purposes**: to enhance translation quality; to conduct an object training for translators; to do a research on translation at particular times and in particular subject-areas; to provide for explication of works of significant writers and significant translators; to analyze semantic and grammatical differences between SL and TL. Since translation criticism can be defined as looking comprehensively at different aspects of a translated work, in this article we will focus mainly on assessing critically semantic, grammatical, and stylistic differences between ST and TT. The procedure of criticism will be directed at making a detailed comparison between the SL and TL text, noting all significant semantic, stylistic, pragmatic and ideological differences either in the whole TL text or in random passages [1].

We suggest the following 5-component model of translation criticism based on Peter Newmark's approach: SL text analysis, Translator's intention and method, Comparison of TL with SL text, Quality of the translation, The future of the translation in the TL culture.

Newmark [1] suggests the following elements for SL text analysis, which goes as number one in our model: general and close reading, the intention of the text and the translator, text styles, stylistic scales, putative readers, attitude and setting which is the context where a translation is produced or received.

Translation intention and method is defined according to P. Newmark's 8 methods of translation, namely interlinear or word for word, literal, faithful, semantic, adaptation, free, idiomatic, and communicative translation [1]. The intention of a translator is usually identical with the source text.

We have introduced and successfully implied the following variations for the third part of the model "Comparison of TL with SL text" for teaching linguists during the course of Translation Criticism.

3. Comparison of TL text with SL text

3.1. Title; 3.2. Lexis; 3.3. Transposition; 3.4. Omissions; 3.5. Additions; 3.6. Modulation; 3.7. Replacement [6]; 3.7.1. Replacement of Part of Speech Paradigm;

3.7.2. Replacement of Number Paradigm; 3.7.3. Replacement of Verb Voice Paradigm/ Replacement Of Tense and Aspect Paradigm; 3.7.4. Anonymous Translation; 3.8. Integration; 3.9. Partitioning; 3.10. Stylistic and cultural aspects.

Assumptions on quality and future of the translation depend on the above-mentioned factors, analysis and subjective opinion of the critic. This comparative model can be applied with adaptation to texts of different styles. As an example we suggest a criticism of a translated excerpt from the short story by Chitra Banerjee Divakaruni "Mrs. Dutta writes a letter" [8].

Translation criticism variant

1. SL text analysis. The author's intention is to explore cultural, communication and emotional challenges faced by an Indian woman who has involuntarily immigrated to the USA from India to live in the

house of her son and daughter-in-low. The style of the text is narrative with descriptions. The language of the text is informal, educated, with a lot of bookish word, terms, cultural words. The text is well written; the style of the text matches the content, the words are chosen thoroughly. It is rich in stylistic devices, expressive means, culturally ‘marked’ language units, and should be translated by the combination of semantic and communicative method. The text is intended for mass digital and print readership as well as for those who specialize on generation gap, cross-cultural and communication issues.

2. Translator’s intention and method. The translator’s intention was to reproduce the exact contextual meaning and the same emotional and aesthetic effect. The translator has shown his awareness of the importance of achieving stylistic and cultural adequacy.

3. Comparison of TL and SL text

3.1. Title

The title is translated by means of faithful translation, namely ‘Миссис Датта пишет письмо’ [15].

3.2. Lexis and translator’s decisions

Lexis refers to the words, phrases and expressions used in a specific context in accordance to which a translator’s decision is usually made [1].

Goes off is translated as ‘жужжит’, and it is less formal than ‘зевнит, гремит’, ‘recliner’ is a chair with an adjustable back and footrest, but the translator rendered it as “кресло-качалка”. *Trapped wasp* – пойманная пчела: The translator has rendered the word ‘wasp’ as ‘пчела’ while the primary meaning of the word ‘wasp’ is ‘oca’. Here are some more examples of rendering lexis by individual translator’s decisions:

taught her by her mother-in-law – привитую ей ее свекровью; his thinning *hair* – лысеющий затылок; *make morning tea for them all* – *her parents- in- law...* – ...утренний чай для всех – для ее свекра и свекрови; *her foolish eyes filling with tears* – **предательские** слезы в ее глазах; *sounds of the stirring household* to release... – пока все проснутся в доме; *she has plenty of time* – у нее **море** времени;

the bittersweet neem stick – как **ветки** дерева «ним»; *She’s been there forever* – она там уже **сто лет**; *whose own skin is as brown as roasted cumin* – чья кожа **темна**, как жареный тмин.

It should be noted that the above – and below – mentioned examples can also be referred to the other categories of the critical analysis since they represent several translation devices at the same time. Here we are primarily focused on the translation of words and word combinations which is different from their dictionary meanings.

3.3. Transposition

According to Miram [8], we come across transpositions almost in every sentence, since a change of word order is often necessary due to the target language requirements.

Here are a few examples of transpositions applied in the target text:

With her legs crossed so elegantly under the shimmery blue skirt she has changed into after work, and her unusually fair skin, she could pass for an American. – В этой сияющей голубой юбочке, которую она носит дома, с такими элегантными ножками, сложенными крест накрест, с этой невозможна белой кожей, она сойдет за американку. ‘With her legs crossed so elegantly’: this phrase has been transposed after the phrase ‘under the shimmery blue skirt she has changed into after work’ in the translation into Russian.

3.4. Omissions/ Eliminations

Newmark [1] defines it as the act of leaving out certain parts of the original text when translating it into another language. Here are some examples of using omissions in the target text:

‘her parents’ – *in- law*, **her husband**, *his two younger brothers...* – ‘для ее свекра и свекрови, для его двух младших братьев’. ‘Her husband’ is omitted as unnecessary.

‘Shimmery blue skirt she has changed into after work’ is translated as “в этой сияющей голубой юбочке, которую она носит дома”, and the translator omitted the phrase ‘she has changed into after work’.

3.5. Addition is the opposite of addition, inclusion of extra information or elements in the target text.

With relief Mrs.Dutta gathers up her bathroom things. – ‘Теперь миссис Датта с облегчением может встать, собрать свои ванные принадлежности и идти в ванную’ – the added phrases give a detailed understanding of the entire TL sentence.

3.6. Modulation

Modulation is a process of changing the form or structure of a source language sentence while retaining its meaning and intention in the target language sentence. It can be used to adapt a target language text to meet the requirements of the linguistic and cultural features of the readership in terms of the linguistic and cultural features [10]:

She was a bride of seventeen – *когда она вышла замуж в 17 лет;*
Waiting for the sounds of the stirring household to release – *пока она*
ждем, пока все проснутся в доме; *Good riddance, but you should see*
the state of the flat. – *И это хорошо, хотя по виду квартиры этого*
не скажешь.

It should be noted that we can observe the usage of other translation devices **alongside with modulation in the above-mentioned examples.**

3.7 Replacement

Miram [8] defines replacement as any change at the morphological, lexical and sentactic levels of the language, while Newmark [1] describes it as a shift, which is translation procedure involving a change in the grammar from SL to TL.

3.7.1. Replacement of Part of Speech Paradigm

Adjective into verb

She feels this burning, acid and indigestible – ‘*проедаем ее*’: the adjectives have been omitted and rendered as one verb.

Verb+ numeral into verb

Still, Mrs. Dutta is not one to waste the precious morning. – *Но миссис Датта все равно не собирается зря тратить драгоценное утреннее время.*

3.7.2. Replacement of Number Paradigm

about those days – ‘*о том времени*’: the translator has changed the number from plural to singular; *with the girl* – ‘*на девочкой*’: in the text, the number was changed from singular to plural, also replacing ‘*the girl*’ with the word ‘*children*’ by means of generalization.

3.7.3. Replacement of Tense and Voice Paradigms/3.7.4.

Replacement of Tense and Aspect Paradigm

*Mrs. Dutta has been lying awake for a quite a while. – Дамта уже давно **не спит**; and she is sure it will wake everyone – что всех разбудила; making me cough and cough – я чихала и кашляла.*

3.7.5. Anonymous Translation

*Mrs. Dutta has been lying awake for a quite a while. – Дамта уже давно **не спит**.*

The English affirmative form of the sentence was changed into the Russian negative form.

3.8 – 3.9. Integration/Partitioning

Partitioning – is replacement of a source text sentence by two or more target sentences or division of it into manageable parts for translation purposes [8].

But underneath she is thinking of the bleached- blue aerogram from Mrs. Basu that has been waiting unanswered on her bedside table all week, filled with news from home. – Но ее мысли о другом – о белом листе бумаги с письмом от миссис Базу, на которое она не ответила. Письмо лежит на столике у кровати, без ответа, всю неделю, полное новостей из дома.

3.10. Stylistic and cultural aspects

Cultural words: The majority of cultural words have been translated by means of transference, which includes transliteration, that is the conversion of different alphabets [1]. However, in some cases we suggest applying couplet as a translation procedure, that is a combination of two translation procedures simultaneously, such as transference + descriptive/functional equivalent. For example, *garam masala* – *гарам масала* which is a mixture of Indian peppers.

Perma Rest mattress – матрас фирмы *Perma Rest*, *Goddess Durga* – богиня *Дурга*.

Om Keshavaya Namah. – *Ом Кешавайя Нама*, *Om Narayanaya Namah.* – *Ом Нараянайя Нама*, *Om Madhavaya Namah.* – *Ом Мадхавайя Нама*. *sari* – *сари*, *nim* – *ним*.

Idioms: *The jewel of her eye* – ‘свет в окошке’: The translator has changed the images of the idiom. Proverb: *A good wife wakes before the rest of the household.* – Хорошая жена встает раньше всех в доме.

Stylistic devices. The stylistic devices have been mostly preserved in the target text, though some changes in images and emphasis can be observed.

Metaphor: *they're flesh of my flesh, blood of my blood* – плоть от плоти, кровь от крови: Faithful translation of the phrase was used.

Personification: *the smoke stung my eyes* – дым выедал мне глаза: The word 'stung' was emphasized when translating it as 'выедал', but not as 'изпал'.

Simile: *that silence pressing down on her like the heel of a giant hand* – тишина давит на нее, как огромная тяжелая рука: semantic translation was applied. The word 'giant' in the original was undertranslated.

For classroom purposes, we suggest the selective approach to choosing examples of translation decisions taking into account the subjective nature of translation criticism.

Quality of the translation. The translator has preserved the author's intention. Semantic method of translation has been applied rendering adequately the style and vocabulary bulk of the text. The short story is abundant in stylistic devices that were competently conveyed to an educated Russian-speaking readership. There are several cases of semantic deviations from the original, but this did not affect rendering the meaning, images and emotions of the original. The translator has applied such techniques as transposition, replacement, modulation, omission, addition in order to produce an excellent piece of work in the target language.

The future of the translation in the TL culture. The translation has already found its place among the target language literature. It promotes cultural and generational exchange of values, behavioral patterns, customs, assumptions and beliefs.

The above-mentioned example of translation criticism was done on the basis of the 5-component model of Peter Newmark, which can be applied with variations for both – literary and non-literary texts, taking into account the subjective nature of criticism in general.

In conclusion, in this article we have shown a sample of comparative analysis which has been successfully probed and applied in

the classroom for teaching Translation Criticism as an integrated course of the linguistics curriculum. Practicing the above – mentioned model in the classroom the students will be better prepared to analyze translation choices, evaluate fidelity versus creativity, broaden their vision of translation practices and challenges, explore various perspectives of translator's work. A wide usage of authentic texts of different types and the communicative intent of the instruction will provide for a critical process of teaching Translation Criticism for future translators and interpreters.

References

1. *Newmark Peter* (1988). A Textbook of Translation. Chapter 17: "Translation Criticism". Prentice-Hall International.
2. *Newmark Peter* (1981). Approaches to Translation (Language Teaching Methodology Series). Oxford: Pergamon Press. Published online by Cambridge University Press: 07 November 2008.
3. Routledge Encyclopedia of Translation Studies" (2011) (pdf). Routledge Taylor & Francis group: London and New York. URL: https://ssu.elearning.unipd.it/pluginfile.php/422897/mod_folder/content/0/Routledge_Encyclopedia_of_Translation_Studies_2nd_ed.pdf
4. *Hewson Lance* (2011). An Approach to Translation Criticism. ETI, University of Geneva. John Benjamins Publishing Company Amsterdam/Philadelphia.
5. *Toury Gideon* (1995). Descriptive Translation Studies and Beyond. John Benjamin's Publishing Company.
6. *Miram G., Daineko V., Taranukha L., Grischenko M., Gon A.* (2002) Basic Translation. Kiev: Elga-Nika-Center, 250 p.
7. *Taqiyyeh M.H.* (2005). What is Translation Criticism? Iranian Journal of Translation Studies, 3 (11). Retrieved from URL: <https://journal.translationstudies.ir/ts/article/view/70>
8. *Chitra Banerjee Divakaruni* (1998). "Mrs. Dutta writes a letter". The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1998/04/mrs-dutta-writes-a-letter/377092/>
9. *Toury G.* 1980. In Search of a Theory of Translation. Tel Aviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics. Tel Aviv University. 1980. 159 p.
10. *Vinay Jean-Paul, Darbelnet Jean* (1995). Comparative Stylistics of French and English. A methodology for Translation. John Benjamin's Publishing Company: Amsterdam / Philadelphia.

11. *Washbourne Kelly, Van Wyke, Ben.* (2019). The Routledge Handbook of Literary Translation. Routledge. London & NewYork. Pp. 551–570.
12. *Seredina Yu.* Teaching Consecutive Interpreting using the Communicative Approach / Yu.Seredina // Alatoo Academin Studies. Bishkek. 2021. № 4. С. 94–100.
13. *Берман Антуан.* Pour une que des traductions: *Джон Донн.* Париж: G mard, 1995 / пер. на англ. Франсуаза Массардье-Кенни // «К переводу критика: Джон Донн». Кент, О- Кентский государственный университет Пресс, 2009.
14. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. 3-е изд. М.: Флинта-Наука, 2003. 318 с.
15. *Читра Б. Дивакаруни.* «Миссис Датта пишет письмо». URL: <https://avataarakali.livejournal.com/279713.html>.

УДК 81-2

А.А. Федянина

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПЕРЕВОДЕ:
СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
РЕАЛИЙ В ИСПАНСКИХ ВЕРСИЯХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА**

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей испанских переводов произведений Чингиза Айтматова с акцентом на стратегии передачи национально-культурных реалий и стилистических элементов. Исследование основывается на сопоставлении оригинальных текстов и их испаноязычных версий, выполненных в разные периоды, с применением методов лингвистического, семантического и культурологического анализа. Особое внимание уделяется переводческим стратегиям: транслитерации, калькированию, перифразе, культурной адаптации и стилистическим трансформациям. Работа опирается на труды отечественных и зарубежных переводов и представляет собой вклад в изучение межкультурной коммуникации в переводе.

Ключевые слова: Айтматов; перевод; испанский язык; культурные реалии; стилистика; переводческие трансформации.

A.A. Fedianina

**DIALOGUE OF CULTURES IN TRANSLATION:
STRATEGIES FOR CONVEYING ETHNOCULTURAL
REALITIES IN SPANISH VERSIONS
OF CHINGIZ AITMATOV'S WORKS**

Abstract. This article analyzes the Spanish translations of Chingiz Aitmatov's literary works, focusing on the strategies employed to convey ethnocultural realia and stylistic features. The research is based on a comparative study of the original texts and their Spanish versions produced over different periods, using linguistic, semantic, and cultural analysis. Particular attention is given to translation strategies such as transliteration, calque, paraphrasing, cultural adaptation, and stylistic transformations. The study draws on both Russian and international translation theory and contributes to the understanding of intercultural communication through translation.

Keywords: Aitmatov; translation; Spanish language; cultural realia; stylistics; translation transformations.

Перевод художественных произведений, насыщенных этнической спецификой и философским подтекстом, представляет собой многоаспектную задачу, требующую междисциплинарного подхода. Творчество Чингиза Айтматова, прочно укорененное в кыргызской культуре, служит ярким примером лингвокультурного и концептуального богатства, которое необходимо передать читателю на другом языке. Испанские переводы его произведений служат интересным материалом для анализа трансформаций, возникающих в процессе межъязыковой интерпретации. Несмотря на растущий интерес к творчеству Айтматова в испаноязычном мире, систематическое исследование стратегий перевода его этнокультурных реалий остается недостаточно разработанным. Перевод его произведений становится не только лингвистическим актом, но и актом культурного посредничества, способствующим более глубокому диалогу между кыргызской и испаноязычной культурами.

Исследование построено на сравнительном анализе оригинальных произведений Ч. Айтматова и их испанских переводов: «И дольше века длится день» (*El día dura más que un siglo*), «Плаха» (*El Hoyo*), «Белый пароход» (*El Barco Blanco*), «Пегий пес, бегущий краем моря» (*El Perro Manchado que Corre a la Orilla del Mar*). Основными критериями анализа стали: сохранение семантики и стилистики, передача национально-культурных реалий, а также особенности синтаксических и идиоматических конструкций. Анализ охватывает более 100 страниц параллельных текстов и базируется на методах лингвостилистического и концептуально-го анализа, включающего качественное описание переводческих трансформаций.

Методология базируется на работах В.Н. Комиссарова, Ю. Ниды, Л. Венути, а также отечественных исследователей, таких как В.К. Сидоров, А.С. Иванов и П.И. Лебедев. Основное внимание уделено стратегическим приемам перевода и их влиянию на восприятие произведения целевой аудиторией.

Национально-культурные реалии в текстах Айтматова играют значимую роль в создании аутентичного художественного мира. Переводчики прибегают к различным стратегиям для их передачи.

Транслитерация и заимствование: термины «манкурт» (*mankurt*), «аксакал» (*aksakal*), «юрта» (*yurt*) сохраняются без перевода с пояснением или сноской [1, с. 136; 2, с. 144].

Калькирование: устойчивые выражения вроде «вечный поезд» передаются как *tren eterno*, следуя дословной структуре [1, с. 102; 2, с. 108].

Перифраз: вместо прямого перевода слова «толгонай» используется описательная формулировка *mujer sabia de edad avanzada* [3, с. 87; 4, с. 92].

Культурная адаптация: ритуалы и реалии заменяются их функциональными аналогами, например, *oша* → *banquete tradicional* [5, с. 67; 6, с. 73].

Описательный перевод: например, обряд *тушоо кесүү* переводится как *rito simbólico de cortar las ataduras del niño para que comience a caminar libremente* [7].

Подобные примеры подтверждают необходимость баланса между сохранением культурной идентичности и функциональной адаптацией. Как отмечает Д. Орлов, «в переводе сакральных и ритуальных концептов требуется не только языковая точность, но и интерпретация их мифопоэтического значения» [7]. Влахов и Флорин подчеркивают, что такие элементы требуют от переводчика особой изобретательности [8, с. 112].

Айтматов известен использованием сложноподчиненной структуры, метафоричности и философской глубины. В испанских переводах наблюдаются следующие трансформации:

Сокращение: отдельные сцены, например, воспоминания Едигея, сокращены в переводе [1, с. 94; 2, с. 101].

Добавление пояснений: при переводе *ак барак* добавлено объяснение: *una tienda blanca tradicional utilizada en rituales funerarios* [5, с. 122; 6, с. 129].

Изменение структуры предложений: длинные конструкции дробятся для удобства восприятия [3, с. 58; 9, с. 60].

Замена метафор и идиом: русская идиома «волк в овечьей шкуре» заменяется испанским эквивалентом *lobo disfrazado de cordero* [5, с. 93; 6, с. 100].

Экспликация: праздник *Нооруз* переводится с добавлением культурного пояснения [3, с. 101; 4, с. 108].

Как отмечает Венути, перевод – это всегда акт интерпретации и создания образа чужой культуры в сознании читателя [10, с. 23]. Перевод произведений Чингиза Айтматова не сводится к механической передаче лексических значений – он представляет собой многоуровневый процесс, в котором каждый переводчик вносит свой взгляд, опыт и культурное видение. В этом контексте уместно напомнить, что «каждый акт перевода есть акт интерпретации, в котором неизбежно проявляется личностная и культурная позиция переводчика» [11, с. 55]. Это особенно актуально при передаче философских образов и символических структур, характерных для прозы Айтматова.

Проведенный анализ демонстрирует сложность и многогранность процесса перевода произведений Ч. Айтматова на испанский

язык. Переводчики сталкиваются с необходимостью балансировать между точной передачей культурно значимых реалий и адаптацией текста для восприятия иноязычного читателя. Как подчеркивает И.В. Сидорова, «понимание культурного контекста не просто помогает переводчику, а определяет саму возможность точной передачи смысла» [12, с. 76]. Используемые стратегии – от транслитерации до культурной адаптации и экспликации – позволяют сохранить идеальное и эстетическое содержание произведений, хотя и не всегда без потерь. Как справедливо отмечает В.К. Сидоров, «передача этнокультурных реалий требует от переводчика не только знания языка, но и глубокого понимания культурных кодов, скрытых в тексте» [13, с. 42]. Это утверждение особенно актуально в контексте анализа переводов Айтматова, где культурные маркеры играют ключевую роль в создании художественного мира. Таким образом, перевод произведений Айтматова на испанский язык демонстрирует, насколько глубоко лингвистические решения переводчиков зависят от понимания культурных контекстов. В этом смысле перевод выходит за рамки технического процесса. Как подчеркивает А.С. Иванов, «перевод – это не столько пересказ, сколько философский акт, в котором происходит встреча двух культурных миров» [14, с. 112]. Именно такая интерпретация позволяет рассматривать перевод как полноценный элемент диалога культур, а не просто средство передачи информации.

Будущие исследования могут быть направлены на сопоставление переводов, выполненных в разных странах испаноязычного мира, а также на изучение рецепции творчества Айтматова в этих регионах. Перевод его произведений становится не только лингвистическим актом, но и актом культурного посредничества, требующим глубокой эмпатии, знания контекста и тонкости интерпретации. Кроме того, анализ переводов может внести вклад в методику преподавания перевода, межкультурной коммуникации и в осмысление роли языка как медиатора в диалоге культур.

Литература

1. *Айтматов Ч. И дольше века длится день.* М.: Художественная литература, 1983. 320 с.
2. *Aýtmatov Ch. El día dura más que un siglo / Trad. Natalia Shnaiderman.* Madrid: Ediciones del Oriente y del Mediterráneo, 2008. 348 p.
3. *Айтматов Ч. Белый пароход.* М.: Молодая гвардия, 1989. 128 с.
4. *Aýtmatov Ch. El Perro Manchado que Corre a la Orilla del Mar / Trad. Teresa Gutiérrez.* Madrid: Cátedra, 2005. 144 p.
5. *Айтматов Ч. Плаха.* М.: Советский писатель, 1991. 384 с.
6. *Aýtmatov Ch. El Hoyo / Trad. Aurora Bernárdez.* Barcelona: Editorial Seix Barral, 2006. 392 p.
7. *Орлов Д. Ритуальные концепты в переводе произведений Ч. Айтматова на испанский язык // Вестник лингвистики и перевода.* 2022. № 4. С. 115–122.
8. *Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе.* М.: Международные отношения, 1980. 256 с.
9. *Aýtmatov Ch. El Barco Blanco / Trad. Lilia Martínez.* México: Fondo de Cultura Económica, 2004. 132 p.
10. *Venuti L. The Translator's Invisibility.* London: Routledge, 1995. 342 p.
11. *Лебедев П.И. Перевод как интерпретация.* Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2020. 180 с.
12. *Сидорова И.В. Культурные контексты и перевод.* СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 198 с.
13. *Сидоров В.К. Особенности передачи этнокультурных реалий в художественном переводе.* Казань: Казанский университет, 2019. 164 с.
14. *Иванов А.С. Философия перевода в условиях межкультурного диалога.* М.: Языки славянской культуры, 2020. 240 с.

УДК 811.161.1(575.2) (04)

Ф.Н. Хаваза

СЕМАНТИКА И СИМВОЛИКА ЧИСЛОВЫХ КОМПОНЕНТОВ В ДУНГАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию числовых компонентов во фразеологизмах, в пословицах, поговорках и загадках дунганского

языка как отражение этнокультурной картины мира. В статье анализируются особенности функционирования числительных в дунганском языке, выявляя их символико-культурные значения и связь с традиционными представлениями.

Ключевые слова: дунганский язык; пословицы; числовая символика; языковая картина мира.

F.N. Khavaza

SEMANTICS AND SYMBOLISM OF NUMERICAL COMPONENTS IN DUNGAN PROVERBS AND SAYINGS

Abstract. The article is dedicated to the study of numerical components in idiomatic expressions, proverbs, sayings, and riddles of the Dungan language as a reflection of the ethnocultural worldview. The article analyzes the peculiarities of the functioning of numerals in the Dungan language, revealing their symbolic-cultural meanings and connection with traditional beliefs.

Keywords: Dungan language; proverbs; numerical symbolism; linguistic worldview.

Известно, что изучение числительных в составе фразеологизмов, фольклора, пословиц и поговорок каждого народа позволяет раскрыть и подробно изучить особые грани культуры того или иного народа.

Числа в пословицах и поговорках дунганского языка, как и в культуре многих народов, выполняют не только функцию счета, но и становятся носителями глубоких символических значений, отражающих мировоззрение, религиозные представления и социальные нормы. Анализ числовой символики позволит глубже понять, как абстрактные математические концепции трансформируются в языке в инструмент мудрости, иронии или предостережений.

В качестве материала для анализа нами были отобраны фразеологизмы, пословицы, поговорки и загадки из сборников: Х.Ю. Юсупов, М. Хасанов «Пословицы и поговорки советских дунган: материалы по общей тюркологии и дунгановедению» (1964),

Ю.Я. Яншансин «Пословицы и поговорки дунган (1966), Р. Юсупова «Дунганские пословицы и поговорки, изречения и загадки» (1984), Х. Лаахунов «Пословицы и поговорки дунган» (1988), М.Х. Имазов, З.Ш. Юнузова «Дунганско-русский фразеологический словарь» (2017), Д.М. Хахаза «Малые жанры дунганского фольклора» (2019).

Исследования показывают, что при рассмотрении фразеологизмов и паремии числительные единицы как компонент переосмысливаются, претерпевают изменения, обретая новые, не свойственные им признаки и часто в сочетании с другими компонентами создают целостное фразеологическое значение. Согласно определению и концепции В.Н. Телии, «фразеология составляет наиболее живую, яркую и своеобразную часть словарного состава любого языка. Подавляющая часть фразеологии принадлежит к различным функциональным стилям и обладает экспрессивной окраской. Все фразеологизмы отличаются национальным своеобразием и могут приобретать экспрессивное значение в контексте» [1].

В данной статье мы рассмотрим наиболее употребляемые и универсальные символические значения чисел и частоту их использования во фразеологизмах и в пословицах дунганского языка. Следует отметить, что в языке дунган эти числовые компоненты могут иметь как положительные, так и отрицательные значения.

Например, в дунганских пословицах и поговорках **числительное «1» – ЙИГЭ** является лидером по частоте употребления. И оно используется в различных значениях, например, для обозначения действий «быть заодно, действовать в согласии, единодушно»: дунг. «Пэнён-ханзы – йигэ жын» – русс. «Муж и жена – одна сатана», также «1» встречается в значении «одинаковое», «единое» – *йижся – йикуэ – букв.*: «Одна семья – одно целое», «Мама лян нұзы – йигэ жын» – «Мать и дочь – темная ночь».

1. Числительное «1» в значении «противопоставление – очень малое количество» словам, обозначающим «неограниченное большое количество»:

дунг. «Йибу та цуэ – бый бу нянбушон» – **букв.**: «Одним шагом ошибся – сотнями не догонишь», «Йигэ лочү хэ йигуэ тон» – **букв.**: «Одна мышь испортит целый казан бульона», «Йигэ эр- йитё щин –

шыгэ эр шытё щин» – **букв.**: «Один ребенок – одно сердце, десять детей – десять сердец», «Йигэ жын гэ, шыгэ жын зобужуэ» – **букв.**: «Один человек ложит, десять не находят».

2. Значение числа «1» как «очень малое количество», например, «Йигыр щян гиди йигүр фын» – **букв.**: «Одна ниточка преграждает один порыв ветра», «Йигэ чян бужыди сычин» – **букв.**: «Дело копейки не стоит», «Йигэжя жын» – «одинокий».
3. Числительное «1» может служить и средством выражения «непредопределенности»: йихуэй – «однажды», йибян – «однажды», жыйи лён тян – «на днях, вскоре».
4. Числительное «1» как средство «сравнения» – «Йи дуй хуонжин, бу дейи дуй лён» – **букв.**: «Одна куча золота не стоит кучи зерна». «Йигыр цэ нан дян, йигэ эрзы нан тёён» – **букв.**: «Один хворост не загорится, одного сына тяжело воспитать». «Йитян да йү, лён тян сэ вон» – **букв.**: «День ловит рыбу, два сушит сеть», «Йитянди күчү, йитянди нын» – **букв.**: «Один день страдания, один день благородства», «Йитян, бу де йитянли» – **букв.**: «Один день не лучше другого».

В некоторых пословицах числительное «1» часто приобретает ограничительную функцию, акцентируя моментальность и внезапность действий, например: «Йи футу-лён гэжэ» – **букв.**: «Одним ударом топора – пополам». Также следует отметить частотное противопоставление числительного «один» и «другое», например: «Да йигэ эрдуэ жинчи – да ди эргэ чүчили» – «В одно ухо вошло, в другое вышло» или «Нын жё жян йибян, бэ жё тин шыбян» – «Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать».

В таблице 1 приведены примеры применения числа «один» в дунганских пословицах и поговорках.

Таблица 1 – Употребление числа «один»
в дунганских пословицах и поговорках

Дунганский	Русский букв. перевод
Йидуй хуонжин Бу де йидуй лён	Одна куча золота не стоит одной кучи зерна
Йигыр цэ нан дян Йигэ эрзы нан тёён	Один хворост не загорится Одного сына тяжело воспитать
Йигэ эр-йитё щин Шыгэ эр-шыгэ щин	Один ребенок – одно сердце, Десять детей – десять сердец
Йи кантман, вабушон йигэ жин	Одним ударом кетменя не выкопаешь колодец
Йигэ жын гэ- шыгэ жы зобужуэ	Один человек кладет, десять не находят
Йигэ ёнгор-йиба цор	Одной овечке – одну охапку травы
Йи гуй фубынзы, динбучүй йигэ сыфу	Целый шкаф книг не заменит одного учителя
Йижын зэ фу, быйжын ще йин- лён	Один человек сажает дерево, сотни людей под ним прохлаждаются
Йи жуйзы нонбучүлэ Йи жү хуа	Одним шилом не выколотишь одно слово
Йи жү хо хуа Нан жынди щини	Одно доброе слово успокаивает сердце человека
Йи жын дун ку Шы жын зуй суан	Один говорит – десятеро обижаются

Числительное «2» как символ полярности, противоположности: «Лёнгэ бу иицин» – **букв.:** «Двое не одно сердце» или «Лён щин – сан ииди» – **букв.:** «Два сердце, три значения». «Лён же, ии ли» – **букв.:** «Границы две, а правило одно». Кроме того, в некоторых пословицах число «2» может указывать и на сходство людей, например: «Йигэ хэто бый – лён бонгэ» – **букв.:** «Один орешек разломить на две части». Также важно отметить, что в дунганских пословицах числительное «2» еще выступает как символ парности, подчеркивая

важность союза, взаимодополнения и гармоничного сочетания, например: «Чын фон – пый дуй» – **букв.**: «Стать парой, быть мужем и женой». «Лён ку, хо гуэ» – «Вдвоём легче жить», «Лён же, ии ли» – **букв.**: «Границы две, а правило одно». Символика «фон – пара, парность» в дунганской свадебной обрядности занимает центральное место, например, приданое, как у невесты, так и со стороны жениха, всегда должно быть в парном количестве – украшения, одежда, обувь, посуда, постельные принадлежности и т. д., что подчеркивает идеалы единства и вечного союза. Кроме этого, в таблице 2 приведены примеры употребления числа «два – лёнгэ».

Таблица 2 – Употребление числа «два – лёнгэ»

Дунганский	Русский буквальный перевод
Лён жяр канли йигэ щи гу, чыбу-фи-поди су	Одна собака на два двора – от беготни не жирнеет, а худеет
Лёнгэ туй сыдо йигэ күтуйнили	Две ноги сунули в одну штанину
Йигэ луэбу лён тур чени, лёнхани жан пянийни	Одну редьку с двух сторон режут, ищут выгоду с двух сторон
Йи футу лён гәже	Одним топором на две части
Йигэ гуазыр бый лёнбонгэ	Одно семечко разломить на две половинки

В дунганской культуре **число «3»**, как и во многих религиях, ассоциируется с гармонией, завершенностью и сакральностью, что проявляется как в ритуалах, так и в фольклоре. Например, в исламе троекратное повторение в молитвах и ритуалах создает эмоционально-смысловой акцент и усиливает значимость действия. Традиционная семантика числа «3» в дунганских паремиях является символом «единодушия, согласия, добра и неразрывной связи между людьми. Например: «Сан жын хә иицин, хуонту бянчын жисин» – **букв.**: «Три человека, объединившись в единое сердце, желтую лёсс превратят в золото», «Сан жу хо хуа дон чян сы» – «Три добрых слова предотвратят тысячу бед», «Сан жу хо хуа нан жын ицин» –

«Три добрых слова согревают душу». Иногда в пословицах число «3» приобретает иронический оттенок, высмеивая излишнюю медлительность и безответственность: «Сан тян дё йү, Лён тян сэ вон – **букв.**: «Три дня ловить рыбу, Два дня сушиить сети». Сан жся, сыко, доли гүэзо – **букв.**: «Три семьи полагались на четвертую, остались без казана».

В таблице 3 приведены другие примеры употребления числа «три – сан».

Таблица 3 – Употребление числа «три – сан»

Дунганский	Русский буквальный перевод
Сангэ-йи ё, жюгу-ий но	Три птенца голубя – один ястребок, девять щенков – один львенок
Сангэ чянди хуажё -лэлигэ цуан	Трехкопеечный цветочный перец, а сильно пахнет
Сан чы хуонтү-ги жын щин	Три метра желтой земли отделит сердце человека
Сан ян- лён жу	Три речи – два слова
Санщин-эрйиди	Три сердца – две мысли
Сан чи-эршыйи	Трижды семь – двадцать один
Сан тян бэ нян фу –хуа цүни Сан тян бэ ще -шу жанни	Три дня не читать книгу – речь будет грубой, три дня не писать – рука будет дрожать
Сан тё лў-донжун зу	Три дороги – иди посередине
Сан суйди нювазы Нянбушон йисуйди тўвазы	Трехлетний теленок не догонит годовалого кролика
Сан нян дынлигэ вын лайүэ	В три года один високосный год
Сан жэзы вэха	Согнуться в три погибели

Числительное «4» в пословицах и поговорках дунганского языка действительно часто называет конкретное количество предметов или явлений: например, четыре стороны света, времени года, стороны квадрата. Оно также обладает глубокой символикой,

отражая идеи устойчивости, гармонии мироздания и социального порядка. Считают, что число «четыре» является символом солидарности, справедливости, относительности, устойчивости. Например, пословица «Сы фон – сы жын – Четыре угла дома» подчеркивает идею устойчивости и социальной гармонии, «Сыгэ эрзы – сы дү чён» – **букв.:** «Четыре сына – четыре стены» символизирует солидарность и поддержку, «Йи нян – сы жи – «В году четыре сезона» здесь число «4» подчеркивает взаимозависимость явлений, их цикличность. Следует отметить, что в некоторых паремиях число «4» может приобретать и негативные коннотации, например: «Сыгэ тизы цынха» – «Упираться в четыре копыта» характеризует упрямого человека, который сопротивляется действиям других, демонстрирует протест или «Сы лынзы муту» – «Четырехгренное бревно» так говорят о грубом, неотесанном, невоспитанном человеке.

Также можно найти и другие примеры применения числа «четыре – сы», которые приводятся в таблице 4.

Таблица 4 – Употребление числа «четыре – сы»

Дунганский	Русский буквальный перевод
Сы лынзы муту мэ зуанжян	Четырехгренное бревно без дырок
Йи нян сы жи	В году четыре сезона
Сан ёр чи, сы ёр жын	Три образца ровные, четыре образца отборные
Сыжу-баха	Четыре области, восемь сторон
Сы фон ю лўдо, зэ жеди нан то	На четыре стороны света есть дороги. Но от судьбы не уйдешь
Сыгэ тизы цынха	Упираться в четыре копыта
Сы дў чён	Стены с четырех сторон

Также **числа «4»и «40»** в дунганских религиозных традициях связаны и с поминальными обрядами. Например, первые три дня после смерти в доме все посвящено глубокому трауру: семья

умершего не занимается приготовлением пищи, а соседи и родственники берут эту обязанность на себя. Этот ритуал отражает символику чисел: три дня – период строгого траура, когда семья освобождается от бытовых забот. «4» – день перехода к этапу поминовения, символизирующий восстановление социальных связей и коллективной поддержки, чтобы помочь семье вернуться к обычной жизни. Поминки на 40-й день – момент, когда душа окончательно покидает землю, что делает его ключевым в цикле поминовения.

Приведенный нами анализ показал, что не все числительные в составе дунганских фразеологизмов и паремий могут иметь какой-то символический смысл, многие сохраняют прямое количественное значение. В данном случае рассмотрены символические значения лишь некоторых числительных дунганского языка.

Литература

1. Телия В.Н. Что такое фразеология. М.: Наука, 1966. С. 21.
2. Имазов М.Х., Юнузова З.Ш. Дунганско-русский фразеологический словарь. Бишкек, 2017. С. 479.
3. Лаахунов Х. Пословицы и поговорки дунган. Бишкек, 1988. С. 116.
4. Юсупов Х.Ю., Хасанов М. Пословицы и поговорки советских дунган: материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964. С. 198.
5. Юсупова Р. Дунганские пословицы и поговорки, изречения и загадки. Фрунзе, 1984. С. 134.
6. Хахаза Д.М. Малые жанры дунганского фольклора. Бишкек, 2019. С. 438.
7. Янишансин Ю.Я. Пословицы и поговорки дунган // Изв. АН Кирг. ССР. 1966. № 7.
8. Янишансин Ю.Я. Краткий дунганско-русский словарь: переизд. М., 2009. С. 286. 9. Янишансин Ю.Я., Шинло Л.Т. Русско-дунганский словарь: переизд. Бишкек, 2008. С. 356.

*L.P. Tsilenko, E.S. Zakirova,
E.P. Medvedeva, I.A. Nedelko*

MODELING UNIVERSAL LANGUAGE COMPETENCE OF FUTURE EXPERTS IN ECONOMICS

Abstract. The article substantiates modeling universal linguistic competence (English language) for future experts in economics ensures their readiness for successful activity in an increasingly globalized, interconnected, and competitive economic landscape. Most leading organizations, including multinational corporations, international financial institutions, and global consulting firms, require their employees to have knowledge of an international universal language. By modeling linguistic competence, future specialists in economics can enhance their competitiveness and career advancement opportunities on a global scale.

Keywords: English language; customer experience; Artificial Intelligence; business processes; personalization; innovations; chatbots.

*Л.П. Циленко, Е.С. Закирова,
Е.П. Медведева, И.А. Неделько*

МОДЕЛИРОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В данной работе обосновывается моделирование универсальной лингвистической компетенции (английского языка) у будущих экспертов в области экономики, что обеспечивает их готовность к успешной деятельности в условиях все более глобализованного, взаимосвязанного и конкурентного экономического ландшафта. Многие ведущие организации, включая транснациональные корпорации, международные финансовые учреждения и глобальные консалтинговые фирмы, требуют от своих сотрудников знания международного языка. Формируя лингвистические компетенции, будущие эксперты в области экономики могут повысить свою конкурентоспособность и возможности карьерного роста на глобальном уровне.

Ключевые слова: английский язык; клиентский опыт; искусственный интеллект; бизнес-процессы; персонализация; инновации; чат-боты.

Digital modernization has transformed the entire spectrum of conditions and driven innovations aimed at improving global economic growth. “Digital transformation is the transformation of all spheres of social life influenced by innovative ICT. The education system, which is the foundation of the innovative economy and forms its human potential, is also influenced by ICT” [1, p. 582]. In this context, the study of the English language has acquired not only a linguistic dimension but also vital significance for the modern individual, especially for experts in the field of economics.

English has become the primary language of international business, finance, and trade. Economists often need to communicate with global partners, clients, and institutions, making proficiency in English essential for successful collaboration.

A significant amount of economic research, academic literature, and data are published in English. Understanding English allows specialists to access the latest studies, reports, and analyses that are crucial for informed decision-making and staying up-to-date with global economic trends. Numerous global organizations, including the International Monetary Fund (IMF), the World Bank, and the World Trade Organization (WTO), primarily use English to carry out their operations and disseminate information. Economic specialists need this language to understand global policies, regulations, and agreements. “A further point of challenges for the Russian Federation to notice is the issue of a new generation of experts’ preparation for the global job market which supposes the importance of graduate employability skills relating to the knowledge of the English language as a means of international collaboration and a source of innovative scientific expectations” [2, p. 1].

English is often the common language at international conferences, seminars, and in professional networks. It enables economists to connect with peers, participate in global discussions, and build relationships with professionals from different countries, fostering career advancement.

In the age of digital modernization, a significant amount of the content related to emerging technologies, including artificial intelligence, data analysis, and global market trends, is presented in English. As businesses and economies become increasingly digital, English proficiency is crucial for leveraging these innovations effectively. “English dominates roughly half of all online content, cementing its status as the digital age’s lingua franca. Its global uptake dwarfs even constructed alternatives like Esperanto: over 400 million people actively study English today” [3, p. 1].

Global market placed companies aiming to remain competitive must adapt to new conditions and implement innovations designed to improve customer experience. Today, customers expect not only high-quality products or services from brands but also convenient, fast, and personalized interactions. Innovations in this area have become an integral part of business, allowing international companies to stand out from competitors and build long-term relationships with consumers.

It is important to understand that customer experience encompasses everything a customer encounters - the sum of impressions and feelings they receive when interacting with an international company or a Russian company, its products, or services.

One of the most significant trends in enhancing this experience is personalization. With the help of modern technologies, businesses can now gather and analyze vast amounts of customer data, both locally and globally, to tailor their offerings to individual preferences, creating a more customized and engaging experience. Furthermore, by analyzing this data, companies can gain insights into shifting customer preferences, enabling them to adjust their strategies in advance and provide exactly what customers are looking for, which helps foster greater loyalty. For instance, the ‘Magnit’ supermarket chain utilizes AI to recommend products in its online store that are most likely to appeal to each individual customer.

Another significant aspect is online communication with clients in both Russian and English. Using chatbots and virtual assistants for customer service improves efficiency by providing round-the-clock availability and quicker response times, while also reducing operational costs. For example, Sberbank has introduced a chatbot

to allow customers to quickly access information about its banking products and services.

Augmented reality (AR) and virtual reality (VR) provide new ways to improve customer experience. AR allows customers to preview products before buying, such as virtually trying on clothes or placing furniture in their homes. VR offers immersive environments where customers can engage with a product or service prior to making a purchase. These technologies are especially popular in sectors like retail, international tourism, and real estate.

Amazon and AliExpress are global tech giants specializing in e-commerce, cloud services, and digital streaming. Ozon, a major competitor in the Russian online retail sector, owes much of its success to its ability to adapt to the fast-paced market by leveraging cutting-edge technologies.

All contemporary marketplace platforms utilize machine learning algorithms to analyze customer behavior, such as browsing habits, purchase history, preferences, and demographics. Using this data, AI generates personalized product recommendations for each customer. This not only streamlines the process of locating desired products but also introduces customers to new items they may not have discovered otherwise, thereby boosting average order value and fostering customer loyalty.

AI plays a vital role in improving search and navigation. Natural Language Processing (NLP) algorithms allow users to search for products not only by entering exact names but also by describing them in their own terms. The system can also correct errors and interpret various forms of the same word. AI-driven visual search enables customers to upload images of desired products, and the system automatically finds similar items across any catalog of global marketplace platforms. Additionally, demand forecasting algorithms help these companies manage their inventory more efficiently and optimize product placement in warehouses, which reduces delivery times. AI is also employed in customer support, with AI-powered chatbots handling frequent inquiries, assisting with order placements, tracking shipments, and resolving simple issues. This reduces the burden on human operators while providing quicker, more accessible service to customers.

The proactive use of artificial intelligence in customer experience enables the company to not only satisfy the high expectations of the modern market but also to establish a user-friendly and efficient online shopping environment.

In conclusion, the swift digital transformation has redefined global business landscapes and fostered innovations essential for economic advancement. As the world grows more interconnected, English has become the dominant language for international communication, especially among economists. Mastery of English is now crucial for accessing key information, participating in global partnerships, and keeping abreast of emerging economic developments. Moreover, advancements in technology, such as artificial intelligence, augmented reality, and virtual reality, have revolutionized customer experience by enabling businesses to personalize services, enhance engagement, and offer innovative solutions. Companies that successfully integrate these technologies, like Amazon, AliExpress, and Ozon, gain a competitive edge by improving efficiency, reducing costs, and fostering long-term relationships with consumers.

The use of AI, particularly in areas like demand forecasting, machine learning algorithms, and customer service, has transformed how businesses interact with customers, creating more personalized and seamless experiences. As digital tools continue to evolve, their application in enhancing customer experiences will only increase, making proficiency in the latest technological trends—along with linguistic skills—a crucial asset for future economists. Thus, in this digital age, blending technological innovation with strong language competencies, especially English, becomes essential for professionals in economics to thrive and stay ahead in the global marketplace.

References

1. DIGITAL TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION: KEY DIRECTIONS, OBJECTIVES, TOOLS, AND BENEFITS FOR ACHIEVING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE STATE (Article). URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85184720808&doi=10.26668%2frevistajur.2316-753X.v4i76.6537&origin=inward&txGid=9296a9abb2ee2fc82b6e253449a67bd0> (28.03.2025).

2. Adapting Russian Higher Education to Global Trends: The Growing Importance of Data Mining and English Language. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-70285-3_17 (28.03.2025).
3. The Universal Language of the Future is Broken English. URL: https://www.researchgate.net/publication/389501429_The_Universal_Language_of_the_Future_is_Broken_English (28.03.2025).

УДК 378

L.P. Tsilenko, K.S. Tsilenko

LANGUAGE, IDENTITY, AND NATIONAL NARRATIVES

Abstract. Language is much more than a mere system of communication; it plays a central role in shaping individual identities and collective social structures. This article examines how linguistic practices – the ways we use language in everyday interactions, cultural expressions, and institutional communications – not only reflect our inner self-perception but also help construct the social fabric of communities, cultures, and nations. By integrating interdisciplinary theoretical frameworks from sociolinguistics, social identity theory, and sociocultural studies, this paper explores how language influences personal identity formation, fosters group cohesion, and contributes to the construction of cultural and national narratives. The findings underscore the critical role of language as a repository of cultural memory and as a dynamic instrument in the shaping of collective identity.

Keywords: language; linguistic practices; self-perception; group cohesion; national identity; sociolinguistics; sociocultural studies; cultural memory; collective identity.

Л.П. Циленко, К.С. Циленко

ЯЗЫК, ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ НARRATIVЫ

Аннотация. Язык – это гораздо больше, чем просто система коммуникации; он играет центральную роль в формировании индивидуальных идентичностей и коллективных социальных структур. В этой статье

рассматривается, как лингвистические практики – способы, которыми мы используем язык в повседневном взаимодействии, культурном само выражении и институциональной коммуникации, – не только отражают наше внутреннее самовосприятие, но и помогают строить социальную канву сообществ, культур и наций, интегрируя междисциплинарные теоретические рамки из социолингвистики, теории социальной идентичности и социокультурных исследований. Авторы подчеркивают влияние языка на формирование личной идентичности, сплоченности групп, построение культурных и национальных повествований. Результаты позволили сделать вывод о том, что язык играет важную роль в качестве хранилища культурной памяти, а также динамичного инструмента в формировании коллективной идентичности.

Ключевые слова: язык; языковые практики; самовосприятие; групповая сплоченность; национальная идентичность; социолингвистика; социокультурные исследования; культурная память; коллективная идентичность.

Introduction. Language is intrinsically linked to the way individuals perceive themselves and their communities. It functions as a repository of cultural memory, values, and norms, often becoming a marker of identity. In both individual and collective contexts. Language shapes our understanding of culture and nationhood. This article investigates the multifaceted roles of language in forming identity, considering how linguistic practices contribute to self-perception, foster group cohesion, and influence the construction of cultural and national narratives.

The study is guided by the following research questions:

- How does language influence individual identity formation?
- In what ways does language contribute to collective identity and cultural cohesion?
- What role does language play in shaping national perceptions and fostering a sense of belonging?

In addressing these questions, the article draws upon a range of interdisciplinary perspectives and empirical research to elucidate the intricate relationship between language, culture, and identity.

Sociolinguistic Perspectives on Identity. Sociolinguistics provides a fundamental lens through which to examine the relationship between

language and identity. Concepts such as *linguistic repertoire* and *code-switching* illustrate how individuals navigate multiple language varieties to signal membership in various social groups. Scholars like Basil Bernstein and Pierre Bourdieu have highlighted the role of language in sustaining power dynamics and establishing social hierarchies. By analyzing how speakers adopt different styles in different contexts, sociolinguists reveal the underlying social structures that inform identity formation.

Social Identity and Cultural Theories. Social identity theory posits that individuals derive aspects of their identity from the groups to which they belong, including linguistic communities. Language operates not only as a communicative tool but also as a boundary marker that distinguishes between “us” and “them”. Sociocultural studies provide further insight into how language encapsulates sociocultural values, traditions, and histories. This understanding reinforces group identity and contributes to nation-building by establishing a shared narrative among community members.

Media, Digital Communication, and Hybrid Identities. In the digital age, media and online communication platforms have transformed the dissemination and evolution of cultural and national narratives. “Digital transformation is the transformation of all spheres of social life influenced by innovative ICT. The education system, which is the foundation of the innovative economy and forms its human potential, is also influenced by ICT” [1, p. 582]. Social media, blogs, and online news outlets offer new spaces where language continually reshapes public perception. These digital platforms facilitate the emergence of hybrid identities that blend national culture with global influences, further complicating traditional models of nationhood while also creating opportunities for more inclusive narratives.

The Role of Language Policy and Globalization. Globalization introduces complex multilingual interactions that challenge traditional notions of national identity. Language policies – whether they promote a single national language or endorse multilingualism – play a critical role in shaping cultural narratives and identity politics. “A further point of challenges for the Russian Federation to notice is the issue of

a new generation of experts' preparation for the global job market which supposes the importance of graduate employability skills relating to the knowledge of the English language as a means of international collaboration and a source of innovative scientific expectations" [2, p. 1]. The institutionalization of language through education, media, and government policies has a profound impact on how communities construct and perceive their cultural and national identities.

Language and Individual Identity Formation. From the moment children acquire language, they begin to develop a personal lexicon that shapes their experiences and self-concepts. The narratives individuals construct about their lives – rich with metaphors, idioms, and personal expressions – are crucial for forming a sense of identity. Through constant self-talk and interpersonal communication, people continually redefine who they are. These personal narratives are not static; they evolve as individuals encounter new experiences and reinterpret past events.

Narrative Construction and Emotional Expression. Language not only facilitates narrative construction but also serves as a medium for emotional expression. The choice of words, tone, and style in conveying emotions such as joy, sorrow, anger, or pride can significantly influence self-perception. Expressive language not only provides emotional catharsis but also reinforces a coherent and evolving self-identity aligned with personal experiences and societal expectations. Empirical studies in psycholinguistics suggest that bilingual or multilingual individuals often experience distinct cultural schemas activated by each language, contributing to a fluid and multifaceted identity.

Fostering Group Cohesion Through Shared Linguistic Practices. Shared language serves as an essential marker of group identity. Whether within families, ethnic communities, or professional networks, common linguistic practices – ranging from specialized jargon to culturally specific idioms – foster a strong sense of belonging. This shared language binds group members together and creates an implicit social contract that distinguishes insiders from outsiders.

The Power of Code-Switching. In diverse linguistic communities, code-switching – the ability to switch between different language registers according to context – plays a pivotal role in negotiating social

identity. This practice allows individuals to adapt their language use in ways that signal membership in multiple groups, thereby facilitating integration within a broader social fabric. Code-switching reflects the complex, adaptive nature of social identities in multicultural societies.

Rituals, Ceremonies, and Collective Memory. Linguistic rituals, such as national anthems, religious ceremonies, public speeches, and commemorative events, are vital for reinforcing collective memory and social cohesion. Through these culturally sanctioned practices, language transmits shared histories and values across generations, reinforcing the bonds that sustain group identity and promoting a sense of continuity and unity.

Constructing Cultural Narratives. Cultural narratives are the collective stories that embody a community's history, values, and aspirations. Through literature, folklore, music, and other cultural forms, language encapsulates and preserves these narratives, making them accessible to both current and future generations. Recurring themes, such as heroism, sacrifice, and resilience, serve to unify individuals under a common cultural identity.

The Role of Language in Nation-Building. Language is a key instrument in nation-building. Political leaders, policymakers, and educators use language to articulate a shared vision and create a unified national identity. National anthems, constitutions, and official documents drafted in a common language help establish a cohesive civic identity, while language policies can promote either unity or diversity within a nation. The deliberate cultivation of a national language or the equitable recognition of multiple languages can inspire collective action and foster national pride.

Conclusion. The study of linguistic practices reveals their profound role in shaping how individuals and groups construct identity. Language is a powerful tool for personal narrative, socialization, and emotional expression, serving as the foundation upon which self-perception is built. At the collective level, shared linguistic practices foster group cohesion and reinforce cultural and national narratives, acting as carriers of historical memory, traditions, and values. In an increasingly globalized and digitally mediated world, understanding the interplay

between language, culture, and identity is more important than ever. Future research and policy must embrace inclusive language practices and promote linguistic diversity to ensure that language remains a tool for empowerment rather than exclusion. By recognizing language as both a personal and collective resource, we can better navigate the complex terrain of identity in contemporary society.

References

1. DIGITAL TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION: KEY DIRECTIONS, OBJECTIVES, TOOLS, AND BENEFITS FOR ACHIEVING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE STATE (Article). URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85184720808&doi=10.26668%2frevistajur.2316-753X.v4i76.6537&origin=inward&txGid=9296a9abb2ee2fc82b6e253449a67bd0> (18.04.2025).
2. Adapting Russian Higher Education to Global Trends: The Growing Importance of Data Mining and English Language. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-70285-3_17 (18.04.2025).

УДК 81'373.612.2+81'373.612.22+81'1+81'27(510+575.1)

R.R. Charykulyyev

A COMPARATIVE STUDY OF DOG-RELATED IDIOMS IN TURKMEN AND CHINESE: LINGUISTIC FORMS AND CULTURAL CONNOTATIONS

Abstract. This study decodes cultural values through canine idioms in Turkmen and Chinese. Turkmen's nomadic heritage yields ambivalent dog metaphors – both guardian and outcast. Chinese idioms, shaped by Confucian hierarchy, overwhelmingly frame dogs as contemptible. The analysis reveals how language crystallizes each society's complex relationship with humanity's oldest companion.

Keywords: dog-related idioms; canine idioms; Turkmen; Chinese; idiomatic analysis; comparative study; cultural linguistics; semantic valuation.

P.P. Чарыкулыев

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИДИОМ С КОМПОНЕНТОМ «СОБАКА» В ТУРКМЕНСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ

Аннотация. Настоящее исследование раскрывает культурные ценности посредством анализа идиом с компонентом «собака» в туркменском и китайском языках. Кочевое наследие туркменского народа породило амбивалентные метафоры с участием собак, где эти животные выступают одновременно как защитники и как изгои. В китайских идиомах, сформированных под влиянием конфуцианской иерархии, собаки преимущественно изображаются в негативном свете. Проведенный анализ демонстрирует, каким образом язык отражает сложные взаимоотношения каждого общества с древнейшим спутником человека.

Ключевые слова: идиомы с компонентом «собака»; зооморфные фразеологизмы; туркменский язык; китайский язык; идиоматический анализ; сравнительное исследование; культурная лингвистика; семантическая оценка.

1. Introduction

Idioms function as linguistic reflections of cultural ethos, and animal-related phrases – especially those concerning dogs – offer profound insights into societal attitudes. This research compares Turkmen and Chinese dog-related idioms to address three key questions:

Linguistic Patterns: How is the concept of “dog” metaphorically embedded in each language?

Cultural Connotations: What positive, negative, or neutral associations are linked to canine imagery?

Historical Influences: How have religion, economic systems, and social hierarchies shaped these expressions?

2. Methodology

The study adopts a multi-faceted approach:

Corpus Analysis: Drawing idioms from Turkmen and Chinese oral traditions and classical texts.

Semantic Classification: Categorizing idioms based on their implied meanings – positive, negative, or neutral.

Cultural Interpretation: Situating findings within broader historical and sociolinguistic contexts to uncover deeper significance.

3. Dog-Related Idioms in Turkmen

Beyond their formidable physical presence, Alabai dogs (Central Asian Shepherd dog) occupy a revered space in Turkmenistan's cultural psyche, embodying virtues that transcend their role as mere livestock guardians. These majestic canines represent profound cultural ideals through both linguistic expressions and lived traditions.

Turkmens identify themselves as muslims. And Islamic tradition often associates dogs with ritual impurity (جُنْجُونْ najis – “impure” in arabic), by stating: “If a dog drinks from a vessel, wash it seven times, the first time with dirt” [1], while the Turkmen language and folklore reveal a more complex, layered perspective shaped by the nation's nomadic heritage. This duality manifests strikingly in canine-related idioms that celebrate dogs' virtues – a cultural counterpoint to predominant religious views. This tension between Islamic doctrine and pastoral pragmatism creates a unique linguistic duality. Russian ethnographer Vladimir Basilov observed: “*The Turkmen's Alabai is both a 'najis' beast and a child's bedtime guardian – such contradictions define Central Asian syncretism*” [2].

3.1. Positive Connotations

“*Alabayý ýaly güýçli*” (“Strong as an Alabai”) – praising Central Asian Shepherd's protective nature. “*It janly*” (“Having a dog's vitality”) – referring to a person's remarkable resilience. “*Tazy ýaly ylgamak*” (“To run like a hound”) – admiration for speed and agility.

3.2. Negative Connotations

Turkmen idioms frequently attach negative traits to dogs, such as:

“*It sözüne ynanma*” (“Don't trust a dog's word”) – a caution against deceitful individuals. “*It ýaly*” (“Like a dog”) – A demeaning comparison for human behavior. “*Guduzlan it (köpek) ýaly*” (“Like a mad dog”) – describing someone consumed by anger [3]. “*Itçe görmezlik*” – to treat

someone with extreme neglect, worse than a dog. “*It ýylgyryşyny etmek*” (“To smile like a dog”) – a sarcastic or insincere grin.

3.3. Neutral Connotations

Some idioms use canine references without strong emotional bias:

“*It alnyna gelen, gurt alnyna-da geler*” (“If it can happen to a dog, it can also happen to a wolf”) – highlighting life’s unpredictability. “*It gary*” (“Dog snow”) – the first, thin snowfall of winter. “*Iti çykmak*” (“To look like a dog”) – to appear utterly exhausted.

4. Dog-Related Idioms in Chinese

The representation of dogs in Chinese language and culture reveals deeply embedded sociocultural values, shaped by Confucian ideology, agrarian subsistence, and historical textual traditions. This analysis examines how canine-related idioms encode cultural attitudes, with attention to their semantic evolution and contemporary relevance.

4.1. Neutral/Positive Connotations

A few idioms acknowledge dogs’ practical roles:

“*Gǒu zhǎng rén shì*” (狗仗人势, “A dog leans on its master’s power”) – Criticizing those who exploit authority. “*Jīquǎn zhī láo*” (鸡犬之劳, “The labor of chickens and dogs”) – a humble but useful effort.

4.2. Negative Connotations

Chinese idioms often employ “狗 (gǒu)” derogatorily:

“*Gǒu xuè pēn tóu*” (狗血喷头, “Sprayed with dog’s blood”) – a vehement verbal assault [4]. “*Gǒu tuǐzi*” (狗腿子, “Dog’s leg”) – an insult for a servile underling. “*Gǒu jǐ tiào qiáng*” (狗急跳墙, “A cornered dog jumps over a wall”) – desperate but futile actions. “*Láng xīn gǒu fèi*” (狼心狗肺), “Wolf heart, dog lungs”) – describing cruelty and treachery.

5. Comparative Analysis

The linguistic representation of canines in Turkmen and Chinese cultures reveals fundamental divergences rooted in distinct historical trajectories and cultural paradigms. This analysis examines six critical dimensions of comparison between these idiomatic traditions.

Valuation and Cultural Perception

Turkmen idioms present a complex duality in canine representation, simultaneously acknowledging dogs' functional utility while recognizing their ritual impurity. This ambivalence manifests in expressions that both praise the Alabai's strength ("Alabaý ýaly güýcli") and caution against canine deceit ("It sözüne ynanma"). In stark contrast, Chinese idioms predominantly employ canine imagery to convey moral censure and social denigration, as evidenced by uniformly pejorative expressions like "狗腿子" – gǒu tuǐzi (servile underling) and "狗急跳墙" – gǒu jí tiào qiáng (desperate but futile action).

Religious and Philosophical Underpinnings

The Turkmen linguistic tradition reflects an ongoing negotiation between Islamic purity concepts and practical pastoral needs. While Islamic doctrine classifies dogs as najis (ritually impure), the economic necessity of herding and protection has preserved positive canine associations. Conversely, Chinese idioms embody Confucian hierarchical principles that position dogs at the bottom of the wǔlún (五伦) social order, resulting in consistently negative metaphorical usage.

Economic Foundations

The economic context of canine utility differs markedly between these cultures. Turkmen society, with its nomadic pastoral roots, values dogs as essential working partners and capital assets, particularly the Alabai breed. Chinese agricultural traditions, by comparison, historically viewed dogs primarily as scavengers, lacking the productive roles that might generate positive associations.

Metaphorical Spectrum

Turkmen idioms demonstrate remarkable breadth in canine representation, spanning from terms of respect ("It janly" – possessing a dog's vitality) to expressions of distrust. Chinese idiomatic usage remains narrowly focused on negative attributes, with canine terms exclusively employed to denote servility, foolishness, or moral deficiency.

Historical Development

Pre-Islamic animist influences persist in Turkmen canine terminology, visible in lexical fossils that predate Islamic conversion. Chinese classical texts, particularly the foundational Confucian classic

text 礼记 (Lǐjì – Book of Rites), systematically institutionalized canine disdain, establishing patterns that endure in modern usage. On this point, a professor of early Chinese history at University of California Michael Nylan states: “The Liji’s exclusion of dogs from ritual spaces (犬马不上于堂 quǎn mǎ bù shàng yú tang – Dogs and horses are not permitted in the ritual hall) reflects Confucian emphasis on hierarchy and purity, contrasting with their utilitarian roles in nomadic societies [5]”.

Contemporary Evolution

Both traditions show signs of transformation in response to modernization. Urbanization weakens pastoral associations in Turkmen idioms, while Chinese pet culture generates new, more neutral terminology like “宠物狗” – chōngwù gǒu (pet dog). However, these changes occur within established frameworks, with traditional valuations continuing to influence emerging expressions.

Implications for Cultural Understanding

This comparison demonstrates how subsistence patterns and religious-philosophical systems shape linguistic representation. The Turkmen model shows adaptive flexibility in maintaining contradictory valuations, while the Chinese tradition exhibits remarkable consistency in negative representation across centuries. These differences highlight how language preserves and transmits fundamental cultural orientations toward the natural world and animal-human relationships.

6. Conclusion

This study reveals how linguistic representations of dogs encode fundamental cultural logics. The Turkmen corpus manifests a pastoral – Islamic synthesis, where pragmatic utility (e.g., *Alabaý ýaly güýçli* – “strong as an Alabai”) coexists with ritual restrictions, reflecting nomadic adaptive strategies. In contrast, Chinese idioms exhibit Confucian systematization, consistently deploying canine metaphors (e.g., *gōutuǐzi* – “dog’s leg”) to reinforce social hierarchy and moral censure.

Three key findings emerge: 1. Subsistence shapes semantics: Pastoral dependence produces ambivalent idioms; agrarian detachment enables uniform pejoration. 2. Texts institutionalize values: The Liji’s ritual exclusions contrast with Turkmen oral traditions’ functional duality. 3. Language fossilizes change: Modern urban idioms (e.g., chōngwù

gōu – “pet dog”) signal shifting human-animal relations while retaining historical traces.

These patterns confirm that animal metaphors serve as diachronic cultural indices, requiring interdisciplinary analysis to unpack their layered significances. Future research should investigate how urbanization and globalization are reshaping these entrenched linguistic schemata.

References

1. *Muslim ibn al-Hajjāj al-Qushayrī. Saḥīḥ Muslim: The Authentic Hadiths of Muslim with Full Arabic Text. Translated by Nasiruddin al-Khattab. Edited by Ḥafīẓ Abū Ṭāhir Zubair ‘Alī Za’ī. 7 vols. Vol. 1. Riyadh: Darussalam, 2007.* P. 188.
2. *Basilov, Vladimir N. Nomadic Traditions of Central Asia.* Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1989. P. 112–114.
3. *Hamzayev M. Dictionary of The Turkmen Language.* Ashgabat: TSSR Scientific Academy Press, 1962. P. 774.
4. *Wang, Tao, ed. Zhongguo Chengyu Da Cidian [Comprehensive Dictionary of Chinese Idioms].* Shanghai: Shanghai Lexicographical Publishing House, 2007. P. 423.
5. *Nylan, Michael. The Five “Confucian” Classics.* New Haven: Yale University Press, 2001. P. 217.

УДК 82(092) + 299.7 + 008(=512.145)

М.С. Чинлода

РОЛЬ ТЕНГРИАНСКИХ СИМВОЛОВ И СМЫСЛОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Ч.Т. АЙТМАТОВА

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются символы и образы, восходящие к тенгрианским представлениям, в произведениях Чингиза Айтматова, яркого представителя транслингвальной литературы. Автор исследует элементы древнетюркской религиозной традиции, передающиеся писателем-билингвом средствами русского языка и служащие для выражения универсальных философских и экзистенциальных идей, формируя особое мифопоэтическое пространство, сочетающее архаику и современность. В этой связи ставится основная цель исследования: определение роли религиозных символов тенгрианства в художественном творчестве Ч. Айтматова.

Ключевые слова: тенгрианство; символ; смысл; миф; Айтматов; религия; культура; традиция; образ мира.

M.S. Chinloda

THE ROLE OF TENGRIAN SYMBOLS AND MEANINGS IN THE WORKS OF CHINGIZ AITMATOV

Abstract. This article examines the symbols and images rooted in Tengrian beliefs as represented in the works of Chingiz Aitmatov, a prominent figure of translingual literature. The author explores elements of the ancient Turkic religious tradition, conveyed by the bilingual writer through the Russian language, which serve to express universal philosophical and existential ideas. These symbols help to form a unique mythopoetic space that unites the archaic with the modern. In this context, the main aim of the study is to determine the role of Tengrian religious symbols in Aitmatov's literary works.

Keywords: Tengrianism; symbol; meaning; myth; Aitmatov; religion; culture; tradition; worldview.

Сегодня внимание многих исследователей нацелено на изучение транслингвальной творческой практики писателей-билингвов, которые «знакомят своих читателей со своей лингвокультурной идентичностью средствами иного языка» [1]. Данный вид литературы, образованной как практическое направление транслингвизма, З.Г. Прошина называет «транслингвальной» [2].

Транслингвальная литература определяется тем, что «средствами доминирующего языка автор передает свою собственную идентичность» [1]. Как отмечает У.М. Бахтикеева, представители транслингвальной литературы «либо транслируют вовне реалии собственной психологии и культуры, либо вовсе переконструируют мир силами совмещенных языковых и культурных сфер <...> в художественное измерение автором трансфертируется этно-культурное содержание» [3]. Таким образом, в результате творческого переосмыслиения, дополнения и трансляции своей культуры

средствами иного языка рождается уникальный текст, отличающийся этнокультурным многообразием [1].

К числу писателей, создавших неповторимые произведения, где средствами русского языка мастерски передаются чувства и об разность своей родной культуры, относится Ч.Т. Айтматов.

Так, произведения Ч. Айтматова, написанные на русском языке, насыщены различными метафорами, сравнительными оборотами и смыслами кыргызского мировидения, создающими необычные для русскоязычного читателя национально-культурные образы. Например, выражение “С тех пор, как Сейде родила, *сон у нее чуток, как у птицы*” [4, с. 21] – это результат переосмыслиния кыргызской метафоры *куш уйку* ‘птичий сон’, которая характеризует человека чуткого, способного мгновенно просыпаться [5]. Также можно объяснить кыргызское мировидение писателя в таких образных выражениях, как *ворот шинели грубым ворсом царапает ей лицо, словно волосяной аркан*; *лицо, как кошма; носит детишек, как щенят; снег, точно квеляя кошма, расползся; тропинки звенели, как желе зо*, и др.

Кроме того, художественный мир Ч. Айтматова представляет собой сложную культурную ткань, в которую вплетены элементы различных религиозных и философских систем. Особое место в этом мире занимает тенгрианство – древняя система верований тюркских и монгольских народов, основанная на почитании Неба (Тенгри) как высшей силы.

Ч.Т. Айтматов как носитель кыргызской культуры, в которой история оставила яркие следы тенгрианства, наполняет свои произведения образами, берущими начало в тенгрианстве [6]. Например, *Потому-то прежние люди говорили: «Ум от неба, споровка сзы мальства»* («Пегий пес, бегущий краем моря») [7]. В данном контексте ум – способность, которую человек получает от неба, то есть от Господа. Однако в данном контексте небо – объект поклонения в тенгрианстве.

Так, небо в произведениях Айтматова – это не просто природное явление, а одушевленная, сакральная субстанция, обладающая волей, мудростью и судьбоносной силой. Например, в таких

произведениях, как «Ранние журавли» и «И дольше века длится день», Небо становится пространством диалога человека с вечностью. Оно наблюдает, судит и охраняет, как бы выступая аналогом тенгрианского Верховного Бога – Тенгри.

Известно, что тенгрианство не ограничивалось поклонением небу, которое являлось главным объектом обожествления. Люди имели тесный контакт с природой и животными и придерживались убеждения о существовании различных видов духов-покровителей, что отразилось на кыргызской культуре, где *Чолпон-Ата* – покровитель лошадей, *Уйсул-Ата* – покровитель овец, *Умай-Эне* – покровительница детей и домашнего очага, и др. Поэтому религиозные символы тенгрианства широко представлены в кыргызской мифологической картине мира такими персонажами, как: «1) *колдоочу* (покровитель), *илээшкен* (сопровождающие человека добрые духи); 2) *албарсты* – демонический образ женщины, которая воплощает в себе злое начало» [8, с. 25]. Эти образы выявляют культурно-историческое прошлое кыргызов, которое отражается в произведениях Ч. Айтматова, определяя культурно-исторические корни автора [6].

Так, Ч. Айтматов активно использует мотивы древних преданий и легенд, в которых сохранены архаические представления о мире. В повести «Белый пароход» миф о матери-оленихе воплощает идею сакральной связи человека с природой, с его корнями и родом. Этот образ восходит к шаманистским и тенгрианским верованиям о тотемных животных и духовных покровителях.

Например, образы злых духов айтматовских произведений коррелируют со злыми духами хозяев природы – Ээзи, Албыс, Диирен: «*Ненавидят злые духи отцов и сыновей, когда они вместе на охоте. Погубить могут одного из них, чтобы силу и волю отнять у другого, чтобы с горя поклялся один из них неходить в море, не вступать в лес*» («Пегий пес, бегущий краем моря») [7, с. 583].

Кроме того, в произведении «Когда падают горы» Ч. Айтматов трансформирует образ духа-природы и, опираясь на народные представления о «кайыпах» (пер.: невидимые), широко представленные в эпосе «Манас», создает перед читателем образ «Вечной Невесты» [9]: «*Знаешь, в горах у нас такой обычай – каждое лето в ночь*

полнолуния страдальцы по Вечной Невесте собираются на высокой горе и разжигают костер, чтобы видно было ей издали. А шаманы бьют в барабаны и пляшут, выкриквая имена ее и потерявшегося жениха, – зовут их явиться к огню. И женщины кричат и плачут у костра. И, бывало, сказывают, появлялась она где-то в тени, кланялась и исчезала» [10, с. 136].

Таким образом, через образы природы, животных, традиций и мифологических мотивов Айтматов не только возрождает архаические смыслы, но и переосмысливает их, создавая новые образы персонажей для своих произведений.

Отсюда символика и философия тенгрианства занимают важное место в художественной системе Ч. Айтматова. Через архаические образы, смыслы и символы, мифы и космогонические структуры он передает универсальные смыслы, раскрывающие глубинную связь человека с миром, природой и вечностью. Тенгрианство в его творчестве выступает не просто как этнокультурное наследие, но и как способ формирования индивидуально-авторской картины мира писателя.

Литература

1. Чинлода М.С. Особенности межъязыковой трансляции образности художественного текста средствами арабского языка: на материале Ч. Айтматова «Белый пароход» // Вестник Российской университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1438–1449. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1438-1449>
2. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Полилингвальность и транскультурные практики. 2017. Т. 14. № 2. С. 155–170. EDN: ZEFYJR
3. Бахтикеева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры. Вестник Российской университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 57–63. EDN: YFUBNV
4. Айтматов Ч.Т. Лицом к лицу // Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1 / сост. А. Акматалиев, Н. Ыйсаева. Бишкек: Улуг тоолор, 2018. 488 с.

5. Тагаев М.Дж., Чинлода М.С. Транслингвальные процессы в индивидуально-авторской картине мира Ч. Айтматова // Научная мысль Кавказа. 2024. № 1. С. 95–101.
6. Чинлода М.С. Особенности репрезентации религиозных символов в транслингвальной литературе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. № 6с. С. 133–139.
7. Айтматов Ч.Т. Пегий пес, бегущий краем моря. Фрунзе: Кыргызстан, 1988. 582 с.
8. Каратаев О.К., Эралиев С.Н. Кыргыз этнография боюнча. Бишкек: Бийиктик, 2005. 600 с.
9. Поморцева Н.В., Красильникова С.В., Тагаев М.Д., Чинлода М.С., Эрнисова А.Э. Мифологема горного духа в художественной картине мира Ч.Т. Айтматова, К.-Э. Кудажы, С.К. Тока // Новые исследования Тувы. 2024. № 1. С. 88–103. URL: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.6>.
10. Айтматов Ч.Т. Когда падают горы: (Вечная невеста): Роман, повесть, новелла. СПб.: Азбука – классика, 2007.

УДК 81'362: 81'271.2

H.B. Янкын

**ПРАГМАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ
И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ
РЕЧЕВОГО АКТА «ПОЖЕЛАНИЕ»
В РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. Речевой этикет в своей реализации является речевым актом, поскольку этикетные высказывания частотны и стереотипны. Среди прагматических особенностей речевого этикета можно выделить способ выражения иллокутивной силы. Успешности высказывания способствует правильное понимание и интерпретация его иллокутивной силы. Речевой этикет также является важной частью речевого поведения, которое имеет национально-культурные особенности и регулируется социальными и языковыми нормами. Речевой этикет как составляющая категории вежливости позволяет говорящему проявить внимание к собеседнику, сопереживание, желание идти на контакт. Реализация принципа вежливости также зависит от выбора языковых средств. Этикетные выражения и этикетные ситуации стандартны, однако существует постоянный

выбор наиболее подходящего выражения из обширного языкового арсенала, в зависимости от социальных особенностей адресанта или адресата, от официальной или неофициальной ситуации взаимодействия. Важное место при анализе этикетных формул пожелания занимает осмысление формальной стороны этикетных выражений, их грамматико-синтаксического оформления. В данной статье анализируются этикетные речевые формулы пожелания в русском и турецком языках; выявляются способы выражения и pragmaticальные особенности речевого акта «пожелание».

Ключевые слова: речевой этикет; pragmalingвистические параметры; речевой акт; пожелание; иллокутивные силы; интенция.

N.V. Iankyn

PRAGMATIC CONTENT AND WAYS OF EXPRESSING THE SPEECH ACT “WISH” IN RUSSIAN AND TURKISH LANGUAGES

Abstract. Speech etiquette in its realization is a speech act, because etiquette statements are frequent and stereotypical. Among the pragmatic features of speech etiquette, we can single out the way of expressing the illocutionary force. The correct understanding and interpretation of its illocutionary force contributes to the success of an utterance. Speech etiquette is also an important part of speech behavior, which has national and cultural features and is regulated by social and linguistic norms. Speech etiquette as a component of the category of politeness allows the speaker to show attention to the interlocutor, empathy, willingness to make contact. The realization of the principle of politeness also depends on the choice of linguistic means. Etiquette expressions and etiquette situations are standard, but there is a constant choice of the most appropriate expression from the vast linguistic arsenal, depending on the social characteristics of the addressee or addressee, on the official or unofficial situation of interaction. An important place in the analysis of etiquette formulas of wishes is occupied by comprehension of the formal side of etiquette expressions, their grammatical and syntactic design. This article analyzes etiquette speech formulas of wish in Russian and Turkish languages; it reveals the ways of expression and pragmatic features of the speech act “Wish”.

Keywords: speech etiquette; pragmalinguistic parameters; speech act; wish; illocutionary forces; intention.

Речевой этикет представляет собой наглядный пример регламентированного речевого взаимодействия и связан с вежливостью. Категория вежливости входит в состав функционально-семантических с прагматическими функциями выражения отношения говорящего к партнеру.

Формулы речевого этикета являются информативным языковым материалом для лингвокультурологических исследований, поскольку содержат в себе культурную, историческую, социальную информацию как об устройстве национального общества, так и о национальной картине мира. Каждый народ по-своему членит мир и концептуализирует реальную картину мира.

Речевой этикет становится предметом исследования в прагмалингвистике, поскольку соблюдение правил речевого этикета является условием успешной, гармоничной коммуникации. Прагматика занимается вопросом «как человек действует при помощи языка?». В центре внимания в прагматических исследованиях стоит человек как субъект речевой деятельности.

В данной статье анализируются этикетные речевые формулы пожелания в русском и турецком языках; выявляются способы выражения и прагматические особенности речевого акта «пожелание», с помощью которого обеспечивается поддержание контакта и сохранение равновесия в обществе.

Среди прагматических особенностей можно выделить способ выражения иллокутивной силы в пожеланиях: прямой и косвенный. Успешности высказывания способствуют правильное понимание и интерпретация его иллокутивной силы. В прямых речевых актах эксплицитное значение определяется общезыковым значением компонентов предложения, а в косвенных иллокутивная сила одного вида речевого акта используется для осуществления другого вида речевого акта, и это происходит за счет коммуникативной компетенции говорящего.

Выявление стандартных средств оформления пожеланий нашло отражение в работах многих ученых. Так, в своем исследовании Е.В. Вдовина отмечает, что пожелание «содержит колоссальное количество структур для своего воплощения», по устойчивым

моделям могут создаваться свободные индивидуализированные высказывания [1, с. 15]. По мнению Н.А. Трофимовой, языковые средства, оформляющие речевой акт пожелания в русском языке, не отличаются большим разнообразием [2, с. 92].

Д.Ф. Коморова, рассматривая структуру и коммуникативное воплощение пожеланий, отмечает, что в русском языке ядром являются эксплицитные высказывания, а периферийная зона представлена императивными или модифицированными высказываниями [3].

В русском языке пожелание может быть выражено прямым эксплицитным способом с перформативным глаголом «желать»: **желаю вам здоровья и удачи!** и косвенным способом, требующим коммуникативной компетенции говорящего для распознавания интенции, однако доминантным все же является имплицитно-перформативный способ выражения пожелания.

В турецком языке эксплицитная форма пожеланий, содержащая перформативный глагол *dilemek* (желать), оформляет в основном пожелания, входящие в речевой акт поздравления: ***Mutluluklar diliyorum!*** Стоит отметить ситуативное многообразие и частотность употребления пожеланий в турецком языке.

Пожелания в русском языке могут быть представлены инфинитивными конструкциями: **желаю жить долго и счастливо.** Часто употребляются высказывания в составе составного именного склоняемого: **желаю быть счастливым;** а также конструкции с союзом **чтобы:** **желаем, чтобы сбылась ваша мечта.**

Еще одним способом выражения пожелания в русском языке являются высказывания, в которых подлежащее и сказуемое могут быть одновременно опущены: **Успехов! Приятного аппетита! Удачи!** и др. Подобные усеченные выражения часто употребляются в неофициальной обстановке.

Пожелание в турецком языке может быть представлено конструкциями без глаголов, содержащими аффикс множественного числа *-lar/-ler*: ***Hayırlı sabahlar! İyi sabahlar!*** (хорошее утро!); ***İyi günler!*** (хороший день!); ***Hayırlı akşamalar! İyi akşamlar!*** (хороший вечер!); ***İyi geceler!*** (спокойной ночи!); ***İyi uykular!*** (хорошего сна!); ***Tatlı rüyalar!*** (сладких сновидений!); ***İyi dersler!*** (успешных

занятий!); *İyi tatiller!* (хорошего отдыха!); *İyi eğlenciler!* (хорошего веселья!) [4, с. 94].

Широко представлены в русском языке императивные конструкции, в которых в основном используются глаголы в форме 2-го лица повелительного наклонения: *Будьте здоровы! Выздоровливайте!*

Интенция пожелания в турецком языке также может быть передана конструкциями, содержащими глагол в повелительном наклонении: *Allah göz aydınlığı versin* (пусть Аллах даст свет (радость) глазам); *Cennet mekanı olsun* (пусть рай будет твоим пристанищем); *Bir yastıkta kocayın* (состариться вам на одной подушке); *Allah ambarının dibini göstermesin* (пусть не покажет Аллах дно амбара).

Еще одна императивная конструкция пожелания в русском языке представлена сочетанием частицы *пусть* с формой глагола 3-го лица изъявительного наклонения: *пусть сбудутся все ваши мечты!* В пожелании, представленном сочетанием частицы *да* с формой глагола 3-го лица, требуются в качестве сказуемого определенные глаголы (*хранить, помогать, благословить, посыпать*); а в качестве подлежащего выступают – Бог, Господь, ангел, святой, духи, небо, Всевышний: *да хранит вас Бог!*

В русском языке активно употребляется конструкция, содержащая выражение «*дай Бог*»: *дай Бог вам всего самого хорошего!* Можно отметить конструкции пожелания с фразеологизированной формой: *не дай Бог*.

Можно заметить пожелания в русском языке, выраженные в конструкции с модальным глаголом в сослагательном наклонении: *Мне хотелось бы пожелать вам удачи!* Такие речевые единицы являются формами с высокой степенью торжественной вежливости.

В турецком языке еще одним способом оформления пожелания является использование различных временных форм глагола. Расширенное время глагола (*Geniş Zaman*) в турецком языке представляет собой форму, характеризующую промежуток времени, который длится от прошлого и нацелен в будущее. Пожелания, оформленные глаголом в форме расширенного времени, содержат

специальный маркер будущего времени – ритуальное молитвенное восклицание, междометное выражение *İnşallah!* (если будет воля Аллаха): *Fidan boylu gelinlerin olur inşallah* (если будет воля Аллаха, пусть у тебя будут статные невесты (ростом как саженцы)).

Некоторые пожелания в турецком языке не имеют значения направленности на будущие события, такие пожелания констатируют свершившееся действие и оформлены модально-временной формой очевидного прошедшего времени (*Görülen Geçmiş Zaman*) (очевидное прошедшее время): *Allaha ismarladık* (препоручили тебя Аллаху). Это выражение представляет собой пожелание в ситуации прощания; оно содержит значение «пусть человек находится под защитой Аллаха».

Значительное количество выражений с интенцией пожелания передается в турецком языке конструкциями, содержащими глаголы желательного наклонения (*İstek Kipi*): *Ağlayanlardan uzak kalasın* (быть тебе далеко от плачущих), *Uzun ömürle mesut yaşıyayasin* (жить тебе долго и счастливо). Грамматической семантикой этой формы является значение желания, намерения.

В турецком языке пожелания могут быть оформлены специальными синтаксическими конструкциями, содержащими прямую речь: *“Ettim, buldum” diyesin* (желаю) тебе сказать: «Сделал, нашел»), *Allah sana «Kulum” demeye.*

Пожелания в турецком языке могут быть оформлены сложными синтаксическими конструкциями: *Allah ne muradin varsa versin* (пусть Аллах исполнит все, что ты пожелаешь); *Allah tuttuğunu kolay getirsin* (пусть с легкостью выполняется работа, за которую ты принимаешься); *Hayır edenlerin çok olsun* (пусть тебе встречаются много людей, делающих добро).

В турецком языке пожелания могут быть рифмованными и содержать фразеологические единицы: *Taş gibi yatasınız, Kuş gibi kalkasınız* (заснуть вам как камень, проснуться как птица); *Sofraya nur, Kaza bela geri dur* (света вам на стол с угощениями, неприятности пусть останутся далеко); *Açık kapınız kapanmasın düzeniniz bozulmasın* (пусть не закроются ваши открытые двери (в значении удачи), пусть не нарушится порядок).

Если говорить о косвенных способах выражения речевого акта пожелания, то их спектр в этой сфере достаточно ограничен. По мнению Н.А. Трофимовой, «пожелание как речевое действие с интенцией совершить «поглаживание» адресата и укрепить тем самым фундамент отношений с ним не допускает косвенности во избежание недопонимания и недоразумений, а следовательно, речевых неудач» [2, с. 103]. Н.И. Формановская отмечает, что косвенное пожелание может быть выражено в модальной фразе: **Я надеюсь, что вы впредь будете осторожны** [5, с. 96].

Таким образом, косвенные выражения пожеланий ограничены ситуацией, степенью вовлеченности участников коммуникации в общий контекст и способностью адресата расшифровать завуалированные смыслы пожелания, закодированные адресантом.

Не менее важным фактором при выборе языковых средств пожелания является социальный статус или иерархия отношений коммуникантов. Пожелания вышестоящему более сдержанны и направлены на сохранение дистанции. Такие пожелания характеризуются структурным разнообразием и распространенной пропозицией, употреблением эксплицитно-перформативных вариантов иногда с добавлением обращения, выраженного титулом или фамилией. В отношении равного по статусу адресата используются как краткие клишированные формулы, так и индивидуализированные личностные языковые средства эксплицитного и имплицитного характера.

Таким образом, речевой акт «пожелание» имеет целью поддержание коммуникативного равновесия между участниками общения, поэтому косвенные способы выражения пожелания встречаются редко. В турецком языке преобладают имплицитно-перформативные высказывания пожеланий, характеризующиеся разнообразием языковых форм выражения. В русском языке ядром является эксплицитно-перформативная форма выражения пожелания, содержащая перформативный глагол. Наиболее стереотипными формами выражения пожелания в русском языке также являются имплицитно-перформативные высказывания.

Речевой акт «пожелание» в турецком языке отличается многочисленностью и ситуативным разнообразием и зачастую представляет собой просьбу, обращенную к Аллаху, являясь полиинтенциональным речевым актом. Пожелание в турецком языке может быть прямым и косвенным речевым актом и выражаться в эксплицитной или имплицитно-перформативной форме.

Литература

11. *Вдовина Е.В.* Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Вдовина. М., 2007. 24 с.
12. *Трофимова Н.А.* Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ / Н.А. Трофимова. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
13. *Коморова Д.Ф.* Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Д.Ф. Коморова. Томск, 2005. 23 с.
14. *Дербишева З.К.* Сравнительная грамматика русского и турецкого языков / З.К. Дербишева. М.: Флинта, 2022. 296 с.
15. *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. М.: Рус. яз., 2002. 216 с.

УДК 808.5

А.Т. Тилекматова, С. Данияр кызы

НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ РАКУРС ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ЛИНГВИСТОВ КЫРГЫЗСТАНА ПО ДАННЫМ РИНЦ

Аннотация. Статья посвящена анализу публикационной активности лингвистов Кыргызстана. Рассматриваются действующие доктора наук в области лингвистики. Цель статьи заключается в обращении к возможностям использования современных данных научометрии для адаптации к новым условиям подготовки научных кадров и повышения уровня научных исследований в области языкознания КР. Авторы приводят сравнительные показатели на основании данных РИНЦ.

Ключевые слова: лингвистика; научометрия; языковеды Кыргызстана; публикационная активность; рейтинг.

A.T. Tilekmatova, S. Daniyar kyzы

SCIENTIFIC PERSPECTIVITY OF PUBLICATION ACTIVITY OF LINGUISTS OF KYRGYZSTAN BASED ON RINTS DATA

Abstract. The article is devoted to the analysis of publication activity of linguists of Kyrgyzstan. The current doctors of science in the field of linguistics are considered. The purpose of the article is to address the possibilities of using modern scientometric data to adapt to new conditions of training scientific personnel and to improve the level of scientific research in the field of linguistics of the Kyrgyz Republic. The authors provide comparative indicators based on Russian Science Citation Index data.

Keywords: linguistics; scientometrics; linguists of Kyrgyzstan; publication activity; rating.

В настоящее время Кыргызстан живет бурной жизнью активных перемен. Они касаются практически всех сторон жизни общества. Наука не составляет исключения. 19 декабря 2024 года Президент Кыргызской Республики С.Н. Жапаров в своем выступлении перед учеными НАН КР критически оценил современное состояние отечественной науки и подчеркнул, что в Кыргызстане ощущается нехватка современных исследований, которые находят признание в других странах. Поэтому остро требуются смелые и неординарные научные предложения, проекты и новые открытия. И действительно, сфера науки прежде всего ассоциируется с генерированием нового, что привлекает ученых из разных научных школ и стран [4]. О научных школах в настоящее время можно говорить только тогда, когда их приверженцами являются ученые, работающие в разных странах. Для этого очень важно, чтобы об исследователях из Кыргызстана знали и с ними хотели сотрудничать ученые из других стран. Это налагает на кыргызстанских авторов дополнительные

требования и ответственность, которые, в частности, сводятся к на- выкам генерирования новых исследовательских подходов и знаний, способности писать на английском и русском языках, умению ори- ентироваться в различных направлениях современной науки о че- ловеческом языке.

Объективным показателем публикационной и творческой активности ученых, в том числе и лингвистов, служат научометрические показатели, признанные в международном научном сообществе. В данной статье сделана попытка показать такие по- казатели в области отечественной лингвистики по данным e-library. Как известно, лингвистика традиционно имеет большую значи- мость для устойчивого развития общества в целом [1; 2].

Целью исследования является выявление возможностей ис- пользования современных данных научометрии для адаптации к новым условиям подготовки научных кадров и повышения уровня научных исследований в области языкознания КР.

Наукометрический анализ представляет собой эффективный инструмент для оценки научной активности и вклада исследова- телей в развитие научного знания. Современные цифровые библиометрические базы данных, такие как Российский индекс науч- ного цитирования (РИНЦ), предоставляют широкие возможности для проведения количественного анализа научных публикаций [3]. Многие работы кыргызстанцев, в том числе и монографии, не вошли в базу данных РИНЦ. Поэтому всякий научометриче- ский анализ является относительным [5]. В данной статье рас- сматриваются научометрические данные лингвистов Кыргызстана, чьи работы индексируются в РИНЦ. Это делается не с целью оценивания, а как попытка применения научометрии для лингви- стики. Кроме РИНЦ, можно обращаться к другим базам данных (таблица 1).

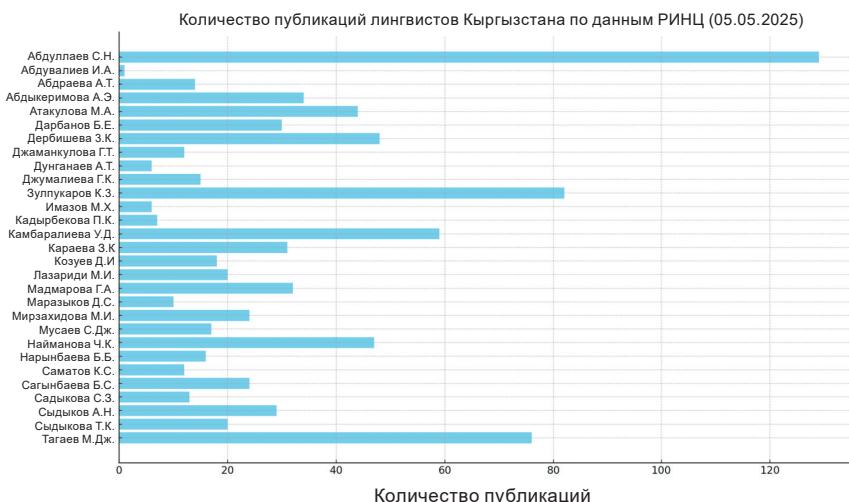
Таблица 1 – Наукометрические показатели лингвистов
Кыргызстана по данным РИНЦ (05.05.2025)

№	Автор	Кол-во публикаций	Кол-во цитирований	Индекс Хирша
1	Абдуллаев С.Н.	129	263	7
2	Абдувалиев И.А.	1	7	0
3	Абдраева А.Т.	14	8	1
4	Абдыкеримова А.Э.	34	25	1
5	Атакулова М.А.	44	105	5
6	Дарбанов Б.Е.	30	21	2
7	Дербишева З.К.	48	311	7
8	Джаманкулова Г.Т.	12	0	0
9	Дунганаев А.Т.	6	5	1
10	Джумалиева Г.К.	15	11	2
11	Зулпукаров К.З.	82	408	7
12	Имазов М.Х.	6	16	0
13	Кадырбекова П.К.	7	10	1
14	Камбаралиева У.Д.	59	169	6
15	Караева З.К.	31	100	4
16	Козуев Д.И.	18	12	1
17	Лазариди М.И.	20	93	4
18	Мадмарова Г.А.	32	62	3
19	Маразыков Д.С.	10	119	3
20	Мирзахидова М.И.	24	4	1
21	Мусаев С.Дж.	17	256	9
22	Найманова Ч.К.	47	39	3
23	Нарынбаева Б.Б.	16	22	1
24	Саматов К.С.	12	38	1
25	Сагынбаева Б.С.	24	38	2
26	Садыкова С.З.	13	14	1

№	Автор	Кол-во публикаций	Кол-во цитирований	Индекс Хирша
27	Сыдыков А.Н.	29	41	4
28	Сыдыкова Т.К.	20	57	3
29	Тагаев М.Дж.	76	336	8

Цель любых научных публикаций заключается в том, чтобы донести результаты исследований до максимально значительного количества читателей и специалистов. В этом смысле статьи в серьезных журналах открытого доступа в различных странах выглядят предпочтительнее иных монографий, для которых важно, кто является рецензентом и где издана сама монография. Таким образом, количество публикаций выступает в качестве важного показателя активности действующих ученых, в то время как на показатель цитируемости могут повлиять такие факторы, как так называемое самоцитирование и экстравалингвистический статус авторов.

Диаграмма 1 – Квантитативная характеристика публикационной активности лингвистов Кыргызстана

Количество публикаций ученого является безусловным показателем его творческой активности и стремления поделиться своими собственными идеями и положениями опубликованных трудов в международном научном сообществе (диаграмма 1). Наука не знает границ. Поскольку в данном случае речь идет только о докторах филологических наук, лингвистах, то резонно допускать мысль о том, что результаты сопоставительного анализа данных РИНЦ должны каким-то образом соотноситься с представленностью конкретных лингвистов в докторских и экспертных советах под эгидой ВАК. Названные структуры ВАК нацелены на процессы подготовки научных кадров и в конечном итоге на развитие отечественной науки, в частности, в области лингвистики. Лингвисты, задействованные в этих структурах, должны требовать публикации в серьезных журналах от лиц, которые желают защищать свои докторские диссертации. Следовательно, по логике вещей, в первую очередь в названных структурах должны быть представлены специалисты, которые сами отвечают этим требованиям положений, регулирующих деятельность упомянутых структур. Публикации являются в определенной степени производными докторских диссертаций [4]. Докторские диссертации тогда будут порождать публикации, которые интересны журналам, когда они будут содержать крупные открытия или очевидные новые направления. «Прилизанные» работы с содержанием, которое известно всем, не вызывают вопросы. Но докторские диссертации, написанные на основе нетрадиционных подходов, генерируют новые знания и часто «не понятны» экспертам с традиционными взглядами.

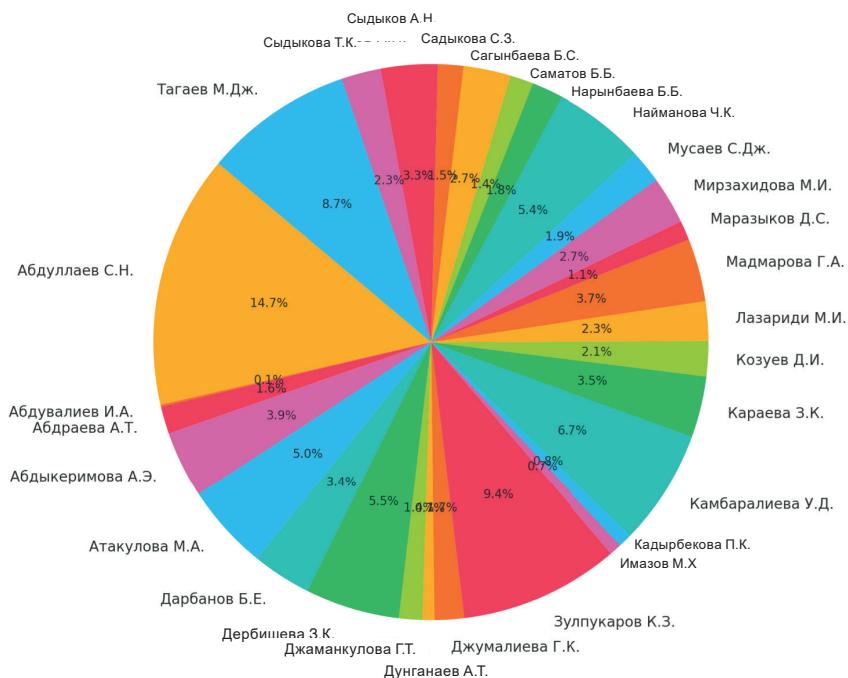
В современном мире издается множество научных журналов открытого доступа. Опубликованные в них статьи повышают рейтинг авторов и делают их публикации доступными для широкого круга читателей. Время ученых-одиночек проходит, вместе с тем в современных условиях активно работают международные научные коллективы. В этом смысле анализ в отношении высокой, средней и низкой продуктивности исследователей-языковедов помогает проводить скоординированную работу в масштабе Кыргызстана и определять вектор исследований на перспективу. Рейтинг

исследователей даже в его текущем состоянии, безусловно, полезен для объективной оценки научного уровня развития лингвистической науки внутри страны. Безусловно, такая работа должна производиться на регулярной основе. Необходимо вносить исправления, поправки, уточнения с анализом всех замечаний [6].

Логично, чтобы Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки, высшего образования и инноваций строила свою деятельность на основе актуальных данных РИНЦ, Scopus, Web of Science и др.

Диаграмма 2 – Наукометрический портрет лингвистики Кыргызстана

Доля публикаций лингвистов Кыргызстана по данным РИНЦ (05.05.2025)

Такие данные (диаграмма 2) наводят на мысли о достаточно неравномерном разбросе среди отечественных языковедов, являющихся докторами филологических наук в области лингвистики. Дифференциация исследователей основывается на объективных показателях научометрической базы. Тем не менее она не может не вызывать интереса.

Итак, анализ научометрических данных позволяет сделать вывод о достаточно разнородной картине научной активности лингвистов Кыргызстана. Наблюдается концентрация публикационной активности у ограниченного круга исследователей. Рейтинг ученых одновременно выступает как показатель продвинутости всего отечественного языкознания [7]. Поэтому обрисованная картина и приведенные на основе базы РИНЦ данные имеют важное значение как со стороны лингвистической науки, так и со стороны администрирования в этой сфере в новых изменившихся условиях развития страны. Полученные данные могут быть полезны для выработки государственной политики в области науки, распределения грантов и оценки научной эффективности конкретных университетов. Все это, несомненно, будет способствовать повышению качества отечественной лингвистики, подготовке научных кадров и решению проблем, которые при обращении к вопросам науки и образования постоянно отмечает руководство страны.

Литература

1. Чабдарова Н.Т., Абдуллаев С.Н. Простые предложения и синтаксические идиомы в русском языке / Н.Т. Чабдарова, С.Н. Абдуллаев // Вестник Иссык-Кульского гос. ун-та. 2021. № 49. С. 163–168.
2. Abdullaev S.N., Abdullaeva G.S. People's Assemblies: Modelling the Sustainable Development of a Multi-ethnic Society / S.N. Abdullaev, G.S. Abdullaeva // Human. Culture. Education. 2020. № 1 (35). Pp. 120–130.
3. Будаев Э.Б., Чудинов А.П. Современные российские лингвисты: библиометрический анализ публикационной активности и цитируемости / Э.Б. Будаев, А.П. Чудинов // Russian Language Studies. Vol. 17. № 3. С. 267–275.
4. Гринев А.В. Некоторые проблемы современной научометрии, научной политики и необходимость формирования научометрических

- субдисциплин / А.В. Гринев // Управление наукой и наукометрия. 2023. № 3. С. 415–449.
5. *Московкин В.М.* Развитие методов определения рейтингов ученых на основе Российского индекса научного цитирования / В.М. Морковкин // Научно-техническая информация. Сер.1. Организация и методика информационной работы. 2017. № 8. С. 23–28.
 6. Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/>
 7. *Жапаров Ш.* Кыргыз тилчилери. Нарын, 2005.

УДК 81'27(540)

C. Билкис

ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В ИНДИИ

Аннотация. В данной статье рассматривается, как в Индии происходит взаимодействие языков и культур, как это влияет на общество, политику и идентичность ее жителей. Особое внимание уделяется роли хинди, английского и региональных языков, а также проблемам языковой политики и сохранения лингвистического разнообразия.

Ключевые слова: Индия; языковое разнообразие; межкультурный диалог; языковая политика; культурный синcretism; языковые конфликты; исчезающие языки.

S. Bilkis

DIALOGUE OF LANGUAGES AND CULTURES IN INDIA

Abstract. This article examines how languages and cultures interact in India, and how this interaction influences society, politics, and the identity of its inhabitants. Special attention is given to the rules of Hindi, English, and regional languages, as well as to issues of language policy and the preservation of linguistic diversity.

Keywords: India; linguistic diversity; intercultural dialogue; language policy; cultural syncretism; language conflicts; endangered languages.

Введение

Индия – одна из самых многокультурных и многоязычных стран в мире. На ее территории говорят на сотнях языков, исповедуют десятки религий, проживает множество этнических групп, что делает ее уникальным местом для межкультурного общения [1]. На протяжении веков миграции, завоевания, торговые связи и внутреннее развитие оказывали влияние на языковую и культурную мозаику Индии [2]. Например, в одном только Мумбае можно услышать маратхи, хинди, гуджарати, тамильский, конкани и английский – все эти языки сформировали местный городской диалект «бамбайя».

Основная часть

1. Языковое разнообразие Индии

1.1. Основные языковые семьи

В Индии представлены языки, относящиеся к четырем крупным языковым семьям:

Индоевропейские языки (север и запад Индии)

- хинди (родной для 44 % населения);
- бенгали (Западная Бенгалия, Бангладеш);
- панджаби (Панджаби, популярен в сикхской культуре).

Интересно, что в песнях Болливуда часто смешиваются хинди и урду, а в Панджабе популярен «панджаби-поп» (например, песни Дильджита Досанджа).

Дравидийская семья (тамильский, телугу, каннада, малаялам). Так, например, фильм «Бахубали» (2015) снят на телугу и тамильском, но дублирован на хинди – это помогло ему стать общеиндийским блокбастером.

Тибето-бирманская семья (бодо, манипури и др.). Важно, что в штате Мегхалая (где говорят на кхаси) английский стал основным языком образования из-за отсутствия единого доминирующего местного языка.

Австроазиатская семья (сантальский, мундари).

Кроме того, существуют изолированные языки, такие как бурунгаски (в Кашмире).

1.2. Официальные языки и статус хинди и английского

Согласно Конституции Индии (1950), хинди (на письме – де-ванагари) является официальным языком федерального правительства, а английский сохраняет статус вспомогательного. Однако на уровне штатов официальными могут быть и другие языки (например, тамильский в Тамилнаде или бенгали в Западной Бенгалии).

Несмотря на попытки продвижения хинди как национального языка, многие регионы сопротивляются этому из-за опасений доминирования североиндийской культуры [4]. Английский остается языком межнационального общения, науки и бизнеса. Так, например, в IT-компаниях Хайдарабада сотрудники могут говорить на телугу между собой, но переходят на английский в рабочих чатах [5].

2. Культурное взаимодействие в Индии

2.1. Религиозный синкретизм

Индия – родина индуизма, буддизма, джайнизма и сикхизма, а также место длительного сосуществования ислама и христианства. Это привело к уникальным формам культурного синтеза:

- суфизм в Индии впитал элементы бхакти-движения;
- сикхизм объединил идеи индуизма и ислама;
- в архитектуре заметно смешение стилей (например, Тадж-Махал сочетает персидские и индийские традиции).

2.2. Литература и искусство

Литература Индии создается на множестве языков, но часто переводится на хинди и английский. Например, Рабинранат Тагор писал на бенгали, но стал известен миру благодаря переводам, в том числе и на русский язык.

Болливуд, снимающий фильмы преимущественно на хинди, заимствует сюжеты из региональных кинематографий (например, из тамильского или малаяламского кино).

3. Проблемы языкового и культурного диалога

3.1. Языковые конфликты

Попытки навязать хинди в южных штатах (где преобладают дравидийские языки) вызывали протесты (например, антихиндистские движения в Тамилнаде в 1960-х) [6].

3.2. Исчезновение малых языков

По данным ЮНЕСКО, многие языки Индии (особенно племенные) находятся под угрозой исчезновения. Государство пытается сохранить их через образование, но доминирование хинди и английского усложняет этот процесс.

Например, язык «бодо» (Ассам) теперь преподают в школах, но на нем говорит всего 1,5 млн человек.

Заключение

Индия представляет собой уникальный пример гармоничного сосуществования множества языков и культур. Проведенное исследование показывает, что секрет успеха этой страны кроется в гибком подходе к языковой политике и уважении к культурным различиям [7].

Ключевые уроки индийского опыта:

1. Многоуровневая система: сочетает общегосударственные (хинди), региональные (языки штатов) и международные (английский) языки, создавая баланс между единством и разнообразием.
2. Естественный культурный синтез: в архитектуре, кухне, искусстве и повседневной жизни превращает различия в преимущество, а не в проблему.
3. Экономическая выгода: многоязычие, особенно заметное в IT-секторе и туризме, делает сохранение разнообразия практически полезным.
4. Гибкая идентичность: позволяет гражданам одновременно принадлежать к разным культурным традициям без конфликта.

Главный вывод: индийский опыт доказывает, что культурное и языковое многообразие может быть источником силы государства, а не его слабостью. Этот пример особенно важен в современном глобализирующемся мире, где вопросы сохранения идентичности становятся все более актуальными.

Перспективы дальнейшего развития этой модели связаны с цифровизацией языкового наследия, адаптацией образования к многоязычной реальности и поиском новых форм культурного взаимодействия в условиях урбанизации. Индия продолжает оставаться живой лабораторией, предлагающей миру вдохновляющие примеры мирного сосуществования различий.

Пример для будущего: молодежь в Мумбае свободно переключается между тремя–четырьмя языками, возможно, это будущая языковая модель для всей страны [8].

Литература

1. *Кочнев В.И.* Языковая ситуация и языковая политика в Индии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. 256 с.
2. *Гусева Н.Р.* Индия: тысячелетия и современность. М.: Наука, 2009. 320 с.
3. *Альбедиль М.Ф.* Культура Индии: традиции и современность. М.: ACT, 2018. 288 с.
4. *Brass P.R.* Language, Religion and Politics in North India. Cambridge University Press, 2011. 384 p.
5. *Pattanayak D.P.* Multilingualism in India: A Case for a New Language Policy // International Journal of Dravidian Linguistics. 2016. Vol. 45. P. 1–15.
6. *Annamalai E.* Managing Multilingualism in India: Political and Linguistic Manifestations. Sage Publications, 2018. 210 p.
7. *Khubchandani L.M.* Plural Languages, Plural Cultures: Communication, Identity, and Sociopolitical Change in Contemporary India. University of Hawaii Press, 2003. 275 p.
8. *Mohanty A.K.* Multilingualism in India: Issues and Challenges // Journal of South Asian Studies. 2019. Vol. 12 (2). P. 45–62.

УДК 372.881.111.1

E.T. Doolotbekova

METHODOLOGICAL TECHNIQUES FOR USING FAIRY TALES IN ENGLISH LESSONS

Abstract. The article discusses methodological approaches to the use of fairy tales in English lessons. The advantages of approaches such as the development of language skills, vocabulary enrichment, stimulating creative thinking and the formation of intercultural competence are presented. Specific methodological techniques are described, such as reading, listening, staging fairy tales, as well as working with vocabulary and grammar. Practical recommendations for teachers and examples of fairy tales suitable for different age groups are

given. The article is aimed at increasing the efficiency and excitement of the English language learning process.

Keywords: fairy tales; methods; techniques; English language.

Э.Т. Доолотбекова

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СКАЗОК НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются методические подходы к использованию сказок на уроках английского языка. Представлены преимущества подходов, таких как развитие языковых навыков, обогащение словарного запаса, стимулирование творческого мышления и формирование межкультурной компетенции. Описаны конкретные методические приемы, такие как чтение, аудирование, инсценирование сказок, а также работа со словарным запасом и с грамматикой. Приведены практические рекомендации для учителей и примеры сказок, подходящих для разных возрастных групп. Статья направлена на повышение эффективности и увлекательности процесса изучения английского языка.

Ключевые слова: сказки; методы; приемы, английский язык.

«Fairy tales not only engage students through their universal themes and imaginative content but also serve as an effective medium for language acquisition by providing contextualized vocabulary and grammar exposure», – Andrew Wright [1].

In our early childhood, mothers and grandmothers told us fairy tales, unaware, perhaps, that in doing so they used one of the most effective methods of psychological correction – fairy tale therapy. A fairy tale is a means of introducing a child to the world of human destinies, to history; it is the “golden key” to changing the environment, its creative, constructive transformation. The child half lives in an imaginary, unreal world, and not just lives, but actively acts in it, rebuilding it and himself. It is from this treasure trove that he draws information about the reality he sees. He doesn't know yet about the specifics of the future, which he still doesn't know how to think about.

Fairy tales are an important tool in teaching foreign languages due to their versatility, accessibility, and ability to stimulate students' interest in learning a language. The use of fairy tales in teaching a foreign language is based on the theory of storytelling, which asserts that storytelling is a universal tool for transmitting information and developing cognitive abilities. Psycholinguistics notes that fairy tales have a unique structure that facilitates memorization: repetitive elements, clear plotting and vivid characters contribute to the memorization of new words and expressions. This article discusses the methodological techniques of using fairy tales in English lessons, their pedagogical value, as well as practical recommendations for teachers. A fairy tale is an easy way to get into the essence of real things and phenomena and convey information to students in a simple, visual form. Dialogues in fairy tales provide the necessary repetition of language material, which is achieved by the plot structure of the fairy tale [2]. Below is the definition of a fairy tale from the point of view of methodological technique, so according to V.P. Arakin: "Fairy tales are oral prose narratives, collectively created and traditionally preserved by people, of such real content that, of necessity, requires the use of incredible depiction techniques of reality. They are not repeated in any other genre of folklore" [3].

The meaning of fairy tales in learning English:

- Fairy tales play a significant role in language education because they;
- They provide an opportunity to learn an authentic language in context;
- They develop listening, reading, speaking and writing skills;
- They contribute to the expansion of vocabulary and the formation of grammatical skills;
- They stimulate the imagination and creative thinking of students;
- They form intercultural competence through familiarity with the cultural traditions of the countries of the studied language.

Methodical methods of using fairy tales

1. Reading fairy tales.

So, reading fairy tales in English helps students to develop the skills of perception and understanding of the text. The teacher can use the following techniques:

- Predictive reading: Students retell the contents of a fairy tale by its name, illustrations, or the beginning of the text;
 - Reading with Questions: While reading, the teacher asks questions to test understanding and maintain interest;
 - Role-playing reading: Students act out character dialogues, which helps develop pronunciation and intonation skills.
2. Listening to fairy tales.

Using the audio version of fairy tales helps to improve listening skills. You can use techniques such as:

- Listening with skips: Students fill in the gaps in the text of the fairy tale while listening;
- Character recognition: Students listen to character descriptions and guess who they are talking about;
- Discussion after listening: students discuss what they have heard and share their impressions.

3. Using fairy tales to develop writing skills.

Fairy tales provide a wide range of opportunities for writing assignments:

- Writing an alternative ending to a fairy tale;
 - Creating character descriptions;
 - Writing your own version of a fairy tale based on the studied history.
4. Dramatization of fairy tales.

Staging fairy tales develops students' communication skills, creativity, and confidence. The teacher can:

- To organize a theatrical production;
- Use a puppet theater;
- Invite students to create their own dialogues and act them out.
- Working with vocabulary and grammar.

Fairy tales contain rich lexical and grammatical material that can be used for:

- Learning new words and expressions through context;
- The practice of grammatical constructions found in the text;
- Create exercises to consolidate the studied material (for example, filling in gaps, making suggestions).

Incorporating fairy tales into English language learning makes the process more engaging and effective. Below are examples of fairy tales and related activities suitable for different levels of language proficiency:

1. Beginner Level:

- “The Three Little Pigs”: Introduces vocabulary related to building materials (straw, sticks, bricks) and basic grammatical structures.
- “Goldilocks and the Three Bears”: Focuses on adjectives describing size and temperature, as well as verbs in the simple past tense.

2. Intermediate Level:

- “Jack and the Beanstalk”: Expands vocabulary with terms related to adventure and fantasy (giant, castle, beanstalk) and introduces conditional sentences.
- “The Ugly Duckling”: Stimulates discussions on emotions, personal growth, and introduces comparative and superlative adjectives.

3. Advanced Level:

- “Alice in Wonderland”: Expands vocabulary and comprehension, exploring idiomatic expressions and complex grammatical structures.

Fairy tales often convey moral lessons and explore universal themes such as love, bravery, good versus evil, and personal growth. Discussing these themes in the classroom allows students to engage in meaningful conversations about values and ethics. Teachers can guide students to reflect on how these themes relate to their own lives and experiences, which deepens their understanding of the story while also promoting cultural awareness.

Recommendations for Teachers:

- Select fairy tales that are suitable for the students' language proficiency and age. For beginner levels, choose short, adapted stories with simple vocabulary and repetitive structures. For advanced learners, consider using original fairy tales and stories;
- Integrate fairy tales into lessons through a variety of activities, such as listening, reading, role-playing, and writing exercises;
- Make use of visual and audio materials, including illustrations, audiobooks, and animated versions of the fairy tales, to enhance engagement and comprehension. For Teaching Resources: Develop instructional materials that include fairy tales along with exercises designed to improve vocabulary, grammar, and speaking skills. Pay attention to the cultural and moral themes within the fairy tales, ensuring that students gain insight into the traditions and values of English-speaking cultures.

Well, using fairy tales, teachers can create a fun and interactive classroom where students improve their vocabulary, grammar, and speaking skills. Fairy tales also help students think creatively and critically. They offer a great chance to explore cultural themes, lessons, and values, helping students understand both the language and the cultures where it is spoken. Whether through role-playing, retelling, or talking about the lessons in a story, fairy tales make learning English more exciting and engaging. By using their long-lasting charm and educational value, teachers can improve language skills and help students connect more deeply with the language and culture.

References

1. *Andrew W.* "Storytelling with Children" published by Oxford University Press, 1995.
2. *Ariyoki K.* Ways of activating young learners in English classes // Early Learning of English: Theory and Practice. SPb. 2004. Pp. 90–95.
3. *Anikin V.P.* Theory of Folklore. Moscow, 1996; 2nd ed. M., 2004. P. 35.
4. *Borisova E.M.* Correction and development activities for 6–8 grade students / Loginova G.P. Obninsk, 1993. 196 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаев Сайфулла Нурмухаммединич – доктор филологических наук, профессор, директор этнокультурного центра «Ренессанс», профессор кафедры русского языка и литературы Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова, (г. Каракол, Кыргызстан).

Билкис Султана – аспирантка кафедры русского языка и лингвокультурологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва, Россия).

Гусейнова Иннара Алиевна – доктор филологических наук, профессор, проректор по молодежной политике Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия).

Данияр кызы Светлана – магистрант Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова (г. Бишкек, Кыргызстан).

Дербишева Замира Касымбековна – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института мировых цивилизаций и языков Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан).

Джаманкулова Кульжамал Тологоновна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры кыргызского языкоznания Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (г. Бишкек, Кыргызстан).

Джумабаева Орукгул Кыргызыбаевна – заведующая кафедрой мировых языков Института мировых цивилизаций и языков Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан).

Джумаза Мар Вундизович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Национальной академии наук Кыргызской Республики (г. Бишкек, Кыргызстан).

Доолотбекова Элина Туратбековна – студентка 3-го курса Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева (г. Бишкек, Кыргызстан).

Дурдыева Огулнур Мырадовна – учитель специализированной школы № 46, Ахалский велаят (Китай, Туркменистан).

Еникеев Ильдар Ахнафович – кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории сопоставительного татароведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия).

Закирова Елена Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (г. Москва, Россия).

Ибрагимов Марсель Ильдарович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий лабораторией сопоставительного татароведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия).

Ибраев Алмаз Орозакунович – кандидат политических наук, доцент, первый проректор Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (г. Бишкек, Кыргызстан).

Ибраимова Карамат Сартмаматовна – докторант Международного университета Кыргызстана (г. Бишкек, Кыргызстан).

Кадырбекова Памира Кадырбековна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики Института иностранных языков Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (г. Бишкек, Кыргызстан).

Кадыркулова Упел Керимбаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова (г. Каракол, Кыргызстан).

Казакбаева Асель Саматбековна – заместитель директора по образовательной деятельности Института мировых цивилизаций и языков Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан).

Калиева Каныкей Акимовна – кандидат филологических наук, доцент Кыргызско-Турецкого университета “Манас” (г. Бишкек, Кыргызстан).

Канатбек кызы Айсулуу – магистрант кафедры русского языка и литературы Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова (г. Каракол, Кыргызстан).

Лазариди Милана Исааковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры философии и религиоведения Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан).

Медведева Екатерина Павловна – педагог дополнительного образования кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (г. Москва, Россия).

Молдомамбетова Айжан Сүйорбековна – старший специалист научно-инновационного отдела Института русского языка им. А.О. Орусбаева Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан).

Нарозя Алла Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель отделения филологии Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (г. Бишкек, Кыргызстан).

Неделько Ирина Александровна – студентка 1-го курса факультета экономики и управления Московского политехнического университета (г. Москва, Россия).

Оторчиеva Айсалкын Токтосуновна – старший преподаватель кафедры арабской филологии Международного Кувейтского университета (г. Бишкек, Кыргызстан).

Рахимов Довлетмырат – старший преподаватель Международной школы бизнеса Хэбэйского университета иностранных языков (г. Шицзячжуан, КНР).

Сатыбалдиева Гулмира Абдуллаевна – кандидат филологических наук, доцент Международного университета Кыргызстана (г. Бишкек, Кыргызстан).

Середина Юлия Евгеньевна – старший преподаватель кафедры лингвистики Международного университета «Ала-Тоо» (г. Бишкек, Кыргызстан).

Тагаев Мамед Джакыпович – доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. А. Орусбаева Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан).

Темирбекова Зарина Исматовна – преподаватель кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Института мировых языков и международных отношений им. Ш. Кадыровой КГУ им. И. Арабаева (г. Бишкек, Кыргызстан).

Темиркулова Бермет Маратовна – докторант высшей школы докторанттуры (PhD) Международного университета Кыргызстана (г. Бишкек, Кыргызстан).

Тилекматова Асель Тилекматовна – докторант Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова (г. Бишкек, Кыргызстан).

Федянина Александра Андреевна – старший преподаватель кафедры мировых языков Кыргызско-Российского Славянского университета (г. Бишкек, Кыргызстан).

Хаваза Фатима Нуровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Национальной академии наук Кыргызской Республики (г. Бишкек, Кыргызстан).

Циленко Константин Сергеевич – детский хирург, Европейский медицинский центр (г. Москва, Россия).

Циленко Любовь Петровна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Московского политехнического университета (г. Москва, Россия).

Чарыкульев Ресул Ровшенович – преподаватель Международной школы бизнеса Хэбэйского университета иностранных языков (г. Шицзячжуан, КНР).

Чинлода Мадина Сулеймановна – кандидат филологических наук, главный научный сотрудник Института мировых цивилизаций и языков Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан).

Янкын Наталья Викторовна – старший преподаватель Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (г. Бишкек, Кыргызстан).

ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник статей Международной
научно-практической конференции
(г. Бишкек, 25 апреля 2025 г.)

Редактор *Р.Д. Мукамбетова*
Компьютерная вёрстка *А.Ш. Мельниковой*

Подписано в печать 28.11.2025.
Формат 60×84 $1/16$. Печать офсетная.
Объём 15,75 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 46.

Издательский дом КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Анкара, 24к.